
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «РУССКИЙ И ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫКИ И МЕТОДИКА ИХ ПРЕПОДАВАНИЯ»

Шаклеин В.М. — академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, ответственный секретарь Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания филологического факультета РУДН — *главный редактор серии*

Михеева Н.Ф. — доктор филологических наук, профессор, академик МАН ВШ, заведующая кафедрой иностранных языков филологического факультета РУДН — *заместитель главного редактора*

Микова С.С. — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета РУДН — *ответственный секретарь редколлегии*

Члены редколлегии

Балыхина Т.М. — академик МАНПО, доктор педагогических наук, профессор, декан факультета повышения квалификации преподавателей русского языка как иностранного РУДН

Красильникова Л.В. — доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Чеснокова О.С. — доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН

Хавронина С.А. — кандидат педагогических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета РУДН

Караулов Ю.Н. — доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН

Бланкофф Джон (Jean Blankoff) — профессор, член Бельгийской королевской академии (Бельгия)

Млечко Т.П. — доктор педагогических наук, профессор, ректор Славянского института Молдовы (Молдова)

Моника Перотто — профессор, доктор наук, научный сотрудник и доцент кафедры русского языка факультета иностранных языков и литератур Болонского университета (Италия)

Белый В.В. — кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой белорусского и русского языков Белорусского государственного медицинского университета (Белоруссия)

Урия Лауэдж — профессор Центра интенсивного изучения языков (Университет Алжир 1)

Рафаэль Гусман Тирадо — вице-президент МАПРЯЛ, доктор филологических наук, профессор кафедры греческой и славянской филологии Гранадского университета (Испания)

Кудрявцева Л.А. — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института филологии Киевского национального университета им. Т.Г. Шевченко, Президент Украинской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (УАПРЯЛ), член Президиума МАПРЯЛ (Украина)

THE EDITORIAL BOARD OF THE SERIES “RUSSIAN AND FOREIGN LANGUAGES AND METHODS OF TEACHING”

Viktor M. Shaklein — Editor-in-chief, Member of the Academy of Natural Sciences, Doctor of Philology, Professor, Honorary Higher and Professional Education Employee of the Russian Federation, Head of the Chair of the Russian Language and Methods of Its Teaching of the Philological Faculty of Peoples' Friendship University of Russia, Secretary-General of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL).

Natalya F. Mikheeva — Deputy Chief Editor, Member of the International Academy of Sciences of Higher School, Doctor of Philology, professor, Head of the Chair of Foreign Languages of the Philological Faculty of Peoples' Friendship University of Russia, a member of two Dissertation Councils.

Svetlana S. Mikova — Executive Editor, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Its Teaching of the Philological Faculty of Peoples' Friendship University of Russia.

Members of the Editorial Board

Tatiana M. Balykhina — Member of the Academy of Sciences of Nature and Society, Doctor of Pedagogy, Professor, Dean of Advanced Training Faculty for Teachers of Russian as a Foreign Language of Peoples' Friendship University of Russia.

Lidiya V. Krassilnikova — Doctor of Pedagogy, Professor, Chairperson of the Chair of the Russian Language for Foreign Students of the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University.

Olga S. Chesnokova — Doctor of Philology, Professor of the Chair of Foreign Languages of the Philological Faculty of Peoples' Friendship University of Russia.

Serafima A. Khavronina — Candidate of Philology, Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of its Teaching of the Philological Faculty of Peoples' Friendship University of Russia, an outstanding specialist in methods of teaching Russian as a foreign language.

Yuri N. Karaulov — Doctor of Philology, Associate Member of Russian Academy of Natural Sciences.

Jean Blankoff — Professor, Member of Belgian Royal Academy (Brussels, Belgium).

Tatiana P. Mlechko — Doctor of Pedagogy, Professor, Rector of Slavonic Institute of Moldova (Moldova).

Monica Perotto — Ph.D. Professor, Research Assistant, Assistant Professor of the Chair of the Russian Language of the Faculty of Foreign Languages and Literatures of Bologna University (Italy).

Valery V. Bely — Candidate of Philology, Professor, Chairman of the Chair of the Russian and Belorussian Languages of Belarus State Medical University (Belarus).

Uria Lauedj — Professor of the Centre of Intensive Language Study (University Algeria 1).

Rafael Gusman Tirado — Vice-President of International Association of Teachers of the Russian Language and Literature (MAPRYAL); Doctor of Philology, Professor of the Chair of Greek and Slavonic Philology of Granada University (Spain).

Ludmila A. Kudryavtseva — Doctor of Philology, Professor of the Chair of the Russian Language, Institute of Philology, Shevchenko Kiev National University, President of the Ukrainian Association of the Teachers of the Russian Language and Literature (UAPRYAL), Member of Presidium of International Association of Teachers of the Russian Language and Literature (MAPRYAL).

ВЕСТНИК Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия

**РУССКИЙ И ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ
И МЕТОДИКА ИХ ПРЕПОДАВАНИЯ**

2016, № 3

Серия издается с 2003 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКИ ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ

Lopukhina R.V. The Specificity of Reasoning Expression in the Artistic Text	7
Lunkova L.N. The Anatomy of an Artistic Text	14
Мамонтов А.С., Морослин П.В. Коммуникация в сфере рекламы как одна из форм диалога культур (на материале русско-вьетнамских сопоставлений)	18
Maslova V.A. The Russian Language through the Codes of Cultural Linguistics	27
Nikitin O.V. Language Stylization in Leskov's Notes of the Unknown (Zametki Neizvestnogo)	34
Новикова М.Л. Интерактивные методы обучения и их роль в преподавании русского языка иностранным космонавтам	45
Sknarev D.S. Reclamemics and Linguistic Marketing as New Knowledge Areas	51
Sotova I.A., Kolesova N.N. Teaching Foreign Medical Students Professional Russian Speech on Base of Genre-Oriented Approach	58
Slozhenikina Yu.V. Language of Scientific Communication (Problems in Semantic Variation in Terminology)	64
Хроменков П.Н., Максименко О.И. Вербальный конфликтогенез интернет-запросов	68

**ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ,
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ**

Gerasimenko I.A. Implicit Potential of Linguistic Sign	82
Salamatina I., Strebkova Zh. Developing Social and Cultural Awareness in FLT	89
НАШИ АВТОРЫ	93

BULLETIN of Russian Peoples' Friendship University

SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in 1993

Series

**RUSSIAN AND FOREIGN LANGUAGES.
METHODS OF ITS TEACHING**

2016, № 3

Series founded in 2003

Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND METHODS OF ITS TEACHING

Лопухина Р.В. Специфика выражения умозаключений в художественном тексте	7
Лунькова Л.Н. Анатомия художественного текста	14
Mamontov A.S., Moroslin P.V. Communication in Advertising as Form of Dialogue of Cultures (Russian-Vietnamese Interaction).....	18
Маслова В.А. Русский язык в аспекте кодов лингвокультурологии	27
Никитин О.В. Языковая стилизация в «Заметках неизвестного» Н.С. Лескова	34
Novikova M.L. Interactive Teaching Methods and Their Role in Teaching Russian as a Foreign Language to Astronauts.....	45
Скнарев Д.С. Рекламемика и лингвомаркетинг как новые области знаний.....	51
Сотова И.А., Колесова Н.Н. Обучение профессиональной русской речи иностранных студентов медицинского вуза на основе жанрового подхода	58
Сложеникина Ю.В. Язык научной коммуникации (проблема семантического варьирования термина).....	64
Khromenkov P.N., Maksimenko O.I. The Verbal Conflictogenesis of Internet Inquiry...	68

FOREIGN LANGUAGES: LINGUISTIC RESEARCH, METHODS OF TEACHING

Герасименко И.А. Имплицитность языкового знака	82
Саламатина И., Стребкова Ж. Формирование социокультурной компетентности в процессе преподавания иностранного языка	89
OUR AUTHORS	93

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКИ ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ

THE SPECIFICITY OF REASONING EXPRESSION IN THE ARTISTIC TEXT

R.V. Lopukhina

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Lenina Av., 125, Tula, Russia, 300026

The article deals with the specificity of cultural identity and linguistic variability of reasoning expressions in the artistic text.

Key words: the artistic text, the logic of thinking, reasoning, cause-and-effect relations, antilogism

Nowadays in the study of the artistic text there is a great number of mutually complementary approaches and concepts that contribute to better understanding of its linguistic and cultural aspects. The artistic text as a “reproduction” and reflection of reality creates its own system of correlation of words, composition components and the parts of different content and various structures [1. P. 28]. In addition, each well-known writer, as a bright representative of the language community that he belongs to, in the form of art reflects the characteristic features of the national mentality and peculiarities of national communication. Based on this, we consider the literary text as linguocultural formation, which is the bearer of the author’s individual and the general ethno-cultural characteristics of communicative behavior of people [2. P. 78].

Although the author’s attitude to the depicted finds expression in the direct estimation relatively rare, it manifests itself at the different levels of the text system. One of the little-investigated areas at the present stage of development of linguistics is the study of the literary text from a logical-language position in the aspect of the relation between language and thought. In our opinion, this relation is most evident in the specific cultural and linguistic inferences resulting variability of expression as reported on the subconscious level of a native speaker.

This article analyzes the features of the reasoning expressed in judgments and evaluations of artwork characters thus reflecting the characteristic features of contemporary discourse of 80s—90s of the XX century. The research carried out within the framework of anthropocentric paradigm, defined as one of the leading paradigms in modern

linguistics. This approach involves the interpretation of the text in the aspect of text generation (the author's position) and perception (the reader's position), as well as its impact on the reader.

The works of one of the modern Russian authors V.S. Tokareva were the material for analysis [3]. This material reflects universal values, the subtle perception of life and at the same time a purely national, "Russian" attitude to many life situations and phenomena. The German critic H. Schlaffer defined the main feature of the creativity of the writer:

The stories by Tokareva are as prosaic and monotonous as life itself when you interpret it as daily routine, though they are as exciting as daily routine if you want to learn its system and its foundation.

The works of V. Tokareva composed in Russian, are addressed primarily to the representatives of the linguistic community, they are structured on the basis of the national paradigm of thinking and cultural sets of the Russian people. Thus logical and linguistic analysis enables us to identify author's patterns of consumption of the means of the national language in terms of the specific models of artistic communication functioning.

As we know, the world around us is reflected in the minds of people in a variety of forms of thought (concepts, judgments, reasoning), which are fixed in the associative language signs. Language thus expresses not only the specific content of thought (semantic level), but also reinforces the logic of thinking. Syntactic language tier plays a special role in the translation of cultural identity of the people and stereotyping the world outlook.

To ask questions, to explain, to argue, to prove, to refute, to doubt, to ask for something, to request, to authorize, to forbid — all these and other forms of mental activity are the kinds of reasoning. Therefore we can assert that thinking and reasoning is the same.

Reasoning is the most important and the most difficult form of thought which occupies the central place in logic, since due to them humans have accumulated vast theoretical knowledge in the cognition of the world and the humanity itself. "... Our conversations are full of reasoning, but we almost do not notice them" [4. P. 39].

As one of the most common and the most difficult intellectual operations, reasoning in each concrete case appears as a specific section of the intellectual and verbal activity, consisting in the fact that some part of thought and speech is shaped as logical deduction [5. P. 48].

There are three types of deductive logical reasoning in modern formal logic: 1) a simple categorical syllogism; 2) conditional categorical syllogism; 3) separating-categorical syllogism [6].

The first of these, which can be studied only Aristotelian subject-predicate logic, occupies a leading position both in its complexity and types and forms diversity, as well as on the frequency of the actual operation of a natural language. Relatively categorical and separation-categorical conclusions investigated only by means of propositional logic, because relations here can be established only between propositions, but not concepts. If the concept is expressed by a single word or phrase, and judgment — by a separate proposal, or a combination of proposals, the conclusion is always the connection of several, two or more sentences. For example:

It is possible to treat the problem via sport: do morning exercises, practice yoga breathing, fasting once a week. *But in order to live like* [premise], should be very strong to love yourself [conclusion]. To me it is boring ("Pirates of the Distant Sea").

The study of reasoning has been the subject of formal logic study, but at the present stage of development of science, there is a high interest in this phenomenon from the side of the linguists. Reasoning has been thoroughly examined within scientific speech studies, while the language of reasoning in the artistic text are still not studied well enough [7]. Meanwhile the identification of mentioned specificity of reasoning may shed light on a number of problems faced by the researchers of linguistics and semantics of the text may face, in particular on issues such as the participation of various agencies in creating writer's idiostyle, in the reflection of the typical personality assessments and cultural attitudes adopted in the society etc.

The presence of reasoning in an artistic text is a natural and logical phenomenon exemplifying the progress of the author's thinking process author, embodied in the specific language forms and structures.

It should be noted that as a rule the formal type of arguments with strong cause-and-effect relations and logical structure is in works of art is transformed or truncated. Generally literature is characterized by informal, value judgments and conclusions, reflecting general cultural and personal experience of the person.

The general rule of linguistic expression of reasoning in the Russian language is next: if the conclusion follows the premises, it is necessary to put such words like *consequently*, *therefore*, *so*, *thus*, *it follows that* etc before them. For example:

They continued standing: either did not understand, or perhaps could not move because of joy [premise]. Great joy as well as a lot of pain acts as shock [conclusion]. ("The Long Day").

If the conclusion precedes premises, then one should put the words *because*, *because of*, *as since*, *that is why* etc after it:

Destiny — is the character [conclusion]. And my character cannot be changed, because it is my size [premise] ("Pirates of the Distant Sea").

If the conclusion is located between the premises, the appropriate words simultaneously precede and follow it.

In a lively speech, unlike the textbook logic, this order is relative: conclusion can complete reasoning or start it; as well the conclusion can be in the middle of the reasoning — between its premises.

One of the difficulties in the study of reasoning in the artistic text is the premise that such structures are available, thus if they are, they must be presented in the same way as in the textbooks of logic (three-term form of reasoning with the obligatory presence of two premises and conclusion). Therefore, there is a request for a detailed analysis of the context in order to understand what way and in what semantic, lexical, syntactic forms reasoning are presented in an artistic text.

Another difficulty in the study of reasoning is caused by their familiarity to our mentality. Such phenomena as "cause" and "effect" are common in our life, they are naturally reflected in the text so that we practically do not notice them [8. P. 42].

To identify the reasoning structures in the language means, first of all, to find cause-and-effect semantic relations in the text. Here are some examples of such analysis.

The semantic meaning of a sentence, “I realized that they was a struggle. Wife defended their right to identity” we cannot find the reasons for *fight*. However, in the same syntactical constructions, but with a partially modified lexical content, we discover the reason:

I realized that they was a struggle for power. *Lodya wanted to subordinate his wife*. And the wife defended her rights (“Pirates of the Distant Sea”).

The semantic meaning of the highlighted words indicates the cause of action, and semantic value of the other words — the consequence of this cause. A similar situation is also possible in the simple sentences with prepositional-substantive structures:

Of course, I could deny Lodya (there is no indication of the cause). *But I can see the rejection and betrayal* of childhood and common roots... (there is an indication of the cause).

During the study of literary texts from logical-linguistic positions we have discovered mainly reduced definitive conclusions (enthymeme) and have set the lexical and grammatical means used to express them. Enthymeme in formal logic is abbreviated syllogism that omits one of the judgments — the major premise, minor premise and a conclusion. Most of all, the major premise is omitted (omitted judgments put in square brackets). For example:

She is angry and vents her anger on me, because I am not the one who she needs. She needs a completely different person, and I am instead of him (“Pirates of the Distant Sea”). [All the women are angry, if they do not meet the person who they want (major premise). I am not the kind of person she needs (minor premise), so she vents her anger on me (conclusion)].

The ultimate reduction of reasoning can be enthymeme, consisting only of the conclusion. In this regard, revealing remark logic: “Seeing the pure sky., we conclude: *The weather will be good...* This is deductive though compressed to the limit explanation. The general statement and the first premise are omitted: *Whenever the sky is clear, the weather is good*. The premise *sky is clear* is omitted. The both assertions are obvious so it is not necessary to say them out loud” [4. P. 39].

However reasoning can be expressed exceptionally by lexical means:

After a week Prokushev realized that consider and weigh all the *impossible because every circumstance has two straight contradictory aspects* (“Love and travel”).

The use of enthymemes in an artistic text is caused by definite linguistic and psychological reasons. The complete reasoning mostly contain some well-known information, which makes no sense for a reader. At the same time, enthymeme makes a reader to think, it increases reader’s interest in the written. The author, who gives one or two premises for his conclusions, should “keep in mind” the rest of the premises. He must be sure that the readers are aware of the missing premises and they can restore them easily.

Since enthymeme is most often found in the live speech, sometimes it is difficult to answer the question of whether there is a direct relationship between the necessary premises or this dependence is hidden by omitting of definite elements of thought. Some authors compare reconstruction of enthymemes into the complete syllogisms with “proof of the theorem” [9. P. 195]. The other authors figuratively write: “An attempt to restore the logical connections omitted in the text can be compared with the work of a detective

who has to deal with a set of disparate facts and must find a way to combine them with the causal relationships in one verisimilar version” [10. P. 37].

These procedures were studied at great length on the material of Russian and German languages in the works of A.T. Krivonosov [5; 8].

In practical life, a person thinks mostly in enthymemes. If thought in full, three-term syllogisms and kept in mind all the three premises, his speech would be absurd, with lots of redundant and unnecessary words, known as self-evident axioms.

Here are some examples of such condensed conclusions reflecting the typical characteristics of heroes estimated speech. The examples were taken from the stories of V. Tokareva.

Enthymeme expressed by two separate proposals:

I am offended, but I do not show that... [premise]. *Otherwise, she would say: “Never suffer in front of the woman [the conclusion]. Go home and suffer as long as you want”* (“Pirates of the Distant Sea”).

Claudia turned and walked out of the room. She did not want to argue with me: *after all, she depended on me* (“Pirates of the Distant Sea”).

... There are smart fools, like Tamara, and there are solemn ones. And I am the utter fool [premise]... Those kinds make sense, me — no. [conclusion] (“Pirates of the Distant Sea”).

Enthymeme expressed by a complex sentence:

Fate — is character. And my character cannot be changed, *because it is my dimension type* (“Pirates of the Distant Sea”).

Enthymeme expressed by a compound sentence:

As a rule, people first deliberate... [premise], *and after that they leave their family* [conclusion]. I first left, and then began to deliberate (“We Need to Talk”).

Enthymeme expressed by a simple sentence:

— ... But why do not you marry him? [premise]

— *Because he is a dishonourable man* [conclusion]. He has no desire for order. He prefers complete chaos in relationships (“Pirates of the Distant Sea”).

Star Boy. Alien boy. He does his work and does not put himself into anybody’s position [premise]. *That is why Kira preferred him to me* [conclusion]. Although, objectively, I am more beautiful and positive and I prefer the order to complete chaos (“Pirates of the Distant Sea”).

Simple sentences, consisting of predicative and detached phrase “Stunned with violent onslaught, she got confused” (“Nothing Special”).

The presence of compressed reasoning in human daily thinking confirms the fact that the process of thinking is not closely associated with the language, as definite assessments, most well-known within the representatives of the community, do not need language explication.

The carried out research of the artistic texts allows to draw another important conclusion concerned the language specificity of the structures mentioned. The Russian language has a big variety of forms, not only for expression of the “correct” deductive reasoning (syllogisms), but also for the deliberate expression “wrong” syllogisms, antilogism as a reflection of the contradictions of material reality, human interaction with this reality and the interaction between people.

“Antilogism is a logic concept characterizing the incompatibility of categorical syllogism premises with denial its inference or conclusion. Antilogism is based on the laws of logic, according to which the conclusion cannot be false, in case if the premises are true” [11. P. 43]. This is a syllogism with the different conclusion, “anticonclusion”, created by the use of the predicate of the restored major premise (or its synonyms) with the denial or antonymous predicate concepts, but without negation.

While analyzing the facts we found the cases of regular violation of logical and properly constructed syllogisms, though abused by certain rules — judgments in function of conclusion where everything is put “upside down”. Compare, for example,

“Galya had every reason to consider himself a happy woman [premise]. *The grounds were, but there was no happiness* [conclusion]. She acquired Trofimov territorially, but could not get his mind and did not know what to do”. “As a rule, people first deliberate ... [premise], *and after that they leave their family* [conclusion]. I first left, and then began to deliberate” (“We Need to Talk”).

The ability to express antilogism a person realizes by means of natural language according to the laws of formal logic.

Thus, the logical laws of cause and effect phenomena of objective reality are reflected in the language, so the language causality as a complex and multifaceted phenomenon continues to attract scientists’ attention and it is studied in various aspects of modern linguistics. This connection of language and logic of thought is primarily manifested in the features of ethnically related conclusions expressed in the artistic texts as well.

Review of the distinguished judgment is certainly incomplete even for the specified works of V. Tokareva as well as their set itself. However, this analysis indicates that the conclusions can provide better understanding of the peculiarities of national mentality and community representatives’ value orientations. So, it requires more detailed study within the sphere of intercultural communication.

REFERENCES

- [1] Dorofeev V.G., Martemijanov Yu.S. Logicheskij vyvod i vyjavlenie svjazej mezhdu predlozhenijami v tekste. Mashinnyj perevod i prikladnaja lingvistika [The logical conclusion and exploring linkages between proposals in the text machine translation and applied linguistics]. ISS. 12. M., 1969, pp. 48—69.
- [2] Getmanova A.D. Logika [Logic]. M.: New school, 2001.
- [3] Ivin A.A. Strogij mir logiki [Strict world logic]. M.: Pedagogy, 1988.
- [4] Kondakov N.N. Logicheskij slovar’-spravochnik [Logical Handbook]. Nauka, 1975.
- [5] Krivonosov A.T. Sistema klassov slov kak otrazhenie struktury jazykovogo soznanija (Filosofskie osnovy teoreticheskoj grammatiki) [System classes of the words as a reflection of the structure of language consciousness (Philosophical foundations for theoretical grammar)]. M.—New York, N.Y.: Cheraw, 2001.
- [6] Krivonosov A.T. Filosofija jazyka [The Philosophy of language]. M.: Azbukovnik, 2012.
- [7] Saltanova N.Yu. Specifika rassuzhdenija v hudozhestvennom tekste: v sravnenii s rassuzhdeniem v nauchnom tekste [The specificity of reasoning in the artistic text: compared to the reasoning in scientific text]. The Abstract. of. ... Cand. PhD. Sciences. M., 2008.
- [8] Shaklein V.M. Lingvokulturologija: tradicii i innovacii [Linguistic culture: traditions and innovations] (electronic resource): monograph. M.: Flint, 2012.

- [9] Svinzov V.I. Logika [Logic]: Stud. for high schools. M.: Top. school, 1987.
[10] Tokareva V.S. Letajushhie kacheli. Nichego osobennogo: Povesti, rassказы [Flying swing. Nothing special: Novels, stories]. M.: Soviet writer, 1987.
[11] Vinogradov V.V. Problemy russkoj stilistiki [The Problem of Russian style]. M.: Vysshaya Shkola, 1981.

СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ УМОЗАКЛЮЧЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Р.В. Лопухина

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
проспект Ленина, 125, Тула, Россия, 300026

В статье рассматривается национально-культурная специфика и языковая вариативность выражения умозаключений в художественном тексте.

Ключевые слова: художественный текст, логика мышления, умозаключение, причинно-следственные связи, антилогизмы

THE ANATOMY OF AN ARTISTIC TEXT

L.N. Lunkova

State University of Social Studies and Humanities
Zelenaya str., 30, Kolomna, Russia, 140410

The article is a survey of contemporary approaches to text studying. The focus of the work is primarily laid upon an artistic text, its constituents and levels. The discussion is held within the scope of the Russian literary and linguistic tradition. The theories of text structuring dealt upon in the article also deal with the methodology of text analysis. The strong and weak points of suggested scientific outlooks are revealed.

Key words: text analysis, composition, message, foregrounding

Studying a literary text structure and specifics goes back to ancient times and a literary text due to its imagery is historically characterized as a piece of art [5. P. 318]. The modern approaches to text structuring are numerous and vary from general semiotics to special literary or linguistic stylistics. In terms of contemporary semiotic theory a literary text is a system of particular signs whose functions and significance are determined by the others like any system implies. The text cohesion and systematic character are possible through the unity of the contents and the structure. Y.M. Lotman once wrote that the same as ideal is inseparable from the material structure of our brains; the artistic image is inseparable from the text structure [6. P. 11].

A more language focused theory of the text architecture reminds of the general idea of the language system as it is and suggests a two-level system with the *deep* and the *surface structures* [10]. The deep structures include the theme and the message, the correlation and the interaction of characters specified by the imagery. A most significant element here is the author's intent and pragmatics. The deep structure is materialized through language and is currently transformed into a surface structure. The both are interdependent: the deep structure can be likened to a computer program imposing its own rules and the choice of language means, while the surface structure affects the deep one materializing it [10. P. 57].

Though the text definition as well as understanding of the number and the nature of its constituents are shaped rather ambiguously in modern linguistics the differences are mainly terminological and do not change the essence of the phenomena. Thus, quite similarly V.V. Odintsov points out the *category of the contents* (theme, characters, message) and the *category of the form* (arrangement, language, expressive means) as the core elements of a literary text [9. P. 43].

The same layers are discussed by A.I. Gorshkov. Now they are called *the plan of content* and *the plan of expression* correspondently. The former includes the theme, the message, the artistic reality, the latter deals with the language means involved, the choice of words, the text arrangement. Particular attention is given to the word choice and arrangement for it being the principal instrument of the text continuity [2. P. 141]. The language elements and the elements of the artistic reality make up the text architectonics, i.e. the

exterior of a verbal piece and its parts. The message and the architectonics merge within the numerous reflections of the image of the author; the text arrangement and the architectonics merge within the plot. At the top of the text structure is the image of the Author [3. P. 247].

A literary text as an artistic unity is studied within the scientific school of Vinogradov (Gorshkov A.I., Kozhevnikova N.A., Nikolina N.A., Novilov L.A. and others (1) where its structure is a strict hierarchy and the message is transmitted up through the text levels. Consequently there are three levels:

— *the Aesthetic Level (ideyno-estetichesky uroven')* the author's aesthetic idea of the artistic reality embodied in a literary text;

— *the Genre and Composition Level (zhanrovo-compozitsyonnyi uroven')* the poetic structure of the text in its broadest sense, the way the literary text is "made up", its construction and the scheme conditioned by the genre, the characters, the events, their interaction and correlation, the arrangement and the relation of artistic details;

— *the Language Level (iazykovoy uroven')* the system of artistic language means involved which express the aesthetic message of the text. The language level is further composed of the lexical (semantic), grammatical (morphological and syntactical), phonetic layers. The elements within one level or between the levels are in permanent interaction to transmit particular semantic or stylistic peculiarities [8; 16–17].

In this connection the theory of the *Text Semantic Field (TSF) (tekstovoye semanticheskoye pole)* suggested by L.A. Novikov broadens the possibilities of the text study. The TSF semantics and arrangement turn up more context dependent, more flexible and less definite than the ones of the language semantic field [6; 554–570, 557]. L.A. Novikov also stated that the TSF is formed by the category of the author to make it a system of heterogeneous elements expressing a single unified idea [6]. The characteristics of the textual semantic space are shaped by the essential elements of the text structure (2) — the so called *key signs (kliutchevye znaky)* [7] which immediately refer the reader to some general textual idea.

The notion of key signs is not equal to the notion of types of foregrounding for the latter serve the purposes of the text interpretation and are often known to the reader beforehand (ex. the title, the epigraph etc.). Furthermore, the foregrounding element is seldom repeated in the text, has a greater degree of generality and can be self-sufficient. It is expressed with formal means and occupies a particular part of the text linear space.

Evidently the text message is revealed through the unity and interaction of artistic images, composition, word choice, the author's style. Thus, the text study is only possible when it is analyzed not as a number of equal and homogeneous parts but as a complicated unity of interacting and interdependent elements [11; 126] where each constituent must be treated in connection with others. Such approach is of vital importance to arouse the reader's sense of textual unity and coherence, to make the reader understand the author's intent and outlook, to make the reader the author's accomplice.

The category of the author and its reflection in the text can also be treated as text forming elements. Thus, V.P. Belyanin says that any literary text is a personal interpretation of reality and the text artistic reality is the structured and verbalized reflection of the author's personal picture of the world [1; 55]. Actually the text architecture may largely depend on two meaningful constituents and be fully conditioned by them. First and

foremost is the part of the author with the personal philosophy and the world outlook accompanied by the expressiveness, aesthetics and imagery of an artistic piece. Second is the characteristics of the reader which can be both steady — imagination limits, memory abilities, creative thinking — and flexible — culture, religion, social belonging, mood, surroundings.

The multitude of interpretive strategies leads to the plurality of text interpretations which are diverse in depth and informativeness. Besides, they may differ not only in the “text-interpreter” dimension but also in the “text-cultural code” dimension which makes the methodology of text analysis extremely complicated and sophisticated [5].

Generally speaking, like other objects of the material world the text structure, constituents and features are prone to the double way of analysis: “from the outside” and “from the inside”. The inferences may differ from each other alongside with being naturally complementary. And despite the incongruence in the number and nature of textual elements a few things can be said for sure such as, for instance, that the basic constituents of any literary text are undoubtedly the artistic idea, the imagery, the arrangement and the language (or the individual style).

The consistent patterns a literary text are not limited by its systematic character. Its specifics lies in particular aesthetic demands. A literary text produces a “living model” of reality depicting events and people, uncovering global laws of existence and making the types of situations. The textual phenomena and events are the picture of the many-sided world which is open for studying, understanding and interpretation.

NOTES

- (1) Similar text structure models are found in works by Bakhtin M.M., Grigoryev V.P., Potebnya A.A. and others.
- (2) In contemporary studies there is a terminological diversity and the text essential elements are defined as *bearing elements (opornye elementy)* — V.V. Odintsov, *key elements (kliutchevye elementy)* — A.V. Puzyriov, *message landmarks (smyslovye vekhi)* — A.N. Sokolov, *message footholds (smyslovye opornye punkty)* — A.A. Smirnov, *message cores (smyslovye yadra)* — A.R. Luriya and the like.

LITERATURE

- [1] *Белянин В.П.* Основы психолингвистической диагностики: Модели мира в литературе. М.: Флинта, 2000.
- [2] *Виноградов В.В.* Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981.
- [3] *Горшков А.И.* Русская стилистика. М.: Астрель: АСТ, 2001.
- [4] *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.
- [5] *Лукин В.А.* Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М.: Ось-89, 2005.
- [6] *Новиков Л.А.* Избранные труды. Эстетические аспекты языка. MISCELLANEA/ Т. 2. М.: Изд-во РУДН, 2001.
- [7] *Новиков Л.А.* Семантика русского языка: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1982.
- [8] *Новиков Л.А.* Художественный текст и его анализ. М.: УРСС, 2003.
- [9] *Одинцов В.В.* Стилистика текста. М.: Наука, 1980.
- [10] *Тураева З.Я.* Лингвистика текста. М.: Просвещение, 1986.
- [11] *Храпченко М.Б.* Художественное творчество, действительность, человек. М.: Советский писатель, 1982.

АНАТОМИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Л.Н. Лунькова

Государственный социально-гуманитарный университет
ул. Зеленая, д. 30, Коломна, Московская обл., Россия, 140410

В статье рассматриваются современные подходы к изучению текста. Особое внимание уделяется художественному тексту, его составляющим и уровням. Исследование проводится на материале русской литературной и лингвистической традиции. Теории текстовой структуры связаны с методологией анализа текста. Автор указывает на сильные и слабые стороны представленных в статье теорий.

Ключевые слова: анализ текста, композиция, идея, выдвижение

REFERENCES

- [1] Beljanin V.P. Osnovy psiholingvističeskoj diagnostiki: Modeli mira v literature [The Bases of Psycholinguistic Diagnosis: World Models in Literature]. M.: Flinta, 2000.
- [2] Vinogradov V.V. Problemy rusškoj stilistiki [The Problems of Russian Stylistics]. M.: Vyssh. shkola, 1981.
- [3] Gorshkov A.I. Russkaja stilistika [Russian Stylistics]. M.: Astrel': AST, 2001.
- [4] Lotman Ju.M. Struktura hudozhestvennogo teksta [The Structure of an Artistic Text]. M.: Iskusstvo, 1970.
- [5] Lukin V.A. Hudozhestvennyj tekst: Osnovy lingvističeskoj teorii. Analitičeskij minimum [Artistic Text: Bases of Linguistic Theory. Analytic Minimum]. M.: Izdatel'stvo «Os'-89», 2005.
- [6] Novikov L.A. Izbrannye trudy. Estetičeskie aspekty jazyka. MISCELLANEA/ T. 2. M.: Izd-vo RUDN, 2001.
- [7] Novikov L.A. Semantika rusškoj jazyka [Russian Language Semantics]: Učebnoe posobie dlja studentov filologičeskikh specializirovannyh universitetov. M.: Vyssh. shkola, 1982.
- [8] Novikov L.A. Hudozhestvennyj tekst i ego analiz [Artistic Text and Its Analysis]. M.: URSS, 2003.
- [9] Odincov V.V. Stilistika teksta [Text Stylistics]. M.: Nauka, 1980.
- [10] Turaeva Z.Ja. Lingvistika teksta [Text Linguistics]. M.: Prosveshhenie, 1986.
- [11] Hrapčenko M.B. Hudozhestvennoe tvorchestvo, dejstvitel'nost', čelovek. M.: Sovetskij pisatel', 1982.

КОММУНИКАЦИЯ В СФЕРЕ РЕКЛАМЫ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ДИАЛОГА КУЛЬТУР (на материале русско-вьетнамских сопоставлений)

А.С. Мамонтов, П.В. Морослин

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ул. Академика Волгина, д. 6, Москва, Россия, 117485

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемами взаимоотношений различных лингвокультур, особенно русской и вьетнамской. Известно, что в современных условиях наиболее динамично развиваются процессы культурного взаимодействия в сфере рекламы, поскольку она является отражением культуры, ее своеобразным воплощением со своей уникальностью, национальным колоритом, который каждая лингвокультура стремится сохранить, создавая тем самым представление о себе и передавая его другим народам и культурам. В статье подчеркивается, что в рекламе языковые единицы с ярко выраженной национально-культурной семантикой способствуют более эффективному воздействию на потребителя, поэтому специалисты в области рекламы при разработке межкультурной стратегии должны учитывать все тонкости национальной культуры адресата. Авторы статьи останавливаются на лингвокультурных различиях и несовпадениях в ценностных ориентациях, существующих в сопоставляемых лингвокультурах. Даются рекомендации как для межкультурного копирайтинга, так и для практики преподавания русского языка как средства межкультурной коммуникации при использовании рекламных текстов в качестве учебного материала.

Ключевые слова: реклама, диалог культур, кросс-культурный, национально-культурная специфика, лингвокультура, русский, вьетнамский, текст, антропоцентрическая классификация

Мы не погрешим против истины, если возьмемся утверждать: к наиболее динамично развивающимся процессам культурного взаимодействия и поиска диалога культур следует отнести прежде всего коммуникацию в сфере рекламы. И вот почему: реклама — это отражение культуры, ее своеобразное воплощение со всей ее уникальностью, национальным колоритом, который каждая лингвокультура пытается, в той или иной степени сохранив и с целью сформировать представление о себе, транслировать другим народам и культурам. При этом необходимо особо подчеркнуть: мир рекламы разных лингвокультур характеризуют определенные отличия, причем порой довольно множественные. И одновременно следует принимать во внимание, что менталитет жителей, традиции, обычаи, система норм и ценностей представителей разных стран и народностей обуславливают разную реакцию на рекламу.

Исходя из вышесказанного, мы, исследуя данный феномен в одной из своих работ отмечали: «Необходимость специального отбора и изучения языковых единиц, в которых наиболее ярко проявляется своеобразие национальной культуры, остро ощущается во всех случаях кросс-культурной коммуникации. В рекламе языковые единицы с ярко выраженной национально-культурной семантикой, апеллируя к фоновым знаниям адресата, способствуют более эффективному воздействию на сознание потребителя. Для того чтобы обеспечить эффективность

сбыта продукции, рекламные тексты адаптируются с учетом фоновых знаний потребителей того общества, на которое осуществляется воздействие» [2. С. 62].

На этапе кодирования рекламного дискурса специалисты в области рекламы, в первую очередь копирайтеры при разработке межкультурной стратегии должны учитывать все тонкости национальной культуры адресата, среди которых особое место занимают, как отмечалось выше, языковые единицы, участвующие в создании так называемого рекламного образа.

В данной связи как нельзя более актуально звучат сегодня слова М.И. Цветаевой: «Иные вещи на ином языке не мыслятся». И, развивая данную тему, уже современный специалист-исследователь совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечает: «Не только мысли могут быть “подуманы” на одном языке, но и чувства могут быть испытаны в рамках одного сознания, но не другого. Иными словами, есть понятия фундаментальные для модели одного мира и отсутствующие в другом» [6. С. 119].

Таким образом, сопоставительный анализ межкультурной коммуникации в сфере рекламы и в языковом аспекте способствует выявлению механизмов воздействия на потребителя в зависимости от его принадлежности к той или иной лингвокультуре, что, в свою очередь, ставит определенные преграды сбоем в коммуникации и препятствиям в осуществлении диалога культур.

И далеко не случайно рассматриваемая нами проблематика находилась и находится в фокусе исследовательского интереса ученых-языковедов, в той или иной степени вносящих свой вклад в кросс-культурную парадигму. Это прежде всего труды Ю.А. Сорокина, Н.Н. Мироновой, Ю.Н. Караулова, В.Г. Костомарова, Н.Д. Бурвиковой, В.В. Красных, А.С. Мамонтова, И.В. Приваловой и других ученых.

Так, в частности, И.В. Привалова, анализируя лингвокогнитивную составляющую процесса межкультурной коммуникации на материале сопоставления двух лингвокультур — русской и американской, предлагает включить в научный обиход термин «языковые маркеры национально-культурного сознания», который «позволяет исследовать не отдельную языковую единицу, отражающую особенности национальной культуры, но языковой феномен, под которым может подразумеваться и языковой знак, и целая языковая система» [5. С. 5].

Действительно, если рассмотреть один из примеров русско-американских несоответствий, то получится примерно следующая картина: в английском языке (американский вариант) русскому слову «деревенщина» соответствует «red neck» — «белый житель маленького городка или фермер, преимущественно из южных штатов, безразличный к политике, немного ханжа и консерватор, который ездит на маленьком грузовичке, хранит дома оружие (ружье) и готов им воспользоваться; он пьет американское пиво в больших количествах, является страстным болельщиком и носит джинсы и бейсболку» [1. С. 794]. Полагаем, комментарии в данном случае излишни.

Подобно любому обращению рекламный дискурс, в частности, тесно связан с речевым этикетом — установленным порядком речевого поведения, принятом в конкретном обществе. На общеизвестном феномене речевого этикета мы подробно останавливаться не будем, сосредоточив внимание исключительно на ряде

примеров, обуславливающих при создании рекламного дискурса необходимость учета многообразия и специфики человеческого общения.

Так, в Монголии вместо привычного «Здравствуй» чаще можно услышать фразу: «Здоров ли ваш скот?», поскольку еще с давних времен основу благополучия монгола-кочевника составляет его стадо и если животные здоровы, то и в семье все будет благополучно. Поэтому пожелание здоровья домашним животным вполне соизмеримо с пожеланием здоровья самому человеку.

В Таиланде, Китае и в ряде других стран Востока при встрече принято спрашивать: «Ели ли вы сегодня?», «Что вы ели сегодня?» За этими «странными» для русского вопросами скрываются особенности философии существования, которой традиционно придерживаются многие народы — представители так называемых «дистантных» культур. Отношение к еде у соответствующих народов более ценностно-ориентировано и не является простым способом поддержания жизнедеятельности организма. Это — ритуал, одновременно тесно связанный с социальными функциями пищи, в частности укреплением и стабилизацией связей, существующих внутри определенного коллектива. Например, у папуасов в языке есть особое слово-концепт «нгма», что означает «братство по еде».

По мнению исследователей, с культурологической точки зрения в современной рекламе в глобальном аспекте следует выделять следующие основные «функционально-художественные стили»: американский, английский, французский, немецкий и японский [7. С. 107–108]. В чем же заключаются их различия?

Поскольку для потребителя-американца реклама — это прежде всего предложение покупки, языковые средства, участвующие в создании рекламного текста, призваны непосредственно выражать вышеназванную концепцию. Что же касается английского рекламного дискурса, то в его основе во все времена лежали нормы этикета, с традиционной сдержанностью, приверженность традициям, а также известная доля консерватизма в том, что касается языка.

Говоря о французском стиле, следует отметить, что воплощающая его тем или иным образом реклама эксплицирует прежде всего национальные черты характера, традиции, в особенности художественной культуры страны, отличаясь наряду с высокопрофессиональным уровнем юмором, определенной изысканностью и определенной степенью «романтизма». Несомненно, все это является следствием ведущего принципа рекламного дела Франции: эмоциональность прежде всего, а к ней — высококачественная эстетическая составляющая.

Немецкую рекламу отличают графичность, рационализм, сдержанность в использовании языковых средств художественной выразительности, одновременно при пристальном внимании именно к тексту, где, как правило, доминируют цифры и факты, что призвано обеспечить соблюдение основного принципа — принципа достоверности.

И, наконец, японская реклама отличается в первую очередь сдержанностью в проявлении эмоций, повествовательностью, доминированием образа, что является, на наш взгляд, логическим продолжением философии созерцательности, точнее, самой созерцательности, в европейской культуре более известной как «рефлексия».

Естественно, все отмеченные выше особенности смогли быть выявленными в диалоге культур, позволяющем увидеть «свое» в зеркале «чужого» и, наоборот — в диалоге, в основе которого должен лежать строгий учет ценностных ориентаций участников коммуникативного акта. Переходим непосредственно к рассмотрению в сопоставительном аспекте примеров русской и вьетнамской рекламы — двух дружественных стран, в последнее время особенно активно взаимодействующих по всем направлениям общественной жизни — политическому, экономическому, культурному. «Вьетнам — модная страна» — мелькает то и дело на страницах российских туристических журналов, призывающих в наше непростое «санкционное» время переориентироваться в своих предпочтениях. Да и отечественный бизнес вполне устраивает то, что в СРВ относительно невысокая стоимость рабочей силы, и он с удовольствием вкладывает сюда деньги.

И здесь анализ текстов рекламы — как русской, так и вьетнамской — с позиции национальной культуры адресата дает российским рекламодателям представление об особенностях вьетнамского менталитета, который необходимо учитывать с точки зрения критерия эффективности. Кроме того, это важно и для обучения русскому языку как средству межкультурной коммуникации с точки зрения более глубокого ознакомления с культурой другого народа, ибо тексты, в том числе рекламные, — плоть от плоти культуры, понимаемой нами как «специфический способ человеческой жизнедеятельности». Ее следует изучать через тексты, посредством текстов и как текст, если руководствоваться идеями символической школы в культурологии, призывающей, как известно, рассматривать культуру в целом как сложнейший и строго иерархизированный «текст», несущей опорой которого является естественный язык (Э. Кассирер, К. Леви-Строс, Ю.М. Лотман и др.).

В своих изысканиях мы опираемся как на свой многолетний опыт работы во Вьетнаме, так и на исследования своих учеников, проводивших исследования в области прагмалингвистики и обучения языку как средству межкультурной коммуникации. Так что же показал анализ системы культурных особенностей, выражаемых в текстах и образах русской и вьетнамской? Или, иными словами, что представляет собой современная российская реклама в зеркале вьетнамской лингвокультуры?

В предлагаемой нами антропоцентрической классификации — «Человек и религия», «Человек и природа»... [2. С. 90] такой параметр, как «человек и семья» занимает важное место, поскольку феномен «семья» несомненно, является общечеловеческой ценностью, имеющей, однако, и свою специфику для представителей русской и вьетнамской лингвокультур. В качестве примера рассмотрим роль мужчины и женщины в современной семье в рекламе. В телевизионном ролике рекламы шоколада «Nestle» со слоганом «Беречь от женщины» главный герой не раздражается в ответ на некомпетентность, нерадивость женщины, а спокойно все объясняет. Подобный образ на рынке вьетнамской рекламы является нетипичным в силу историко-культурных особенностей, восходящих к конфуцианству, до сих пор играющему значительную роль в сознании носителя вьетнамского языка и культуры. Согласно конфуцианскому учению, женщина по отношению

к мужчине занимает место земли по отношению к небу, а воспитывается она традиционно в духе соответствующей морали: в родной семье она должна — слушаться отца, в замужестве — мужа, в случае смерти мужа — сына. И степень ее значимости и для внутрисемейного круга, и для окружающих прямо пропорциональна степени ее заботы о муже и сыне и участия в ведении домашнего хозяйства и соответствующим здесь достижениям. При этом семейная этика такова, что если муж на равных участвует в ведении домашнего хозяйства, то он представляется личностью общественно презираемой, иными словами, своего рода «подкаблучником». И хотя определенные цивилизационные изменения в сознании представителей вьетнамской лингвокультуры в настоящее время имеют место, особенно в больших городах, таких как Ханой, Хошимин, Хайфон, Дананг, в целом же следует констатировать пока еще стабильное наличие консервативных тенденций в семейных отношениях.

Параметр «человек и прошлое» применительно к рекламному тексту также наполнен в сопоставляемых лингвокультурах разным содержанием при общей значимости феномена «история». По мнению представителей Вьетнама, через прошлое, историю, корни, обществом выражается отношение к настоящему, ибо они считают: раз у всего есть свои корни, то именно прошлое является гарантом и настоящего, и будущего. В частности, во вьетнамской рекламе данная сентенция выражена следующим образом: «Молоко “Nutifood” — слоган «За ум Вьетнама, за будущее Вьетнама» — «Мальчик, сидящий на буйволе, высоко поднимает флаг из камыша. Мальчик стоит на вершине горы (напоминая битву народного героя Ле Лоя с китайскими войсками именно на вершине горы Чи Линь). Мальчик использует ручку, чтобы пробить дырки в бумажных кораблях (напоминая тем самым о славной победе героя Нго Куена над китайскими войсками на реке Бак Данг). Каждый выдающийся человек был ребенком». Ле Лой — вьетнамский феодал, возглавивший народную войну против китайских завоевателей, пытавшихся поработить Вьетнам, и победивший в сражении на вершине горы Чи Линь; Нго Кюйен, вьетнамский император, национальный герой. В 939 году возглавил восстание, которое привело к изгнанию из страны китайских войск, известный своей победой на реке Бак Данг над войсками китайской династии Нам Хан.

С точки зрения носителей вьетнамского языка и культуры, для русской лингвокультуры характерно иное изображение исторических событий в рекламе, далекое от внушения уважения к своему прошлому, пусть даже и не всеми трактуемого однозначно. Так, в свое время на экране российского телевидения имел место лозунг торгового центра «Арбат Престиж»: «Великая Октябрьская революция цен». Подобный рекламный ролик, будь он показан в СРВ, не только бы не привлек внимания, но и вызвал бы резко негативное отношение к рекламируемому бренду. Следует подчеркнуть: здесь не характерен широко распространенный в мировом копирайтинге рекламный прием игры слов относительно слов, связанных в той или иной степени с историческими событиями.

То же самое касается, например, телевизионного рекламного ролика пива «Очков» (параметр «человек и Родина»), в свое время функционировавшего на теле-

экране, с его слоганом «Большая бутылка для большой страны» — реклама образа страны, связанная с алкогольными напитками, для вьетнамского рынка недопустима.

Параметр «человек и природа» позволяет констатировать известные расхождения в плане отношения к домашним животным в русской и вьетнамской лингвокультурах. Как известно, в первой домашний питомец является своеобразным «членом семьи» — образ кошки, собаки очень часто используется в рекламных роликах не только специализированных товаров для животных, но и любой другой продукции. При этом можно наблюдать бытующее ласковое, нежное обращение к питомцу: «милый», например, в рекламе туалетной бумаги «Zewa» и др. В русских рекламных текстах прослеживается, с точки зрения вьетнамцев, национальная особенность — любовь к животным, полностью отсутствующая в культуре Вьетнама, где к животному миру более чем прагматичное и утилитарное отношение. Без преувеличения можно было бы назвать для носителей русского языка и культуры шокирующей, например, телевизионную вьетнамскую рекламу со слоганом «С тех пор тебе не надо кушать собаку» (к слову, русский фразеологизм «съесть на чем-либо собаку» при изучении русского языка как иностранного нередко вызывает лингвокультурную интерференцию в силу специфических гастрономических пристрастий обучающихся).

Лингвокультурные различия находят свое отражение, если мы обратимся и к такому параметру, как «человек и этика». Это касается, в частности, сексуальных мотивов, представляющихся с точки зрения современной общественной морали в России вполне приемлемыми, пусть и не стопроцентно, поскольку являются своего рода мощными мотивационными стимулами, особенно если вспомнить труды таких специалистов в этой области, как З. Фрейд. Что же касается точки зрения вьетнамцев на данную проблему, то представляется вполне оправданным использование образа женщины в рекламе духов, нижнего женского белья, косметики, парфюмерии и т.п., там, где речь идет о красоте и привлекательности. Но носителям вьетнамского языка и культуры в силу национальных традиций глубоко чужды и антипатичны образы полуобнаженных женщин и мужчин, в том числе в эротических позах, в разное время находившие свое отражение и в рекламе шоколада («Коркунов», «Bounty»), жевательной резинки «Stimorol», бритвенных принадлежностей («Gillette») и др. Естественно, все вышесказанное неразрывно связано с исследуемым нами объектом — рекламным заголовком, слоганом, основным текстом и эхо-фразой: основными структурными элементами рекламного дискурса.

Еще одно расхождение этического плана, отмечаемого вьетнамцами в российской рекламе, — это, на их взгляд, чрезмерное проявление в обыденном, рутинном поведении такой черты, как жестокость (естественно, имеющая для нас место в условном, «игровом» плане). В одно время на нескольких каналах российского телевидения демонстрировался рекламный ролик чипсов «Estrella», где парочка влюбленных, рука в руке, стоит на носу судна. И когда девушка берет чипсы у своего спутника, тот прямехонько отправляет ее в воду, руководствуясь сентенцией «беречь чипсы от женщин». После этого спокойно стоит, наслажда-

ясь чипсами в одиночку. Соответствующий слоган объясняет причины данного поступка: «Слишком вкусно, чтобы делиться». Отношение к вышеназванному со стороны вьетнамской лингвокультуры может быть сформулировано следующим высказыванием: «Человеческое достоинство вьетnamца проявляется прежде всего в моральном долге жить для других, больше, чем для себя — именно в этом он находит смысл жизни. Такой сознательный долг воплощается в общественном мнении, морали, традициях — во всем том, что принадлежит к духовной культуре нации» [8. С. 131]. Заставляет задуматься в данной связи тот факт, что вьетнамские стажеры Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина дружно бойкотировали покупку чипсов соответствующей марки.

В рамках параметра «человек и его отношение к материальным ценностям» обращает на себя внимание несоответствие ценностных ориентаций, функционирующих в сопоставляемых лингвокультурах. Для вьетnamцев русские рекламные тексты нередко выступают как чересчур прагматичные. Например, реклама ювелирного магазина «Золотой стиль» — «Любовь измеряется в каратах». Помните это, готовя женщине подарок. Если женщина купается в золоте — это чистая любовь». Или еще пример. Женщина носит дорогую шубу и встречается с подругами. Видя новую дорогую шубу, подруги задают вопросы: появился богатый любовник или нашла высокооплачиваемую работу? Девушка отвечает, что приобрела шубу со скидкой, и вот теперь у нее обязательно будут и богатый любовник, и высокооплачиваемая работа (рекламный ролик марки «Sagitta»). По мнению представителей вьетнамской лингвокультуры, здесь находит свое отражение недопустимое превалирование материального над духовным, не имеющее права на существование в рекламном дискурсе, не только отражающем, но и формирующем общественную мораль.

Итак, резюмируя сказанное, позволим себе ряд выводов-рекомендаций как для межкультурного копирайтинга, так и для практики преподавания русского языка как средства межкультурной коммуникации при вполне оправданном использовании рекламных текстов в качестве учебного материала.

Рекламные тексты, как уже неоднократно отмечалось, требуют обязательной адаптации к иной лингвокультуре, но не только и не столько на уровне перевода слов, сколько на уровне перевода идей, того что относится к понятию «дух народа».

Именно понимание значения особенностей национальной культуры — особенностей являющихся неотъемлемой частью диалога культур в таких его разновидностях, как рекламное дело и изучение русского языка как средства межкультурной коммуникации должно играть в наше время все большую роль.

Причины неэффективности рекламной коммуникации между представителями разных лингвокультур кроются в недопонимании, в недооценке расхождений в нормах, обычаях, ценностях, традициях инолингвокультуры. Также свою негативную роль способны играть непонятные, неадекватно толкуемые архетипы, символы контактирующей культуры, приводящие к помехам.

Специалист, ориентированный на деятельность в области межкультурной коммуникации — будь то рекламоведение или лингводидактика, должен быть знаком

с азами кросс-культурного анализа. Подобный курс [4. С. 111—116] в свое время читался одним из авторов настоящей статьи для копирайтеров на факультете рекламы Московского гуманитарного университета (Мос ГУ).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Американа. Лингвострановедческий словарь. Смоленск: Полиграмма, 1996.
- [2] *Мамонтов А.С.* Номинативные единицы — афоризмы (половицы, поговорки) в аспекте сопоставительного лингвострановедения // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 2. С. 88—97.
- [3] *Мамонтов А.С.* Кросс-культурный анализ (лингвострановедение в сфере рекламы): учеб. пособие. М.: Московская гуманитарно-социальная академия, 2002.
- [4] *Мамонтов А.С.* Кросс-культурный анализ в аспекте рекламоведения // Знание. Понимание. Умение. Научный журнал Московского гуманитарного университета. 2005. № 1. С. 111—116.
- [5] *Привалова И.В.* Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации): монография. М.: Гнозис, 2005.
- [6] *Скнарев Д.С.* Языковые средства создания образа в рекламном дискурсе: маркетинговый аспект: монография. Челябинск: ЮУрГУ, 2014.
- [7] *Черediaкова А.Б.* Основы интегрированных коммуникаций. Ч. 1 Реклама: учеб. пособие. Челябинск: ЮУрГУ, 2012.
- [8] Phan Ngoc Van hoa VN va cach tiep can moi. Hanoi: Nxb VHТТ, 1994.

COMMUNICATION IN ADVERTISING AS FORM OF DIALOGUE OF CULTURES (Russian-Vietnamese Interaction)

A.S. Mamontov, P.V. Moroslin

*A.S. Pushkin State Institute of Russian Language
Academica Volgina str., 6, Moscow, Russia, 117485*

The given article regards problems connected with interrelations of different linguistic cultures in particular Russian and Vietnamese ones. It is known that nowadays processes of cultural interaction dynamically develop in the sphere of advertising because it is reflection of the culture, its peculiar embodiment with its uniqueness, national colour which each linguistic culture tries to preserve in order to form its own image and to pass it to other peoples and cultures. In the article it is stressed that in advertising linguistic units with explicit national-cultural semantics contribute to more effective influence on consumer. So advertising specialists while working out their cross-cultural strategy should take into account all subtleties of national culture of addressee. The authors dwell on differences in linguistic cultures and noncoincidences in cultural values functioning in linguistic cultures to be compared. In conclusion recommendations both for cross-cultural copywriting and for teaching Russian as means of cross-cultural communication using advertising texts as teaching aids are given.

Key words: advertising, dialogue of cultures, cross-cultural, national-cultural specific character, linguistic culture, Russian, Vietnamese, text, anthropocentric classification

REFERENCES

- [1] Americana. Linguostranovedcheskij slovar [Cultural Studies Dictionary]. Smolensk: Poligramma, 1996.
- [2] Mamontov A.S. Nominativnyje jedinicy — aphorizmy (poslovice, pogovorki) v aspekte sopostavitel'nogo linguostranovedenija [Nominative Units — Aphorisms (Proverbs, Idioms) in the Aspect of Comparative Cultural Studies]. Vestnik MGU. Serija 19: Linguistika I mežkul'turnaja komunikacija. 2002. N 2. S. 88—97.
- [3] Mamontov A.S. Kross-kulturnyj analiz (linguostranovedenije v sphere reklamy) [Cross-cultural Analysis (Cultural Studies in Advertising)]: uchebnoje posobije. M.: Moskovskaja gumanitarno-social'naja akademija, 2002.
- [4] Mamontov A.S. Kross-kulturnyj analiz v aspekte reklamovedenija [Cross-Cultural Analysis in Studying Advertising]. Znanije. Ponimanije. Umenije. Naučnyj žurnal Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2005. N 1. S. 111—116.
- [5] Privalova I.V. Interkultura i verbalnyj znak (linguokognitivnyje osnovy mežkul'turnoj komunikacii) [Interculture and Verbal Sign (Linguistic and Cognitive Bases of Intercultural Communication)]: Monographija. M.: Gnozis, 2005.
- [6] Sknarjov D.S. Jazykovyje sredstva sozdanija obraza v reklamnom diskurse: marketingovyj aspect [Language Means of Creating Image in Advertising: Marketing Aspect]: Monographija. Čeljabinsk: Izdatel'skij centr JUUpGU, 2014.
- [7] Cherednikova A.B. Osnovy integrirovannyh komunikacij [Bases of Integrative Communication]. Č1. Reklama: Učebnoje posobije. Čeljabinsk: Izdatel'skij centr JUUpGU, 2012.
- [8] Phan Ngoc Van hoa. VN va cach tiep can moi Hanoi: Nxb VHTT, 1994.

THE RUSSIAN LANGUAGE THROUGH THE CODES OF CULTURAL LINGUISTICS

V.A. Maslova

P.M. Masherov's Vitebsk State University
Moskovskiy Av., 33, Vitebsk, 210038

At present humanities can be characterized by transition from explicit to implicit knowledge, or to the depth of knowledge. One of these implicit categories is meaning. A combination of sign and meaning builds up the basis on which a basic unit of knowledge is created. Scholars use a variety of terms for naming these units of knowledge. We admit the term code as the most appropriate for us. The author presents her own definition of the term. Linguistic cultural codes set the world picture and occupy the central place in the national cultural space, at the same time being a means of structuring cultural knowledge.

Key words: code, meaning, lingvokulturema, kulturema, logoepistema, informema, concept

At present humanities can be characterized by transition from explicit to implicit knowledge, or to the depth of knowledge, approaches to which began to be looked for with regard to the connection of scientific, philosophical, artistic and religious approaches (see Yu.S. Stepanov's works). One of these implicit categories is meaning. It has been found out that a combination of a sign and meaning builds up the basis on which a basic unit of knowledge is created. These units build up linguistic awareness. Scholars use a variety of terms for naming these units of knowledge: lingvokulturema (V.V. Vorob'jov), kulturema (V.G. Gak), logoepistema (V.G. Kostomarov, E.M. Vereshchagin), informema (V.V. Morkovkin), concept (Yu.S. Stepanov), etc. We admit the term code as the most appropriate for us as it is widely used in a number of study fields which are both humanities and sciences. Ex.: in Computer Science, Cybernetics, Mathematics, Biology, Genetics, Cultural Studies, Folklore, Semiotics, Cultural Linguistics, Psycholinguistics, etc. Despite the fact that the term code is so widespread, it does not have a clear and unambiguous definition.

In terms of modern dictionaries the code is something which organizes, regulates and unifies our life. Therefore, R. Barthes said "...man feels the world's reassuring orderliness thanks to the code..." [4. P. 7].

Traditionally, in linguistics, the term code is equivalent to the terms system of signs, language. The concept of code in semiotics, where linguistics borrowed it from, is based on the relevance of the signified to the signifier. In some fields the term code is treated as synonymous with the terms cipher, for example, in Genetics. Coding is understood as encryption and decoding as decryption.

Taking the fact that our common language does not tolerate absolute synonyms, the terminological meaning of synonymous use is even less appropriate.

We come to recognize the code from the standpoint of Cultural Linguistics. At present in Cultural Linguistics the term cultural code is also defined differently. For example, V.N. Telija, M.L. Kovshova, D.B. Gudkov identify cultural codes as secondary sign

systems, and culture is understood as a space of cultural codes which are secondary sign systems [6. P. 61].

M.V. Pimenova believes that “cultural code is a macro system of characteristics ascribed to world picture objects, united by a common categorical feature” [13. P. 41].

Most linguists emphasize the matrix nature of coding. R. Barthes identifies codes as a cell network, which is by throwing in a text can reveal information of different coding levels [3. P. 20]. V.V. Krasnykh also identifies the culture code as “grid” that culture “throws over the world, categorizes, structures and evaluates it” [7. P. 232].

Following V.N. Telija, we understand culture as a space of cultural codes. Since the space, according to cognitologists, is not recognized through the coordinate system, but through the relationships that exist between objects in space, we determine the cultural code as a deep cultural space, “container” in which different linguistic entities receive different cultural meanings by filling and thus forming the code [11. P. 30].

The container image schema was first introduced by M. Johnson to illustrate the structuring of human experience. It is based on the juxtaposition of what is inside of something (IN) with what is outside or out of something (OUT) [9. P. 271]. The container metaphor is of universal character with the help of which not only man is represented as a living organism but also the world in which he lives, or the sphere that is included in the scope of the universe, and language as a container (receptacle) of information about the culture and mentality of the language community. This kind of metaphor is represented by units of different levels: the word and its parts, separate parts of speech (prepositions, adverbs), syntactic constructions, etc.

In Russian linguistics the major contribution to the study of container metaphor was made by the representatives of the cognitive fields of study, e.g. E.S. Kubrjakova, E.E. Golubkova, E.V. Rakhilina and others. According to E.S. Kubrjakova, “the idea of the container is schematized and extremely simplified diagrammatic representation of the universe..., the idea of ‘empty space’, which contains all the objects selected by man — both material and ideal” [8. P. 482]. This conceptual metaphor can be used to interpret the world (universe) and language, man and society. So one of the most characteristic features of linguistic and philosophic reflection about language is the appeal to the spatial image where language is understood as mental, real, communicative, spiritual dimensions.

So, the code makes it possible to create a holistic view of man, language and culture. We believe that any language can be described through codes, and this is another way of describing a language which has the right to exist along with its systemic and structural description or its description through a set of concepts [12]. The entire repertoire of values, norms of behaviors, actions and states of a person can be described in a specific linguistic culture with any code. For example, the zoomorphic code: *glukhoj kak teterev* ‘deaf as a black grouse’ (completely deaf); *gol kak sokol* ‘poor as a falcon’ (poor); *doshlo kak do zhirafa* ‘it comes up as if one’s were a giraffe’ (a slow thinker); *kozhel otpushchenija* ‘scapegoat’ (a person who is made to bear blame for others); *polzti kak ulitka* ‘crawl like a snail’ (to move slowly); *kotu pod khvost* ‘down the cat’s tail’ (to or into the condition of being wasted); *medvezh’ja usluga* ‘bear’s service’ (service the result of which has the opposite effect), etc.

Cultural linguistics of the XXI century is acquiring a new vector of its development [14]. Cultural codes from the perspective of Cultural linguistics are a set of social practice

methods specific to each culture, a set of values and rules of the collective existence, a system of regulatory and evaluative criteria worked out by people, through which a person perceives the world. This is a set of realities which express specific cultural meanings and values. The codes may include units which are not signs of culture but they can become cultural signs when incorporated into the mental space of the code. For example, a stone lying on the road is just a natural object (the first being, according to Aristotle), but if it is transferred to the grave it becomes a sign of culture, namely a monument. Consequently, the objects in the physical world, apart from their direct functions, acquire a sign function in the culture, i.e. they store additional information.

Different scholars have put forward various reasons for the classification of codes and distinguish different numbers of them. Thus, R. Barthes identifies the following codes: connotative, natural, artificial, historical, cultural, mixed or pseudoreal, vestimentary, iconic, verbal [4].

N.I. Zhinkin in his research “The Speech as information conductor” mentions the oral code, the inner speech code, the alphabetic code, the universal particular code which requires the transfer of information about any object, its quality combined with many sounds, and the text (denotational) code. According to the N.I. Zhinkin, the latter one is the fundamental code [15].

When classifying linguistic and cultural codes we assume the idea that any set of sensually perceived objects of reality can be considered as a basis for classification, e.g. flora, fauna the elements of nature, weapons, tools, household utensils, clothes, food, buildings and other artifacts as well as cultural scenarios (labour activities, holiday-making, games, competitions and contests, shows, trading and other social phenomena). Taking into account the mentioned above as well as the investigations made by other researchers, we distinguish the following cultural codes: cosmogonic (byt’ na sed’mom nebe ‘be in the seventh heaven’), somatic (golova kolonna ‘a head of the column’, tretij glaz ‘the third eye’), spatial (shir’ dushi ‘width of the soul’), time (posle vojny ‘after the war’), material (gvozd’ programmy ‘the spike/nail of the show’), floral (anjutiny glazki ‘pansy’), zoomorphic (lions, eagles in heraldry), natural landscape (les ruk ‘a forest of hands’, more obid ‘a sea full of offenses’), architectural (mostly druzhby ‘bridges of friendship’), gastronomic (meod ‘honey’, sol’ zemli ‘salt of the earth’), spiritual (meloserdie ‘mercy’) and others. Thus, the objects of the physical world, apart from their direct functions, acquire the sign function in the culture, i.e. they store and express additional information. The codes are applied to the material of secondary nomination which has been formed by reconsidering the units which have been in existence in the language. For example, the artery as a blood vessel carrying blood, the artery of the country as a symbol of important routes.

The spiritual code is of particular interest and complexity at the same time which is the main path to the depth of knowledge. It is an internal subjective code that is displayed in a language as a system of spiritual laws and spiritual values, as well as moral values and standards which have been developed by a nation in the process of its formation. The spirit of the nation (in the terms of V. Humboldt) can be represented through the spiritual code. The space of spiritual cultural codes reflects spiritual and moral needs. Besides, it generates a certain type of ideal man and society of a particular historical period. Speaking

about the spiritual code, the religious code is referred as well, as religion is one of the dominant traits of the Russian national character. Furthermore, the integrity of the nation is determined by religion. Religion is not just how to believe in God, but also a special way of thinking about a nation's existence, its place in the world.

The study of the spiritual code is successfully conducted by A.A. Buevich. The space of the spiritual cultural code is presented as a field structure, in the center of which there are representations of the Absolute God (the Most High, the Almighty, etc.). The periphery closer to the centre includes the key names that can represent spiritual and religious concepts (soul, salvation, wines, etc.). The far periphery is made up of two levels. At the first level there are national values (love, kindness, mercy, etc.), spiritual and moral principles, laws, regulations (do not kill, do not commit adultery and others), ethical norms of behavior which are displayed in a language (repentance, prayer, charity and others). At the second level of the periphery there found a collection of sacred, religious and philosophical texts (Bible, Gospel, Psalter, catechism and others); a big layer of religious vocabulary (altar, chalice, unleavened bread, bell, church, the clergy and others) [5].

A system of cultural codes is open to change. The norms of behavior in society change over time, the cultural code also changes. It is possible to confirm the change by observing the relationship of man to the family and family values at the turn of the millennium. The mentioned above means that the development of the cultural code is always followed by the process of values reconsidering.

Studying language codes, it is important to understand the mechanism of how real objects of the physical world (bridge, axe, nail, eagle, etc.) and under.), apart from their direct functions, acquire the sign function in the culture, i.e. express additional information. How is this phenomenon to be explained from the pragmatic point of view? Why does man need it? It seems a person experiences a kind of ontological need for a continuous game with the signifier and the signified. And this is due not to pragmatics, but rather because of aesthetic necessity. Using linguistic cultural codes is a special ability ascribed to a human being.

The linguistic cultural code is associated with a number of other entities, e.g. concept, value, basic metaphor. Let's try to differentiate them.

If the code is associated with the trope, then may it be a basic metaphor in terms of G. Lakoff? The term has been well known for a long time. It has been in a long use in Cognitive Linguistics, and thus the term cultural code simply duplicates it in another system of terms (Cultural linguistics)?

The metaphor in the book by J. Lakoff and M. Johnson "Metaphors We Live by" is regarded as a universal. By developing their theory of metaphor, they stated: "The metaphor permeates our daily lives, and not only a language, but also a thought and an action. Our ordinary conceptual system, in terms of which we think and act, is metaphorical in nature" [10]. According to their theory, man looks for a metaphor to implement more accurately an "abstract" concept in their mind which exists and which does not exist. Therefore, many modern scholars suggest the metaphor as a means of presenting reality [2]. And in this respect the code is similar to the metaphor. As a lot can be expressed through codes, it should be admitted that a lot can be expressed with the help of the

metaphor, e.g. the orientation metaphors in many cultures can express physical, emotional states of a person, as well as one's social and official position [10].

The tendency towards the modelling of social phenomena on the of biological basis; the expression of mental states through natural phenomena, and the moral qualities of man are displayed through an appeal to the animal world, e.g. *zakat zhizni* 'the sunset of life', *utro zhizni* 'the morning of life', *serdce rodiny* 'the heart of the homeland', *arterii strany* 'the arteries of the country', *khitraja lisa* 'a cunning fox'; a shepherd is the leader, and the herd are his subjects. In this case, the metaphor is the epitome of sophisticated linguistic thinking patterns. And this is also similar to the code.

As noted by F. Nietzsche, language consists exclusively of metaphors, the permanent creation of which is a basic human instinct. Spatial and spherical metaphors are the most important in science: biosphere and noosphere by V.I. Vernadskij, fonologosfera by P. Florenskij, semiosphere by Yu.M. Lotman, concept sphere by D.S. Likhachev, space by Yu.S. Stepanov. These metaphors represent a generative model for many disciplines. Hence, the metaphor is a model of the output knowledge, model of hypotheses. It seems the code does not possess this property.

The metaphor bears the transition from latent, unobservable entities to observable ones (human emotions are compared with water or fire, e.g. *lubov' vspykhnula* 'be burnt with love'). Such basic metaphors are not numerous. For example, according to E.S. Kubrjakova, there are only 6 of them; on the contrary one can count a few dozen codes.

According to N.D. Arutjunova, if an image and meaning merge in a metaphor, an appeal to the imagination is observed but not to knowledge [1. P. 5—32]. E.g. *sumasshedshaja stonet siren* 'the crazy lilac is moaning', *more pojet* 'the sea is singing', *more — dirizher* 'the sea is a conductor' (Zabolockij).

Therefore, it must be stated that the cultural code is not identical to the concept of metaphor or another trope. It is filled with special meaning and it is related to the archetypal representations of the Russian culture. Many tropes, like metaphor, metonymy, personification and others can be explained with the help of cultural codes. These codes are universal. Their reconstruction based on a language will help to recreate the peculiarities of perception and understanding of the natural phenomena by man.

Thus, the ratio of code and metaphor has a dialectical character. Formally the code can coincide with the metaphor, or it can broader or narrower than the metaphor. But whatever form the code develops, it tends to preserve its metaphorical nature.

The linguistic cultural code overlaps with cultural concepts and cultural values that make up the core of culture. Values comprise the central category of culture (P.A. Sorokin), and the uniqueness of value systems is a determining factor in cultural differences (E.S. Markarjan, Yu.V. Bromlej, Yu.M. Lotman); they perform the basic categories in the formation of the world picture (Yu.N. Karaulov) and the conceptual sphere as a set of concepts.

Consequently, a number of terms are intersected with codes, like metaphors, values, concepts. For example, values form the basis of both concepts and codes.

Thus, linguistic cultural codes set the world picture and occupy the central place in the national cultural space, at the same time being a means of structuring cultural

knowledge. They are of ontological nature. Codes permeate our whole being and language, generate our mentality, determine behavior and activities. Linguistic cultural codes possess cultural identity. Every carrier of national culture and language from an early age learns the codes along with their native language, so language can be studied through the prism of codes.

REFERENCES

- [1] Arutjunova N.D. *Metafora i discours [Metaphor and Discourse]. Teorija metafory. M.: Progress, 1990. S. 5—32.*
- [2] Babushkin A.P. *Tipy konceptov v leksiko-frazeologicheskoj semantike jazyka, ikh lichnostnaja i natsional'naja specifika [Types of Concepts in Lexical and Phraseological Semantics of Language, their Individual and National Specifics]. Avtoreferat diss... doktora filologich. nauk. Voronezh, 1998.*
- [3] Barthes R. *S/Z. M.: Editorial URSS, 2001.*
- [4] Barthes R. *Sistema mody: Stat'i po semiotike kul'tury [Fashion System: Articles in Culture Semiotics] / Per. s fr., vstup. st. i sost. S.N. Zenkina. M.: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyx, 2004. 512 s.*
- [5] Buevich A.A. *Religioznyj concept "spasenije" v russkoj kul'ture (na materiale religioznogo, filosofskogo i khudozhestvennogo diskursov) [Religious Concept "Rescue" in Russian Culture (in Religious, Philosophic and Artistic Discourses)] / A.A. Buevich. Vestnik RUDN. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika. 2014. № 2. S. 45—62.*
- [6] Kovshova A.V. *Jazyk i vosprijatie. Kognitivnyje aspekty jazykovoj kategorizacii [Language and Perception. Cognitive Aspects of Categorization]. Irkutsk, 1996. S. 34—41.*
- [7] Krasnykh V.V. *Etnopsicholingvistika i lingvokul'turologija [Ethnopsycholinguistics and Cultural Linguistics] / V.V. Krasnykh. M.: Gnozis, 2002. 283 s.*
- [8] Kubrjakova E.S. *Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znanij o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira [Language and Knowledge. On Getting Knowledge about Language. Parts of Speech in Cognitive Aspect. The Role of Language in World Perception] / Ros. Akademija nauk. In-t jazykoznanija. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 560 s.*
- [9] Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things. Chicago: The University of Chicago Press, 1987.*
- [10] Lakoff J., Johnson M. *Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors We Live by] / J. Lakoff, M. Johnson. M.: URSS, 2004.*
- [11] Maslova V.A. *Mir i chelovek skvoz' prizmu sportivnogo koda [World and Man in the Aspect of Sport Code]. Novoe v kognitivnoj lingvistike XXI veka: sbornik nauchnykh statej / otv. red. M.V. Pimenova. Kiev: Izdatel'skij dom D. Burago, 2013. S. 28—36.*
- [12] Maslova V.A., Pimenova M.V. *Kody kultury v prostranstve jazyka [Cultural Codes in Language Environment]. Serija "Konceptual'nyje i lingval'nyje miry", ser. 9. SPb., 2015. 148 s.*
- [13] Pimenova M.V. *Problemy kognitivnoj lingvistiki i konceptual'nykh issledovanij na sovremennom etape [Problems of Cognitive Linguistics in Modern Concept Research] / M.V. Pimenova. Mental'nost' i jazyk: Kollektivnaja monografija / Otv. red. M.V. Pimenova. Kemerovo: KemGU, 2006. 236 s. (Serija "Konceptual'nyje issledovanija". Vyp. 7). S. 16—61.*
- [14] Shaklein V.M. *Lingvokul'turologija: tradicii i innovacii [Cultural Linguistics: Traditions and Innovations] / V.M. Shaklein. M.: Flinta, 2012. 301 s.*
- [15] Zhinkin N.I. *Jazyk — rec' — tvorcestvo: issledovanija po semiotike, psykolingvistike, poetike [Language — Speech — Creativity: Research on Psycholinguistics and Poetics]. M.: Labirint, 1998. 366 s.*

РУССКИЙ ЯЗЫК В АСПЕКТЕ КОДОВ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

В.А. Маслова

УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

Московский проспект, 33, Витебск, 210038

В настоящее время гуманитарные науки переходят от эксплицитного к имплицитному, или глубинному, знанию. Одной из подобных имплицитных категорий является значение. Сочетание знака и значения выступает основой для формирования базовой единицы знания. Существует несколько терминов для обозначения указанной единицы. Автор статьи предлагает термин «код» и представляет собственное понимание термина. Лингвокультурные коды формируют картину мира и занимают центральное место в национальном культурном пространстве, в то же время являясь средством структурирования культурного знания.

Ключевые слова: код, значение, лингвокультурема, культурема, логоэпистема, информема, концепт

LANGUAGE STYLIZATION IN LESKOV'S NOTES OF THE UNKNOWN (*Zametki Neizvestnogo*)

O.V. Nikitin

Moscow State Regional University
Radio str., 10A, Moscow, Russia, 105005

The article gives a linguistic and stylistic analysis of N.S. Leskov's fiction. The author compares some hitherto unpublished manuscripts related to the church life of the 18–19th centuries with the cases and situations described in *Zametki neizvestnogo*. One of the main ambitions of the author is to reveal the possible correlation between the attributes of N.S. Leskov's heroes and the Russian cultural traditions of the past. Some original and vivid examples of the speech of specific Russian professions and estates are analyzed as well as linguistic parallels between complicated church language and the writer's system of stylistic devices are defined. New interlinks between the historic, the linguistic and the literary aspects of the text and, especially, N.S. Leskov's unusual world as a form of culturally-historically determined consciousness are detected.

Key words: language stylization, archaic text, linguistic parallels, book language, Slavonicisms, text semantics, literary speech, metaphorical sense, uncommon vision of world

A strange feeling took possession of me when I read Leskov for the first time. Before me an astonishing world of the past had opened. Not deathly solemn and crowned with laurels but lively and spontaneous, a bit ironic and gay, sometimes severely revealing and at the same time humane. First of all it was interesting in the author's apt and vivid language where lived together different semantic elements and archaic groups non-tritely used and subtly matched with a new shade. It was also remarkable Leskov's ability of true representation of natural Russian reality which had been to some extent forbidden to being shown and skillfully avoided by his contemporaries. And besides, Leskov's all-forgiving coexperience in everything — nature, people, history. This comes from his interior philosophy and deeply suffering soul. That was the soul fully loyal to the Motherland and follow his vocation to serve it staunchly. That was his mission.

During all his life Nikolaj Leskov would take steps, that had never been reacted upon adequately but for which he was a great deal more times blamed and stigmatized. It is a paradox but a fact now that Leskov's literary works were excluded from the school curriculum after the October Revolution. In higher educational establishments his activities and creative works were studied fragmentarily (and so they are even now). His fiction (nothing to say about historic and critical works on religion, politics and literary criticism) was kept apart. For a long period of time it was barred from the mass reader. Only his anticlerical stories, small domestic sketches and some novels were perceived but often to limits of that time's morals' existence. The authentic artistry of Leskov's mastery and its disguised implication were left beyond the reach of critics' vision and advocates of socialist realism. In passing this term we notice that Russian realism is a very capacious and complicated notion as compared to what it was stated in Soviet theory of literature with its strictly traced and brought into accord within the framework of development of revolutionary movement limits. There can hardly be any equal explanation of realism,

for instance, of the XIX and the XX centuries. We even suppose that the XVIII century in Russia was the age of realistic progressive aesthetic and literary ideas which prepared original masterpieces of Radishchev and Pushkin, Zhukovskij and Karamzin. Russian traditional culture appeared in the role of nonconcocted source of inspiration of literary artists. To the chasm of coming *agiculture* they opposed the only value — man. The human character (and in this sense — realistic) of Russian classic literature consisted in humane *weltanschauung* which respected one's dignity. As a consequence of it the principle of independent, not free, development of a human being. That was an ideology of *добро-толюбие* (goodness) and wisdom eradicated later.

As we think, the fact that Leskov swam against the course of time determined the complexity of apprehension of him and his creative way. The only thing which is of no doubt is that the whole created inner world of his fiction is permeated with an idea or better to say disposition — *духовность* (spirituality). That was not only a system of constant firm moral valuables, not only a commitment to the concrete concept having enlightening character but also a quality of one's soul, wistful and searching, tormented and exhausted of contradictions. It is in prevalence of spiritual and intellectual interests over material being. It is the lot of few. Not to fall down before the countless reefs of gossip and threats, falsifications and mockeries — such a reward was prepared for the writer. To forgive Leskov his spiritual truth and clear intentions could not even veiled malefactors. They tried to crush him by hook or by crook. Leskov did not harbour a grudge against them. His life and works are the proofs of that.

The very notion *духовность* in Russian explanatory dictionaries of Soviet period is given with the mark «obsolete» (!) — as though present but not obligatory, optional and incompatible to the modern mentality and mode of life. Actually, it does not look like a slogan (and the same was not typical of Leskov), there are no advertising promises of any kind and false perspectives there. *Духовность* to some extent is conservative but not hostile to progress. It does not belong to any political party. On the contrary, its credo — to protect the best customs and thoughts of the past from unskillful and ruthless usage and interpretations by adherents of «new» convictions. Not without reason in Latin *conservativus* meant «standing guard over smb., safe-guarding, protective». Similar guarding often presented as accomplicity of inertness and stagnancy. That is why Leskov was indispensably shown as a secondary importance writer and not without the help of *Okhranka* (Secret Political Police in tsarist Russia). We dare remark that Leskov was a guard in its primary sense — a guard of alive important values and ideals, — humanity and spontaneity of the Russian character. That is why he resisted every attempt to level its originality, bring down Russian spirit to a lower degree. In this we see an actual necessity now — stand for noble ideals of the ancient times, correlate them to modern social processes and look for ways in the future. In this we see a great vitality of Leskov's force. The time of amnesty of his has already come. Leskov for us now is one of the modern authors occupying in the present-day life a special location of a Citizen.

Here we suggest listening to the words in which his innermost pains are contained. Perhaps, it will help us to be more considerate and careful to him. That is the note made by Leskov in the album of G.P. Danilevsky:

“In my literary time there was not a writer slandered more than I; nevertheless not in the least had I ever been sorry about that. Sufferings which had been falling to my lot through all

the malices and libels I always tried to accept for the good and was very thankful for them: they taught me to put up with them, and God help everybody in that. Nikolaj Leskov (Stebnitsky). 14th May, 1872. SPb.” (1).

About persuasiveness of Leskov’s language manner had been said not a little. But the real causes of his style are not brought to light. Meanwhile we suppose that clarification of veritable reasons for the writer’s specific way contains a lot of attractive things. Especially if we pay attention to the sources of the language of Leskov’s literary works.

Essays and articles by him not infrequently touched upon questions of church life and as a matter of fact they came out like artistic investigations. It was natural to the author to base them on documentary materials. For instance, «Синодальные персоны. Период борьбы за преобладание (1820—1840 гг.)» [“Representatives of Synod. The Period of Struggle for Predominance”], «Иродова работа. Русские картины в Остзейском крае» [“Tyrant’s Work. Russian Pictures in East Zeisk Region”], «Церковные интриганы. Исторические картины» [“Church Intrigants. Historic Pictures”], «Поповская чехарда и приходская прихоть. Церковно-исторические нравы и картины» [“Priest’s Reshuffle and Parish Whim. Church Historic Morals and Pictures”] and some other works written by Leskov and published in *Istoricheskij vestnik* Journal in the 1880-ies. Some of the afore-mentioned essays were later included by the author in the larger and prominent narrations and novels, others — were organized into a cycle like *Zametki neizvestnogo*.

Leskov had testified to their authenticity: in the article «Поповская чехарда...» the writer remarked:

“I would like to offer readers *an interesting story* (here and further on emphasized phrases are spaced by us. — O.N.) borrowed by me from the original inquiry made in Moscow department of the Holy Synod about the priest Kirill for whom ‘croaked’ forty two persons from the parish of Spas in Nalivki” (2).

And in introduction to *The Notes of the Unknown* the narrator described the ancient manuscript which he got showing it to readers in detail, besides declaring its authenticity. Then the author rather substantially characterized it. After that he added:

«Засим я предлагаю в подлиннике заметки неизвестного летописца в том порядке и под теми же самыми частными заглавиями, под какими они записаны в полууничтоженной рукописи» [1. Т. IV. P. 257] (“Hereafter I suggest in the original notes of the unknown analyst *in that order and with those and the same separate titles* under which they were written in the *half-destroyed manuscript*”).

This peculiarity is very curious not only as a detail but a fact. In another article «Благословенный брак. Характерный пропуск в исторической литературе раскола» [“Blessed Marriage. A Distinctive Omission in Historical Literature of Schism”] the writer also referred to the rare manuscript book entitled «О бракосочетании» [“On Matrimony”], put the complete text of it and gave its minutest description (3).

One more important piece given by Leskov: beginning the narration the author pointed out to a familiar second-hand bookseller from the Sukharev tower whom the narrator bought a manuscript from [4. Т. IV. P. 257]. It is known that at Sukharev Square since the middle of the XIX century the famous book and art market was situated. That was a

centre of antiquities in Moscow (later on at the time of Stalin the tower was ruined). We dare say that Leskov-bibliographer knew that place and often bought books there.

Thus, fact and true-to-life fiction are supposed to merge. The writer specially but very delicately added to those two realities one more: a hint

“to nonartificial representation of affairs which interested in a certain time, obviously, *a very respectful, original and seriously organized public circle*” («безыскусственное изображение событий, интересовавших в свое время какой-то, по-видимому весьма достопочтенный, оригинальный и серьезно настроенный общественный кружок») [4. Т. IV. P. 257] (4).

A mixed group of people formed it: the secretary (from «Искусный ответчик»), assessor's wife with her small son Ignaty («Излишняя материнская нежность»), “the spiritual student” («Чужеземные обычаи только с разумением применять можно»), etc. But the main characters of the cycle are a bishop, priests, a consistory man, a principal of the church seminary and others.

Leskov's acquaintances occasionally tried to press upon the writer seeing his sharp critical view on the problems of church life. They wanted to soothe his anti-church appearances» Colonel Pashkov wrote to Leskov on the 22nd of September, 1884:

“It is an unbearable pity for me that You, whose heart responded formerly to everything true and good, now sneer at... what was taught by apostles...” [1. P. 88].

With the similar letters Slavophile I.S. Aksakov also applied to Leskov. But he had his own notions on this point: Leskov fought for the moral purity of cult custodians not changing his intentions even before onslaught of companions and censors' prohibition. (Cycle of short stories Notes of the Unknown was published first in *Gazeta A. Gattsukain* 1884, № 2, 5, 9-14. Publishing them was stopped by censorship. Only in 1917—1918 in *The Niva* the last three stories were put). As Leskov thought, people who are ordained should be inspired, i.e. inwardly ennobled and filled with elevated feeling, aspiration. These are people of Belief. Under *klobuk* (headgear of Orthodox monk) and black robe with a smooth radiant cross Leskov saw not only a God's minister but first of all — man. Observing a deep abyss between words and deeds of God's preachers hardly combined with established rules of morals the writer could not keep silent. We notice here to the point that anti-church works by Leskov did not seem to us departure from the God, Belief and religiousness. It was not a rejection from God's commandment but true sketches of priests' existence, their domestic life and interrelations. We can compare here some statements of Prof. V.O. Kluchevsky who remarked ironically:

“Does the priesthood believe in the God? They do not understand that question because they officiate the God», or «In the West the Church is without the God, in Russia the God is out of Church” [2. P. 384] (5).

We have also got the information that scrupulous and protracted work in the archives helped Leskov to realize profound sense of the olden times mentality. That also considerably supplemented knowledge derived from life. We mean that *Notes of the Unknown* contains much documentary information. Even some traits of the characters of this cycle were taken from inquest deeds of the Synod. That is why what is presented in his narration should be interpreted more than a fruit of Leskov's fantasy. It is the result of persistent

research and observation of real prototypes of his fiction. Here we have the right to say about Leskov—scientist and explorer of the Russian antiquities and investigator of the olden times' spirit, its connoisseur. Our suppositions are confirmed by looking through the funds of the former Record Office of the Synod. A substantial part of them now is concentrated in the Russian State Record Office of Ancient Acts in Moscow. We were fortunate enough to read some manuscripts kept in Fund № 1183 “Moscow Synodal Office” and work at them.

In one of them entitled “The Case of a Shock Which Happened to Hieromonk of Novospassky Monastery Arseny at the Time of Divine Service in Peter-and-Paul’s Parish Church” was put a report of the following content:

“...to the serving hieromonk Arseny happened a shock, however, he had finished liturgy; and on its termination he had lost his tongue, the left arm and leg were paralyzed; soon after that vomiting with eruption of Holy donations in altar had followed, the ejected remained in a washbasin; after the exposure he had been taken to the church ward...” (6).

At the end of this personal file resolution was placed: prohibition of divine service in churches of Moscow eparchy. Later we shall see how Leskov used these sad and ironic facts in his domestic sketches.

From the other document under the heading “About a Distribution of a Book for Making Notes of Evil Deeds to the Permanent Inhabitant of Abolished George’s Monastery” it is clear that a certain Grigory Nikolajev continuing fulfilling his duties lazily and carelessly without a proper diligence, and Zakhar Efimov abandoned himself to hard drinking and even violence. According to that, — the applicant writes then, — your most humble servant asks the Office of Holy Synod to give us a book for putting down in it every case of their bad behaviour (7).

Here is one more act, interesting and important for revealing sources of Leskov’s prose. It testifies, in our opinion, to a curious accident, or as the writer might have said, to an extraordinary occurrence of a very unpleasant quality. Namely, it has such a script:

“About Expulsion of Novice Vasily Shiriajev from Voskresensky Monastery for Bad Behaviour». It is said in it that «the lay brother Vasily Shiriajev all the Easter week was seen in a drunken state...” (8).

All cited above do not look like an artistic speech? Could it be so that those picturesque fragments connected with some affairs and details were related to Leskov’s *Notes of the Unknown*? At least we catch a likeness between them and the narration. So, in his conduct and action

“the regent of bishop’s choir” who was much of Adonis («красик») (*dandy* in Leskov’s view. — O.N.) “so much muddled up getting into a scrape of love stories, that... [he] passed from the choir or winked at important females going to the exit...” («так в переплете любовных историй от приезжавших ко всеношней дам запутался, что... [он] с хор утекал или с направлявшимися к выходу женскими особами глазами перемигивался...») [4. Т. IV. P. 287],

and Grigory Nikolajev who “carelessly without a proper diligence fulfilling his duties”. Who would know what is meant by such an impersonal definition? Only Leskov’s creative

imagination could think and feel so far that this *cloaca maxima* would engrave on the affected and burnt pages of invaluable manuscripts.

An old hierodeacon who during the Lent was crazy about billiard, drank so truly that became tipsy of drunk wine-glasses [4. T. IV. Pp. 284—285] reminds of the very *cuctosmorum* who “all the Easter week was seen in a drunken state”.

Lastly, the farther Ioann from the story «Как нехорошо осуждать слабости» [“It Is Wrong to Blame Foibles”] being intoxicated permitted himself an “indecent thing”:

“having uttered an exclamation fell asleep, and not fast waken up” («сделав возглас, заснул и нескоро пробудился») [4. T. IV. P. 259],

and hieromonk Arseny to whom during the divine service “a shock” had happened. In the both examples a veiled ironic implication is presented.

We draw attention to some possible parallels. Basing on them we tried to compare Leskov's style and approach to description of every day events with assumed sources of his narrative cycle. Analyzing all these we can suppose that the style of business documents of national history, especially of investigatory evidences connected with the church life, is in a certain correlation with the text of his narration. That interaction is particularly shown in using the words of characteristic and determined meanings and formative models like «буйство» (tumult), «разоблачение» (unmasking), «извет» (false denunciation), «справщик» (corrector), «дознание» (inquiry), «обыскная книга» (a church book for registration of matrimones), «обыск» (a note on marriage in a church book), «консисторский приказный» (consistorial bailiff). All these words had been used actively in Old Russian legal system and in manuscripts in their primary meanings with different semantic and stylistic shades. For instance, the lexeme «извѣтъ» had nine ways of interpretation: 1) pretext; excuse; 2) cause; 3) fraud, illegal actions; 4) accusation; slander, calumny; 5) proof, confirmation, evidence; 6) denunciation; 7) report, dispatch; 8) advice; 9) justification; apology, forgiveness [11. Pp. 116—118]. Leskov accumulated them into a specific cover with a new meaning invented by him — “doubt”. On the one hand, it was a peculiar trait of his hero, the secretary of consistory, who attaining to himself an order understood that

“after departure of foreign *predicant* (here preacher. — O.N.) many of simple folks who before in their lapsed life had never read the Gospel, got that book... Though, — the narrator proceeded, — under each of them were printed particulars as to place and date of publication the secretary conceived an anxious doubt that those books made at the printing-house in London, and Russian imprint was marked in by fraud, proper for detriment to incomes (?! — O.N.) of orthodoxial department in Russia” («по отъезде иностранного предиканта у многих простого звания людей, кои в прежде прошедшей жизни никогда Евангелия не читали, появились в руках книжки Нового Завета... и хотя под какою из оных было подпечатано обозначение выхода их из духовной типографии, но секретарь возымел беспокойное сомнение, что те книги произведены в типографии в Лондоне, а выход российский им обозначен обманно, собственно для подрыва доходов (?! — O.N.) православного ведомства в России») [4. T. IV. Pp. 303—304].

On the other hand, the writer ridiculed the pathological inclination of some protectors of orthodoxy to subject themselves to temptation of absurd and feigned search of enemies of national religion. Leskov's presenting irony expressed in a veiled form took another

turn when the narrator described a parody to the inquiry trial. It was held according to the secretary's «извет». Being an expert in the Gospel he asked the chief «справщик» (corrector)

“from the gubernia printing-house, as to his origin *German*... to give him an explanatory conclusion” («призвал к себе из губернской типографии главного справщика, происхождением немца,... и предложил: не можете ли дать на сей предмет сведущего разъяснительного заключения») [4. Т. IV. P. 304].

As far as he thought without any doubt,

«английское общество сколько бы ни стремилось всеми силами к тому обману, чтобы подделаться к законному русскому изданию, с установленного благословения изданному, никак того достичь не в состоянии.

— А почему?

— Потому, что там с такими грубыми несовершенствами верстки и тиснения и на столь дурной бумаге уже более двухсот лет не печатают» [4. Т. IV. P. 304].

(“whenever an English society was aspired by all the forces to that trickery for falsification of the legitimate Russian edition published with establishing benediction, was in no way to achieve that.

— And why? (asked the secretary. — O.N.)

— Because there with such a rough imperfection of page-proof and stamping and on too bad paper they have not printed anything over two hundred years”).

A fine and subtle hint of the title of this short story «Стесненная ограниченность англицкого искусства» [“Constraint Scantiness of the English Art”] gave Leskov the possibility to show absurdity of official Church and pseudo-patriotism of Russian hysterics. It was his manner to invent affected titles, overloaded and intricate to some extent. But through them we can feel psychological attitude of Leskov to the determined tradition. He created his own system which distinguishes the notions “book language” and “local patois”, “lively” and “literary speech”. As a rule, titles of his works are complicated and full of metaphors. This helped him to keep the original text far off censorship covering the content behind the similar neutral, hard to judge phrases. In this episode the Old Russian word «извѣтъ» could have been also interpreted in a new sense because of polysemanticism of its root: «извѣтъ — вѣсть — вѣкъ — извѣчный», i.e. a primordial, old (difficult) problem. And to our view, the writer was supposing to make a step to solve it by means of humour and irony, defending *русскость* (russianary) and fighting against its mistificators.

With all his sarcasm to the God's servants we are inclined to think that Leskov's soul was entirely torn by contradictions of reality. His characters, to some extent, are only reflections of spiritual conflicts and social injustice. But his prose does not make an impression of burden and moral irreparance, lack of belief in the future. On the contrary, the writer was nourished on quite a different food. Once he wrote to S.N. Shubinsky:

“You should not at all be in time with ‘the monde’, but keep yourself somewhat to the best than that what it now approves of and encourages...” [10. P. 223].

Leskov deeply sensed the coming tragedy of nihilism. It was not only a trend in environment of разночинец (9). It was the beginning of tyranny under which everyone would be left to the mercy of fate. That was an absolute negation and crossing out human

and social standards, principles, values formed before. In this situation he was looking for light ideals, and he found them in the Russian province. Leskov with great attention listened to its spirit and movement. There he saw natural people and felt at ease. Leskov learned them through their customs and habits, through their language. Explaining a specific manner of pronunciation and behaviour of native folks the writer asserted to the opponents' opinion of artificiality of his language:

“That very popular, vulgar and ornate language by which many pages of my works are written, invented not by me but eaves-dropped from *мужик*, from a half-intellectual, from *краснобай* (phrase-monger. — O.N.), from *юродивый* («God's fool», — O.N.) and *святоши* (hypocrites. — O.N.)” [10. P. 221].

When travelling about remote places of Russia Leskov met uncommon characters having exceptional fates and strong temper. Such is Ivan Severyanovich Flyagin = *Очарованный странник* is depicted in a tale of the same name:

«типический, простодушный, добрый русский богатырь, напоминающий дедушку Илью Муромца» [4. Т. III. Рр. 4—5] (“typical, open-hearted, kind Russian *богатырь*' (Hercules. — O.N.) reminding of the grandpa Ilya Muromets”).

In his fate the whole of Russia is imprinted. Archpriest Savely Tuberozov («Соборяне») whose life is hagiography of Russian Belief gracelessly sunk into oblivion. In them Leskov saw a mighty potential of spiritual force able to resist the general chaos of nihilism (10). The writer had been visiting a lot of monasteries where he could also listen to unusual stories and read ancient messages of surprising and heartfelt soul. In one's innocence it is hardly ever found more natural and worked out in detail which had been used by Leskov. Here we fill a necessity to acquaint readers with a certain similar manuscript deserving Leskov's pen in the original in full:

Честнѣйшій отецъ казначей Епифаній!

Извѣстно вамъ, что уже у насъ на Крестно(м) островѣ открылся питѣйный домъ, то во о(т)вращеніе противны(х) слѣдствій, по хр[и]стіанской любви прошу, а по должности моей и приказываю, сохраните пожалуйста какъ себя, так и други(х) братій в порядочно(м) воздержаніи, в незазорно(м) поведеніи, і в добродѣте(л)номъ состояніи, что бѣдетъ Б[о]гупріятно, о(т) ближни(х) заслужите себѣ почтеніе, а мнѣ во утѣшеніе и спокойствіе дѣха, ва(м) сіе поручено, и поручаю наблюда(т) сей порядокъ благосостоянія о чемъ на васъ надѣюсь и не сумнюсь. Знаете, в противно(м) случае какая мнѣ о(т)рада, я принужден, но буду соо(т)вѣтствова(т) моей должности. Извѣстны вы, что Б[о]жіею милостію, и монарши(м) благоволеніемъ доволно пожалованы, со временемъ почувствуете сами свою ползу. Сіе мое приказаніе, или паче усердіе, обявите и про(т)чей братіи. В про(т)чемъ желая вамъ всѣхъ благъ, пребываю

Вашѣ доброжелательный Архимандритъ Макарій.

Маія 28 1780 года. Онѣга (11).

That manner of speaking and style was very close to Leskov, and he pointed out this detail of his prose:

“My priests speak ecclesiastically, nihilists — in a nihilistic way, *мужики* — manlike, parvenus of them and *скоморохи* (buffoons. — O.N.) — with freaks, etc.” [10. P. 221].

We deliberately put this document without any additions just for everyone to feel those times' tradition and try to compare it to the text of Leskov's *Notes of the Unknown*. That,

perhaps, would make us look into the new interpretations and comprehension of the contents. It seemed to be immoderated with variety of microstyles and syntactic constructions belonging to the church tradition, distributing in appointed succession and consistency to their own places having an important meaning to Leskov. In the broad sense the writer borrowed and continued the best customs of classical Russian style so highly estimated in former times. Particular relations and inner world are given by Leskov in a special language where «phrasal noise of words», as he thought, was inadmissible. Here the writer followed traditions of literary language elaborated by M.V. Lomonosov and N.M. Karamzin, A.F. Veltman and Russian romantics, but saved his rare quality — harmony of thoughts, a vivid and clear style.

REFERENCES

I would like to thank Prof. Dr. V.Yu. Troitsky for his helpful comments and express special thanks to Dr. T.V. Androsova whose minutest assistance and moral support always followed me when I was working at it. I would also like to thank Mr. D.A. Dogadin for his technical recommendations and deeds of gift when I was writing this article.

- (1) GPB. F. 236. № 174. P. 56. Cited from: [6. P. 37]. [Here and after all the translations from the original text into English are given by us. — O.N.].
- (2) *Istoricheskyy vestnik*. 1883. V. XI. № 2. P. 265. Though A.N. Leskov did not find a real manuscript with original “Notes” (see: *Zvezda*. 1935. № 7. P. 226), we consider that linguistic and source study will give us some possible parallels.
- (3) *Istoricheskyy vestnik*. 1885. V. XX. № 6. P. 506—509.
- (4) *Ibid.* P. 257. Later on Leskov said that that he would like to write «Записки расстриги» [“Notes of the Unfrocked”], and hero of this literary work would be a young, heartfelt and modest gentleman who became a priest on the purpose of doing what is possible (we keep here the authors spacing out of the words. — O.N.) *ad majorem Dei gloriam*, and saw that there there is nothing to do for the God’s glory. But this could hardly be published in our Fatherland, — inferred the writer. (See the epilogue by A.N. Leskov to one of the first publications of some stories from “Notes of the Unknown” in the journal *Zvezda*, 1935, № 7. P. 226).
- (5) When writing this narration Leskov’s personal position was rather difficult. Besides the fact of stopping publication of “Notes”, there is one more detail. In that period E.M. Theoktistov (whom the writer called “a pig from Theatre Square”) was the Head of the Central Department of State Seal. Also Minister D.A. Tolstoj who “disliked the people with their own stands”, as Leskov said, was not disposed to the writer’s favour.
- (6) RGADA. F. 1183. L. I, part 37. № 129. P. 1.
- (7) *Ibid.* № 134. P. 1.
- (8) *Ibid.* № 176. P. 6.
- (9) Разночинец — intellectual not belonging to the gentry in 19th century Russia.
- (10) Нигилизм in its origin is borrowed from Latin *nihil* — “nothing”. N.O. Lossky gives a substantial analysis of the problem of Russian nihilism and its functions in literature. He thought that the word “nihilism” not in an old theological but in publicistic sense was used for the first time by N.I. Nadezhdin in 1829. At that period it meant new tendencies in literature and philosophy. N.O. Lossky considered nihilism “the seamy side of good qualities of the Russian folk”. See: [7. Pp. 338—350].
- (11) RGADA. F. 1195. L. 4. № 445. P. 84 r.s. This manuscript is written in the traditional type of Russian handwriting of the 18th century — *скоронпись* (tachygraphy). It is to some extent developed as compared to the beginning of the century, and approaches to the modern manner of writing. It characterizes variety of letter scripts, abundance of signs carried above the line and unelaborated system of punctuation. Numbers meaning the date of the creation document in the second part of the 1700-ies, as a rule, are not substituted for letters. See also publication of theses texts by O.V. Nikitin in: [8; 9; 10; 11].

In «( )» we put letters written in the original above the line; in «< >» — the letters omitted but implied by the author, «[ ]» are used for the letters carried out under the title. Orthography and punctuation are given without any corrections according to the author's style.

LITERATURE

- [1] *Другов Б.М.* Н.С. Лесков. Очерк творчества. М., 1957.
- [2] *Ключевский В.О.* Собрание сочинений. В 9 т. Т. IX. Материалы разных лет. М., 1990.
- [3] *Лесков Н.С.* Рукописное наследие. Каталог. Л., 1991.
- [4] *Лесков Н.С.* Собрание сочинений в шести томах. Тт. III, IV. М., 1973.
- [5] *Лосский Н.О.* Характер русского народа // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991.
- [6] *Никитин О.В.* Деловая письменность в истории русского языка (XI—XVIII вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Московский государственный областной университет. М., 2004.
- [7] *Никитин О.В.* Сийские грамоты XVIII века (1768—1789 гг.). М.: Смоленск, 2001.
- [8] *Никитин О.В.* Деловая письменность в истории русского языка (XI—XVIII вв.): дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2004.
- [9] *Никитин О.В.* Русская деловая письменность как этнолингвистический источник (на материале памятников севернорусских монастырей XVIII века): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000.
- [10] Русские писатели о литературном труде. Т. 3. Л., 1955.
- [11] Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 6. М., 1979.

ЯЗЫКОВАЯ СТИЛИЗАЦИЯ В «ЗАМЕТКАХ НЕИЗВЕСТНОГО» Н.С. ЛЕСКОВА

О.В. НИКИТИН

Московский государственный областной университет
ул. Радио, дом 10А, Москва, Россия, 105005

В статье представлен лингвостилистический анализ произведений Н.С. Лескова. Автор сравнивает некоторые ранее не опубликованные рукописи, связанные с церковной жизнью XVIII—XIX вв., случаями, ситуациями, которые описаны в «Заметках неизвестного». Одна из основных целей автора — установить возможные связи между характерными чертами героев Н.С. Лескова и русскими культурными традициями прошлого. Рассматриваются некоторые яркие образцы речи представителей особых профессий и сословий. Устанавливаются лингвистические параллели между сложным церковным языком и системой авторских стилистических средств. Устанавливаются новые взаимосвязи между историческим, языковым и литературными аспектами текста и особым миром Н.С. Лескова как формой культурно-исторического мирознания.

Ключевые слова: языковая стилизация, архаичный текст, языковые параллели, книжный язык, старославянизмы, семантика текста, литературная речь, метафорический смысл, особое видение мира

LITERATURE

- [1] Drugov B.M. N.S. Leskov. Oчерk tvorчestva [The Review of Creative Work]. M., 1957.
- [2] Ključevskij V.O. Sobranie sočinenij [Collected Works]. V 9 t. T. IX. Materialy raznyh let. M., 1990.
- [3] Leskov N.S. Rukopisnoe nasledie. Katalog [Manuscripts of Works. Catalogue]. L., 1991.
- [4] Leskov N.S. Sobranie sočinenij v šesti tomah [Collected Works in 6 Volumes]. Tt. III, IV. M., 1973.
- [5] Losskij N.O. Harakter russkogo naroda [Russian Character]. Losskij N.O. Uslovija absoljutnogo dobra. M., 1991.
- [6] Nikitin O.V. Delovaja pismennost v istorii russkogo jazyka (XI—XVIII vv.) [Commercial Writing Speech in the History of the Russian Language (XI—XVIII)]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie učennoj stepeni doktora filologičeskikh nauk / Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet. M., 2004.
- [7] Nikitin O.V. Sijskie gramoty XVIII veka (1768—1789 gg.) [Siysk Official Documents]. M.: Smolensk, 2001.
- [8] Nikitin O.V. Delovaja pismennost v istorii russkogo jazyka (XI—XVIII vv.) [Commercial Writing Speech in the History of the Russian Language (XI—XVIII)]. Dissertacija na soiskanie učennoj stepeni doktora filologičeskikh nauk / Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet. M., 2004.
- [9] Nikitin O.V. Russkaja delovaja pis'mennost' kak jetnolingvističeskij istočnik (na materiale pamjatnikov severnorusskikh monastyrej XVIII veka) [Russian Commercial Writing Speech as Ethnolinguistic Phenomenon (on the Material of North Russian Monasteries)]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie učennoj stepeni kandidata filologičeskikh nauk / Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet. M., 2000.
- [10] Russkie pisateli o literaturnom trude [Russian Writers about Book-Writing]. T. 3. L., 1955.
- [11] Slovar' russkogo jazyka XI—XVII vv. [The Dictionary of the Russian Language of XI—XVII centuries]. Vyp. 6. M., 1979.

ABBREVIATIONS

F. — Fund

GPB — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (St. Petersburg). [The State Public Library] (now: Российская национальная библиотека).

L. — List (=опись)

RGADA — Российский государственный архив древних актов [Russian State Archives of Ancient Acts, Moscow]

R. s. — Reverse side

ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ И ИХ РОЛЬ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМ КОСМОНАВТАМ

М.Л. Новикова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Приоритетным подходом в методике преподавания русского языка как иностранного, учитывающим профессиональные запросы специалистов, является установка на овладение языком за короткое время обучения на специфическом языковом материале. Это обуславливает применение информационно-образовательных, игровых, проблемных форм и методов, позволяющих реализовывать гибкие модели обучения, основанные на прямом взаимодействии иностранных космонавтов с учебным окружением, что детерминирует развитие языковых навыков, формирование компетенций, необходимых для решения коммуникативных задач на русском языке в учебной и профессиональной сферах деятельности. Обучение русскому языку проходит в условиях, максимально приближенных к реальным ситуациям речевого общения во время подготовки к полету и на космической орбите.

Ключевые слова: языковая подготовка космонавтов, навыки и умения, компетенции, интерактивные методы, профессионализация языкового обучения

Целенаправленному процессу подготовки иностранных космонавтов во взаимосвязи и взаимозависимости ее основных компонентов, комплексному подходу в обучении уделяется большое внимание в РУДН в деле совместного сотрудничества с Центром подготовки космонавтов в Звездном городке в рамках международных космических программ [3. С. 70]. Российская космическая отрасль является одной из самых мощных в мире, Россия безоговорочно лидирует в пилотируемой космонавтике и в запусках на орбиту. Успешная языковая подготовка иностранных космонавтов способствует выполнению поставленных полетных задач и расширению влияния российской школы космонавтики.

Реализация принципа профессиональной направленности обучения на деле доказала свою высокую эффективность. Подготовка иностранных космонавтов к космическому полету, к профессиональному общению на русском языке во время работы на космической орбите обуславливается потребностями в совместной деятельности, включающей в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия на русском языке, восприятие и понимание членов интернационального космического экипажа Международной космической станции.

Русский язык является не только инструментом взаимодействия, но и важным средством формирования у космонавтов различных видов мышления, необходимых для выполнения функциональных обязанностей при эксплуатации российских образцов космической техники, в частности, космического корабля «Союз-ТМА», на тренировках в тренажерах космических аппаратов, в гидролаборатории,

на центрифуге, в макетах международной космической станции, на различных тренировках, включая экстремальные тренировки по выживанию в случае нештатной посадки: зимнее выживание, морское выживание и др. «Профессионализации содержания языкового обучения имеет глубокое лингвометодическое обоснование в связи с тем, что ориентация образовательного процесса на будущие коммуникативные потребности специалиста заметно повышает мотивацию изучения предмета» [4. С. 167].

Стратегии освоения языка, при которых иностранный космонавт овладевает новой языковой системой, приобретает лингвистическую компетенцию и на основе этого осуществляет речевую деятельность в различных ситуациях профессионального общения, становится компетентным в коммуникативно-речевой области, направлены на решение практико-ориентированных задачи учитывают как доминирующие виды деятельности, обеспечивающие успешность выполнения различных профессиональных операций, так и область применения профессиональных знаний. Следует отметить, что учебная среда выступает как реальность, в которой космонавт находит сферу осваиваемого профессионального опыта, вырабатывая речевые навыки и умения в комплексном взаимодействии.

Особую значимость в системе обучения иностранных космонавтов имеют интерактивные методы преподавания, эффективные стратегии обучения. Они реализуют принципы игрового, активного обучения, отличающегося наличием правил фиксированной структуры игровой деятельности, что способствуют выработке способностей правильного развития языковых умений, формированию компетенций, необходимых для решения коммуникативных задач на русском языке в учебной и профессиональной сферах деятельности.

Это позволяет создать вполне реальные ситуации общения между членами космического экипажа, обеспечивает естественную необходимость многократного повторения языкового и речевого материала по разным направлениям специальной подготовки, например, «Система обеспечения средств жизнедеятельности», «Конструкции и компоновка корабля», «Космический корабль «Союз ТМА», «Система средств управления движением», в которых представлен определенный набор метатем, или информативно-коммуникативных блоков. Каждый коммуникативно-речевой блок обслуживается собственными лексико-грамматическими единицами. Их отбор, описание и наполнение включается в лексико-грамматическую тему урока по изучению той или иной космической системы. Существенно, что выполняя такие задания, иностранные космонавты не только закрепляют уже изученный материал, но и изучают новый. Такие задания содержат тематически ориентированные лексические блоки, проблемные, частично адаптированные и аутентичные ситуации. На занятиях используются лексические, лексико-грамматические, условно-коммуникативные и подлинно коммуникативные упражнения по русскому языку, способствующие формированию и развитию у космонавтов профессиональных компетенций [1. С. 23–24], что способствует многомерному усвоению материала.

На занятиях по русскому языку с опорой на изучение профильно-ориентированных материалов возможно «проигрывание» различных профессиональных ситуаций в интерактивных режимах. Интерактивные методы, по сравнению с

активными, направлены на более широкое взаимодействие обучаемых не только с преподавателем, но и друг с другом. Существенно, что они нацелены на доминирование активности космонавтов в процессе обучения. Функция преподавателя на интерактивных уроках сводится к направлению их деятельности: возможность взаимодействовать, или находиться в режиме беседы, полилога с членами экипажа, диалога с преподавателем русского языка и инструктором по специальным космическим дисциплинам, с мультимедийными средствами обучения.

Интерактивные методы основаны на прямом взаимодействии космонавтов с учебным окружением, что обуславливает формирование различных компетенций. Такие формы и методы обучения (ролевые игры, имитации, деловые и образовательные игры, дидактические игры, тренинги, «мозговой штурм», «шесть шляп мышления», «кейс-метод», «аквариум» «языковой портфель») [5. С. 92—94] как специально организованные способы многосторонней коммуникации, предполагают активность обучаемых и широко используются при формировании речевых умений на русском языке. Выработка профессиональных компетенций посредством выполнения последовательных заданий, действий или игр, направлена на достижение, отработку и развитие требуемого навыка. Творческое задание составляет содержание, основу любого интерактивного метода, придает смысл обучению, активно мотивирует космонавтов.

Интерактивные формы и методы применяются на разных этапах обучения, они направлены на решение различных коммуникативных задач и играют важную роль в актуализации профессиональных знаний космонавтов. Такие технологии обучения разрабатываются по целому ряду направлений: работа с бортовой документацией, ремонтные и профилактические работы на борту Международной космической станции, выход в открытый космос и взаимодействие членов экипажа, техническое обслуживание на орбите, эксперименты на космической орбите, медицинские аспекты жизни на орбите, наблюдения с орбиты над земной поверхностью (географические, геологические, метеорологические), нештатные ситуации в космосе и многие другие.

Обратимся к некоторым примерам по разделу «Система связи и слежение Международной космической станции. Переговоры с Центром управления полетами и коммуникация между членами экипажа на орбите».

1. Абонентский блок голосовой связи (АТУ) обеспечивает разговор с участием многих членов экипажа на космической станции. Обсудите с членами экипажа, как работает АТУ. Придумайте возможный разговор по АТУ. О чем члены экипажа разговаривают с Землей? Кто участвует в разговоре?

2. Вы находитесь в служебном модуле МКС. Используя безличные конструкции с инфинитивом, объясните, какие действия вам надо совершить, чтобы связаться по внутренней голосовой связи с космонавтом, работающим в грузовом блоке станции.

3. Прослушайте аудиозапись переговоров космической станции с Центром управления полетами. Какие слова являются ключевыми в этом разговоре? Передайте командиру содержание аудиозаписи, используя императивные формы-команды с Земли.

4. Выразите следующие опасения: *откажет проводная связь, будет плохо слышно, когда вы наденете скафандр, данные по скафандру неточные, голос будет плохо проходить через микрофон скафандра, ЦУП не выйдет на связь с МКС* и др.

5. Составьте план действий на случай, если из строя выходит подсистема связи, и обсудите последовательность различных операций с бортинженером.

Учет потребностей, интересов и личностных особенностей иностранных космонавтов как полноправных участников процесса обучения, построенного на принципах сознательного партнерства и взаимодействия с преподавателем и с членами международных космических экипажей, стимулирует творческую активность, совершенствует навыки устного группового и индивидуального общения космического экипажа. В ходе учебно-профессиональной коммуникации иностранные космонавты-специалисты-бортинженеры, командиры, ученые-исследователи выступают в заданных, строго определенных ролях, решают конкретные полетные задачи. В сфере профессионального общения социально-коммуникативные роли космонавтов коррелируют с различными позициями социально-статусной иерархии, которые зависят от должности, на которую они назначаются, с учетом уровня профессионального мастерства и языковой компетенции.

Необходимо отметить взаимосвязь (корректировку типовых) программ подготовки иностранных космонавтов по русскому языку и программ профессиональной подготовки. Методическая часть обеспечивается различными лексико-грамматическими и синтаксическими конструкциями. Цементирующим элементом являются смыслообразующие средства русского языка, именное и глагольное словоизменение, словообразование и типы синтаксических конструкций и т.д., что обуславливает достаточно высокий уровень владения русским языком, терминологическим аппаратом аэрокосмических специальностей, лексико-грамматическими конструкциями научного стиля речи. Особенно важно для работы в сложных условиях космоса понимание команд и предупреждений. Набор соответствующих лексико-синтаксических структур составляет особый раздел учебного материала.

Интерактивное обучение как диалоговое обучение, в ходе которого осуществляется взаимодействие преподавателя и космонавта, постулирует изменение роли преподавателя, поскольку он регулирует учебный процесс, занимается его общей организацией, готовит заранее необходимые задания и формулирует вопросы или темы для обсуждения. Информационно-образовательные, игровые, проблемные методы обучения русскому языку в рамках компетентного подхода позволяют реализовывать гибкие модели обучения, основанные на прямом взаимодействии иностранных космонавтов с учебным окружением, что детерминирует выработку развития языковых умений, формирование компетенций, необходимых для решения коммуникативных задач на русском языке в учебной и профессиональной сферах деятельности. Интерактивное обучение максимально эффективно, поскольку позволяет космонавтам мысленно выйти за пределы аудитории и составить проект своих действий по тому или иному обсуждаемому вопросу, оно проходит в условиях, максимально приближенных к реальным ситуациям речевого общения во время подготовки к полету и на космической орбите.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.
- [2] Кларин В.М. Интерактивное обучение — инструмент освоения нового опыта // «Педагогика». 2000. № 7. С. 12—18.
- [3] Новикова М.Л. ЦПК им. Ю.А. Гагарина и РУДН: сотрудничество в рамках международных космических программ // «Вестник авиации и космонавтики». 2010. № 3. С. 65—70.
- [4] Новикова М.Л. Инновационная парадигма образовательного процесса и ее роль в унификации и совершенствовании процесса преподавания // Вестник РУДН. Серия: «Вопросы образования: языки и специальность». 2012. № 3. С. 165—173.
- [5] Панина Т.С., Вавилова А.Н. Современные способы активизации обучения. М.: Академия, 2008.
- [6] Черкашина Т.Т., Аббасова А.А. Внедрение игровых технологий обучения как инновационный поиск актуализации профессиональной диалогической компетентности студентов-экономистов // Вестник РУДН. Серия: «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2014. № 4. С. 127—133.

INTERACTIVE TEACHING METHODS AND THEIR ROLE IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TO ASTRONAUTS

M.L. Novikova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Aiming at mastering language in the shortest term while using specified language material is the priority in professionally-oriented teaching Russian as a foreign language. It influences the choice of forms and methods of language teaching in the framework of competence approach, including informational, educational, game-based, problematical ones and so on, which helps to implement flexible teaching models. Interactive teaching methods are based on direct interaction of foreign astronauts with their learning environment which dictates the necessity of developing language skills, forming competence to solve communicative tasks in Russian either in a learning or professional environment. Teaching Russian to astronauts takes places in realistic communication simulation during flight preparation or in a space orbit.

Key words: astronaut language training, skills and abilities, competence, interactive learning methods, professionalizing language training

REFERENCES

- [1] Zimnjaja I.A. Kljuchevye kompetentnosti kak rezul'tativno-celevaja osnova kompetentnostnogo podhoda v obrazovanii [Key Competences as a Result-Purpose Base of Competence Approach]. M.: Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov, 2004.
- [2] Klarin V.M. Interaktivnoe obuchenie — instrument osvoenija novogo opyta [Interactive Teaching as Means of Getting New Experience]. Pedagogika. 2000. № 7. S. 12—18.

- [3] Novikova M.L. CPK im. Ju. A. Gagarinai RUDN: sotrudnichestvo v ramkah mezhdunarodnyh kosmicheskikh programm» [I.A. Gagarin's CPK of PFUR: interaction in international space programs]. Vestnik aviacii i kosmonavtiki. 2010. № 3. S. 65—70.
- [4] Novikova M.L. Innovacionnaja paradig obrazovatel'nogo processa i ejo rol' v unifikacii i sovershenstvovanii processa prepodavanija [Innovative Paradigm of Educational Process and Its Role in Unification and Improving Teaching Process]. Vestnik RUDN. Voprosy obrazovanija. Jazyki i specialnost'. 2012. № 3. S. 165—173.
- [5] Panina T.S., Vavilova A.N. Sovremennye sposoby aktivizacii obuchenija [Modern Means of Teaching Activisation]. M.: Akademija, 2008.
- [6] Cherkashina T.T., Abbasova A.A. Vnedrenie igrovyh tehnologij obuchenija kak innovacionnyj poisk aktualizacii professional'noj dialogicheskoj kompetentnosti studentov-jekonomistov [Game Teaching Technologies as Innovative Search of Actualization of Professional Dialogue Competence of Students-Economists. Vestnik RUDN Russkij i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavanija. 2014. № 4. S. 127—133.

RECLAMEMICS AND LINGUISTIC MARKETING AS NEW KNOWLEDGE AREAS

D.S. Sknarev

Institute of Economy, Trade and Technology
South-Ural State University
Lenin av., 75, Chelyabinsk, Russia, 454080

The study examines the specific features of reclamemics and linguistic marketing as new areas of knowledge of the advertising language and marketing communication texts respectively. Advertising, representing an integral part of the media space of modern society, reflects different, generated aspects (axiological, social, cultural, psychological, aesthetic, moral and others) of the human activity. As a consequence, this marketing communication is undoubtedly able to influence consumers forming their specific perception of themselves and the attitude to consumed goods and services. The author sets the task to explain the terms “linguistic marketing” and “reclamemics”, explores the language of advertising, focuses on the linguistic means of creating advertising image, correlates claimed concepts, justifies the need to introduce these terms in the scientific sphere. According to the researcher, advertising communication is based on the information or the emotional description of the product benefits. Marketing is primary in advertising communications because semantics and pragmatics of advertising language depend on its goals and objectives.

Key words: linguistic marketing, reclamemics, reclamema, the advertising language, marketing communication texts, advertising image, linguistic means

Modern Russian language updates the public’s needs timely and implements new directions of verbal reality studying, investigating the language in its diverse associations and functions. Rapidly evolving speech linguistics and the appearance of complex subjects such as cultural linguistics, discourse study, media linguistics, legal linguistics, ontolinguistics, linguistic marketing and others are the marked manifestations of the process.

In our opinion, the field of science necessitates the creation of a new complex discipline integrating knowledge of the advertising language — reclamemics. Introduction of the term into the sphere of science is justified by the demands of modern society to which language system responds immediately.

Media linguistics, which incorporates the developing field of reclamemics, is associated with the functioning of the language of modern mass communication presented in printed, audiovisual and network media. T.G. Dobrosklonskaya actively uses the term of media linguistics in her scientific works [1], studies English media speech (in Great Britain the term media study/media discourse analysis is used; in Germany Medienlinguistik is a common term).

In the framework of modern media linguistics the study of communication language using media channels to spread marketing information (policy, public relations, etc.) is of current interest. Advertising addresses the modern media (television, radio, internet) dynamically to disseminate mass information, as well as actualizes its impact by non-media means of communication: advertisements in the sales locations, sales promotions, personal selling, event marketing, etc. The latter are more effective and, therefore, required

in an atmosphere of competition in modern society. Non-media communications are realized and promoted through information channels, based on an interactive, personal and mass interaction with the target audience in order to pursue corporate, marketing and communication objectives of the company. This aspect is studied by A. B. Cherednyakova and D. S. Sknarev [8].

Media linguistics studies the functioning of the language in mass communication with its complex structure and diverse alternating trends, while reclamation shows definite results — the consumer's reaction to the communication efforts undertaken to create a positive impression about the object of advertising.

The purpose of this study is to examine the specifics of reclamation and linguistic marketing as new fields of knowledge, to distinguish between these concepts.

Advertising communication is based on the information or the emotional description of the product benefits. A person serves as a recipient of advertising whose consciousness is under high impact (mass or individual). This fact has resulted in the appearance of a variety of different technologies and tactics of language manipulation, described in the research of Yu. K. Pirogova [4].

Modern linguistics is rich in scientific works devoted to the advertising. V. G. Kostomarov, D. E. Rosenthal, A. S. Mamontov, M. M. Rusakova [2; 5; 3; 6] and others study advertising in different aspects. The author notes that up to date reclamation is being insufficiently mentioned as an objective phenomenon of verbal reality and has not developed as an independent area of research yet. The majority of existing PhD works on the subject are devoted to: a) the comparison of the verbal components of the various linguistic systems: the Russian and the English languages (Amiri L. P., Garan E. P., Dedyukhina A. G., Slukina G. V., Stroeva I. S.), the French and the Russian languages (Akulicheva V. V., Volostnykh A. V., Gorelik P. L), the German and the Russian languages (Brozhenko S. V., Demina Yu. V., Karataeva L. V.) and others; b) international advertising (Kochetova L. A., Krapivkina M. V. and others); c) advertising text analysis: Tourism (Atakyan G. S., Morozova N. S.), Architecture (Bezruchko E. N.), Automobiles (Gavrilova O. A., Shilovskaya E. N.), Clothing (Ivus O. N.), Medicine (Karimova G. T., Rusakova M. M.), Airlines (Kachalkin P. V.), Food products (Strizhkova O. V.) and others; d) description of the linguistic specificity of a certain means of advertising dissemination: the Internet (Egorova I. Yu.), print advertising (Drobysheva O. V., Sazonova I. A.), TV advertising (Krailina N. A.) and others; e) the study of certain aspects of advertising language: structure and functioning (Muravyeva S. G.), pragmatics (Kurenova D. G., Nazina O. V., Terkulova D. R.) pragmatic linguistics (Livshits T. N.), pragmatic stylistics (Maksimenko E. V.), stylistics (Zolina O. A., Krivko N. A.), communication (Demina Yu. V., Stepanova E. V.), gender (Akulicheva V. V., Drobysheva O. V., Negovorova I. V.) and others; e) marketing communications text units (Kirpicheva O. A., Litvinova A. V., Shido K. V. and others).

We believe that contemporary linguists focus on interaction of verbal and non-verbal components of advertising to reveal the specifics of its functioning in the advertising discourse and the degree to which consciousness of the individual and society is influenced, as well as to find out the formation mechanisms of the linguistic marketing picture of the world through advertising language.

Advertising language is being studied comprehensively. One can find many works devoted to social, psychological, philosophical and linguistic aspects. All these phenomena

are called Advertising Science. However, lots of works are devoted to the consideration of the separate text units of marketing communications. For example, the title, slogan, brand name are under study. We think it seems illogical to call all aspects and studies as Advertising Science. It should have a definite name, for example, linguistic marketing.

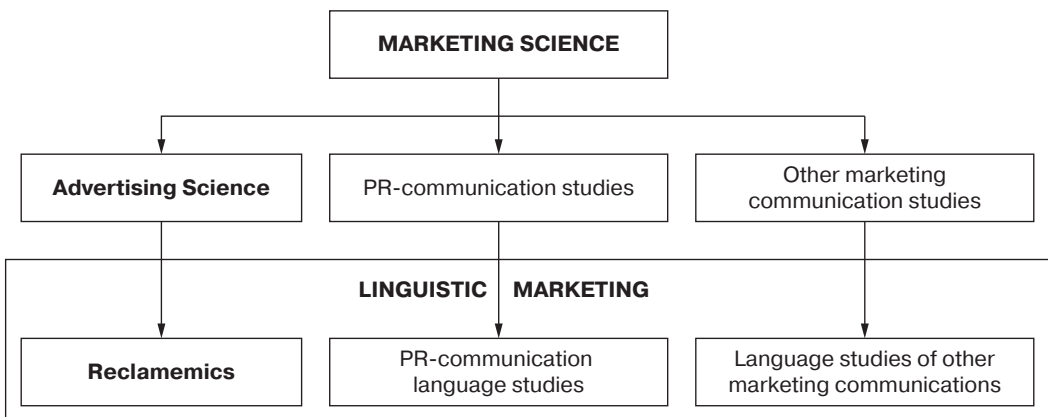
As for the concepts “reclamemics” and “linguistic marketing”, it should be noted that every newly-appeared term tends to become ideal, but its quality requires some special conditions for its functioning and use, as well as other factors. What are new terms introduced for? As it is mentioned above, Advertising Science investigates advertising language. The studies deal with the specifics of the advertising language, its functioning and manifestations of linguistic and extralinguistic nature. We offer to call this area of expertise as reclamemics.

From a linguistic point of view reclamemics is a peculiar field of practical activities, resulting in the appearance of verbal works — advertising texts with certain characteristic features: 1) abundance of information about the goods; 2) composition of design; 3) evaluation; 4) customer targeting; 5) imagery; 6) mass persuasion approach; 7) pragmatic approach.

Advertising penetrated all spheres of social life extensively conveying an advertising message to a target audience about the specifics of the offered product or service, acting as a convincing function. And no one can imagine the existence of civilization without it. This fact gives grounds to consider advertising as a form of communication that tends to convert the quality of goods and services into the language of needs and requirements of customers. Advertising language, due to the frequency and abundance of means of communicative impact on the target audience, creates a platform for the formation of the corresponding perception of reality, the appearance of stereotypes, new values and creation of a consumption culture. Consequently, reclamemics goes beyond media linguistics and is ready to become a comprehensive scientific discipline.

Linguistic marketing is an area of knowledge that studies the manifestation of linguistic means in the marketing communication texts.

It seems to us the specificity of the concepts of “reclamemics” and “linguistic marketing” is shown more clearly in Figure.

Fig. The place of linguistic marketing and reclamemics in the studies of marketing communications

We believe that Marketing science deals with marketing communications in all the diversity of aspects: philosophical, economic, philological, etc. Advertising science differs from these studies with its integrated part — reclamation. Reclamation and other works, investigating marketing communications from the linguistic point of view, constitute a new area of expertise — linguistic marketing.

Advertising messages cover all spheres of human activity, catch the customers' attention by making sense of the purchase and provide advertising images to everything. In this regard, the advertising discourse is one of the most important components of popular culture, a powerful means of convincing the target audience. Reclamation (sphere of advertising language) is considered its main key factor, aimed at selecting reclamation and related linguistic means and techniques, creating consumer' and advertiser' idea of the product reflecting the interrelated laws of the modern society, tracing the economic, political, gender, cross-cultural factors.

Advertising verbalizes the choice of a variety of things, pointing out which one is better, identifying it by a special language, in which words and deeds coincide. Consequently, advertising language can be characterized as the language of common human needs. Like other verbal works, advertising texts are created and circulated in the society according to certain rules. In this regard, the study of peculiar features of the advertising texts creation and functioning is a particular issue of general philology.

Advertising language is characterized by the primary and secondary functions. For example, cognitive-communicative, nominative, targeting, evaluating, imagery, axiological and regulatory-persuasive functions are the primary; emotive, aesthetic, contacting, hedonistic, cultural and others are considered secondary ones.

We define reclamation as an advertising language sphere with diverse verbal units — reclamation, linguistic means and text units comprising a part of a marketing communication.

The term Reclamation was introduced by M.V. Yagodkina [9]. We recognize it as the main unit of advertising communication. It represents a unique entity of interrelated constituents, each part of which expresses a specific meaning, fulfilling its role in the advertising discourse. It acts as an integrated unit of the advertising content with semantic dominating idea of “good/well” and has verbal expression, as well as is accompanied by non-verbal, visual, color and sound factors.

We believe that reclamation is a symbolic unit (a visual element (the image of the goods or mediator), a non-verbal sign, a verbal component) functioning in the advertising communication, having a pragmatic and marketing orientation, formulating a positive advertising connotation of the products in the consumer's mind and creating expressive-evaluative, effective advertising image of the goods [7].

Linguistic means of image creation of the goods — tropes, terms, idioms, neologisms and neophrasologisms — are common in the advertising context. Advertising theme is the basis for their presence to form a representation of the product according to communication specifics.

Text units of marketing communications (brand name, the title, slogan, information unit, coda, echo-phrase) are the parts (means) of marketing communication, providing the marketing strategy influence.

In our opinion, the semantic, pragmatic and marketing aspects of advertising language system are important in the study of reclamemics.

The main feature of the verbal component of the advertising text is a combination of the subject of semantics, delivering the advertising information (denotation), and an abstract semantics (connotation) of the advertising myth aimed at consumer's persuasion. The pragmatic constituent is often brought to the forefront, as a means of effective persuasive information about the product for the consumer.

It is evident that semantic and pragmatic aspects convey the specific character of the advertising language incompletely. Semantics defines the value of communication; pragmatics is connected with the advertising texts functioning within certain communication strategies which influence the mind of the consumer.

We believe that it is necessary to introduce the term "linguistic marketing" and concepts derived from it in modern linguistics. Marketing is primary in advertising communications because the semantics and pragmatics of advertising language depend on its goals and objectives. Perhaps we should talk about linguistic marketing aspect as a new orientation in the study of reclamemics.

Semantic aspect takes into account the meanings of linguistic means used in the advertising discourse. In our opinion, attention should be paid to certain relations between reclamemas in the verbal text and the content they convey. Semantic information reflects the meaning when the customer comprehends the text of advertising. This fact results in manifestation of the final emotional and evaluating attitude to the content of the advertising message.

The pragmatic aspect of the advertising image study is associated with a practical sense of means representing the goods, for the customer determines individual axiological value of the message. This information can induce a motivational force and generate activity if it meets the needs of the target audience.

Linguistic marketing aspect of reclamemics is result-oriented: to create an effective advertising communication, ensuring an appropriate consumer's response to advertising appeal, feedback to the advertiser. It involves obligatory advertising contact. Advertising is considered a phenomenon of everyday culture, which takes into account relevant linguistic means, forming an effective image of the goods according to the following criteria: clarity and accessibility for the perception of the target audience, brand positioning and its image, product identity, delivering relevant marketing associations in the mind of the consumer, recall and targeting.

Linguistic marketing is based on the text units of marketing communications — brand name, the title, slogan and other components of the advertising message. Thus, the composition of communication requires to clear, accessible for the target audience linguistic means of advertising persuasion, which form an effective advertising image and meet certain criteria, such as: correspondence of brand positioning and its image, product identity, delivering relevant marketing associations in the mind of the consumer, recall, focus to the gender of the customer, the possibility of its implementation in the international communication (cross-cultural factor).

One should mention, the vitality of the proposed terms remains to be seen. We do not try to predict the situation. We hope that scientists will approve the terms «reclamemics»

and «linguistic marketing». We believe that these areas of expertise deserve individual names not only general references in advertising science which include the study of advertising in terms of sociology, philosophy and so on.

REFERENCES

- [1] Dobrosklonskaja T.G. *Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniju jazyka SMI* [Media linguistics: systemic approach to the study of mass media language]. Moscow, 2008. 203 p.
- [2] Kostomarov V.G. *Yazykovy vkus epokhi. Iz nablyudeniy nad rechevoy praktikoy mass-media* [Language Taste of the Epoch. From the Observation of Speech Practice Media]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 1999. 246 p.
- [3] Mamontov A.S. *Kross-kul'turnyj analiz (lingvostranovedenie v sfere reklamy)* [Cross-cultural analysis (culture-oriented linguistics in the field of advertising)]. Moscow: Publishing House of the Moscow academy of humanities and social sciences, 2002. 128 p.
- [4] Pirogova Ju.K. *Fenomen davlenija diskursa v tekstah marketingovykh kommunikacij* [The phenomenon of pressure discourse in the texts of marketing communications]. *Yazyk i diskurs sredstv massovoy informatsii v XXI veke* [Language and discourse of the media in the 21 century]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2011, pp. 208–217.
- [5] Rozental' D.Je. *Jazyk reklamnykh tekstov* [The language of advertising texts]. Moscow: Visshaya shkola publ., 1981, 127 p.
- [6] Rusakova M.M., Sknarev D.S. *Terminologization as a means of creating images in dental practice advertising*. Modern problems of science and education. 2014, no. 3. Available at: <http://www.science-education.ru/117-13701> (Accessed 22 May 2016).
- [7] Sknarev D.S. *Jazykovye sredstva sozdaniya obraza v reklamnom diskurse: semanticheskij, pragmaticheskij, marketingovyj aspekty: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk* [Linguistic means of creating an image in the advertising discourse: the semantic, pragmatic and marketing aspects: abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow: RUDN University, 2015. 42 p.
- [8] Cherednjakova A.B., Sknarev D.S. *Nemedijnye kommunikacii: monografija* [Non-media communication: a monograph]. Chelyabinsk: Publishing Center of South Ural State University, 2014. 186 p.
- [9] Jagodkina M.V. *Jazyk reklamy kak sredstvo formirovaniya virtual'noj real'nosti: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk* [Advertising language as a means of the formation of virtual reality]. Saint Petersburg, Pushkin Leningrad State University, 2009. 31 p.

РЕКЛАМЕМИКА И ЛИНГВОМАРКЕТИНГ КАК НОВЫЕ ОБЛАСТИ ЗНАНИЙ

Д.С. Скнарев

Институт экономики, торговли и технологий
Южно-Уральский государственный университет
проспект Ленина, 75, Челябинск, Россия, 454080

В данном исследовании рассматривается специфика рекламемики и лингвомаркетинга как новых областей знаний о языке рекламы и текстах маркетинговых коммуникаций соответственно. Реклама, представляя собой неотъемлемую часть медийного пространства совре-

менного общества, отражает различные, уже сформированные аспекты (аксиологические, социальные, культурные, психологические, эстетические, нравственные и другие) человеческой жизнедеятельности. Вследствие этого данная маркетинговая коммуникация, несомненно, способна влиять на потребителей, формируя у них специфическое восприятие самих себя и отношение к потребляемым товарам и услугам.

Автор работы ставит задачу объяснить термины «лингвомаркетинг» и «рекламемика», исследует язык рекламы, акцентирует внимание на языковых средствах создания рекламного образа, соотносит заявленные понятия, обосновывает необходимость введения данных терминов в научный оборот. По мнению исследователя, рекламная коммуникация базируется на информационном или эмоциональном описании преимуществ продукта. Именно маркетинг первостепенен в рекламной коммуникации, поскольку от его целей и задач зависит семантика и прагматика языка рекламы.

Ключевые слова: лингвомаркетинг, рекламемика, реклама, язык рекламы, тексты маркетинговых коммуникаций, рекламный образ, языковые средства

TEACHING FOREIGN MEDICAL STUDENTS PROFESSIONAL RUSSIAN SPEECH ON BASE OF GENRE-ORIENTED APPROACH

I.A. Sotova¹, N.N. Kolesova²

¹ Ivanovo State University
Ermaka str., 39, Ivanovo, Russia, 153025

² Ivanovo State Medical Academy
Sheremetevskiy Pr., 8, Ivanovo, Russia, 153012

The article discusses the concept of a medical professional speech as a specific type of communication. The mastering by medical professional speech is a necessary component of the content of learning the Russian language for medical university foreign students. The conclusion was made that it is necessary to rely on typological genre description of oral medical discourse, to use the special system of exercises and tasks in the process of teaching the professional Russian speech.

Key words: professional speech of medical worker, speech genre, medical discourse, genre oriented approach to teaching the professional Russian speech, foreign medical students

The appearance of the research devoted to professional communication, professional speech of the specialists who work in different spheres of professional activity such as pedagogic, medicine, economics, law, etc. led to the search of new effective ways for the communication development of foreign students in Russian Universities.

According to the methodics of teaching Russian as a foreign language the foreign students' communication competence is considered to be the aim of achieving a required level of communication. As to the professional communication it is personal readiness for the professional interaction is considered to be the most important in all fields of human activity. The communicative competence is the achievement of a definite level of a personal and professional experience of a person interaction with all people around him/her. This experience is needed for a person so that in the range of abilities and social status one can function successfully in a professional field as well as in the society [13. P. 206—207]. Mastering the professional speech helps the specialists foresee the way of communication, plan it correctly, react adequately the communicative actions of the partners and achieve the required aims.

The use of professional speech is due to the existence of a group of language carriers for whom the usage of a given type of the language is connected with the fulfilling of a professional activity. L.K. Graudina and E.N. Shiryayev state that special themes, special aims of the discussion force the specialists to use the professional language, which to a lesser degree is connected with nationality of the language carriers and must not depend upon social economics formation, upon the ideology and world vision [9. P. 171].

In scientific and methodic literature there does not exist a single definition of the term «professional speech» which is due to the fact that it has many meanings and is due to the attempts to give its definition from different points of view.

We share N.K. Garbovskiy's view point who considers that professional speech is communication. In the work “Comparative stylistics of professional speech (on the material of Russian and French languages)” he writes: “Communication among the

specialists on the professional themes which does not depend whether it proceeds in written or oral form, in official or unofficial ways» is the professional speech itself which is a peculiar, auxiliary type of activity which ensures the implementation of the main activity” [7. P. 38].

The problem of forming the skills of professional speech is very urgent in the process of teaching future doctors for whom a good professional speech is the base of getting professional knowledge, of forming professional competence and acquiring the profession. Successful communication is one of the main criteria of professionalism.

The improvement of medical technologies, development of new medicine and innovation treatment methods allow the humanity already today to overcome many illnesses which were considered earlier to be incurable, to carry out less traumatic operations, to give the people the joy of good well being. At the same time a qualified doctor who is ready to listen to a patient, to cure not only body but a soul as well, ready to understand and to help is the main condition of successful treatment and curing.

The communication in the medical sphere is a peculiar type of communication which accompanies the practical activity of medical specialists. The texts created by medical specialists contain the information accepted in the given professional community and which is understandable for professional specialists. The communication in the field of medicine proceeds mainly according to a man — man system (often according man — medical apparatus — man system).

As a result of the analysis of scientific works and our own observations we have come to the conclusion that professional speech of a medical specialist is a specific type of communication, namely — speech interaction of specialists in the most typical situations of professional communication in the process of solving communication-speech tasks in the medical sphere.

Professional speech of medical specialists contains exact and programmed speech which is due to the speech situation. Professional speech is realized depending on communicative-pragmatic situations oriented on a recipient of a communicative interaction. A recipient is another medical specialist (doctor, medical sister) or a patient (patient’s relative).

Communication competence of a doctor is a complex speech skill which allows arranging and regulating correctly different types of interaction applicable to the situations of professional communication.

Medical specialists use in everyday communication professional lexis (terminology, professionalism, slang) as well as neutral words. In the situations of a “doctor — patient” communication the speech of medical specialists is close to the speech of patients. Therefore we observe in the professional speech of doctors a lot of language means which belong to conversation speech: addressing in diminutive-caressing form, repetitions, etc.

E.V. Vinogradova, I.S. Bandurist studying the peculiarities of discourse semantics in the process of «doctor — patient» communication note the communicative skills of a doctor consists of the skill of using a definite speech models such as cliché, professional lexis according to the aim of a talk with a patient, clinical situation, branch of medicine [14. P. 51].

The main form of oral speech interaction in a professional field is dialogue communication (V.N. Dyakova, V.B. Kurilenko, S.V. Matalova, etc.). The types of a

dialogue are questionnaires (of a patient), medical history, a talk (with medical staff, patients, relatives), which may be thematic, information, business, etc.

The development in the methods of teaching Russian as a foreign language the concept of genre oriented approach to the teaching of Russian the foreign students (O.A. Chistyakova [5], A.S. Hechtel [10], etc.) shows a growing interest of researchers to the study of speech genres of specialists. New modern professionally oriented methods of teaching Russian to foreign students start to be developing. Teaching professionally oriented significant speech genre is in the centre of the researchers attention in different fields of activity.

Modern linguistics uses the term “speech genre” as one of the most applicable mechanisms when considering the situations of language use, mechanisms of speech production and interpretation the speech [6. P. 157]. According to V.V. Dementyev the theory of speech genres is a communication model which takes into account definite situation, communication sphere, style, speech form, initiative transfer in a dialogue, strategy and the way of dialogue managing.

In a modern linguistics a genre is considered to be a discourse unit. There are different views of the linguists on the discourse understanding in science. We rely on the interpretation of discourse notion given by E.G. Azimov and A.N. Shukin. The authors underline the modern linguistics considers the notion discourse as the activity which includes a language as an initial material and which is realized as a speech. If discourse is a process then the result of this process is the text. Thus, some types of speech activity are not called the speech (speakers’ speech, lawyers’ speech) but they are called discourse [1. P. 63].

At present a medical discourse is a subject of the research of foreign and Russian scientists. There appeared the dissertation publications by E.V. Akaeva, M.I. Barsukova, N.V. Goncharenko, V.B. Kurilenko, V.V. Zhura, etc. in which the scientists describe a medical discourse as a complicated, multicultural and many-component phenomenon in a language [2; 3; 8; 11; 15]. A medical discourse which is one of the ancient discourse types is on the crossing of the interests of different disciplines such as linguistics in its broad sense and cognitive linguistics, sociology, deontology, ethics and psychology.

E.V. Akaeva analyses medical discourse communicative peculiarities. In her work “Communicative Strategies of Professional Medical Discourse” the author notes that the doctor’s speech action on a patient follows cognitive and communicative aims such as changing the picture of patient’s word, convincing a patient in the necessity of a definite method of treatment, creating the psychological comfort atmosphere, awaking the confidence to doctor’s professional skills and competence [2]. V.B. Kurilenko says a medical discourse is a sphere of professional communicative interaction of medical specialists. Thus a discourse has such characteristic features as deontological orientation, tolerance, persuasion [11]. L.S. Belinson studies a medical discourse from the point of view of social linguistics. She points out this type of discourse is described on the base of significant peculiarities which a doctor possesses [4].

According to basic characteristics a medical discourse refers to institutional or status-oriented types of discourse interaction among the people. According to V.B. Kurilenko, Z.N. Makusheva, etc. *linguo-therapeutical* direction should be considered as the main medical discourse category.

The genres of medical discourse are the subject of modern linguistic research (M.I. Barsukova, L.S. Belinson, V.V. Zhura).

V.V. Zhura in her research gives the definition of an oral medical discourse genre which is a stable, pragmatically defined, verbalized form of cognitive communicative activity which accompanies a typical event in a medical professional sphere [15]. In her opinion a discourse doctor's competence is an integral form of number of competences, such as thesaurus competence, extralinguistic, genre competence, strategic (interactive), speech, paralinguistic and emotive.

As main genre forming characteristics of the discourse under study the author underlines the aim of communication, a linguopragmatic characteristics of a discourse, a cogniotype reflecting semantic structure formation of oral medicine discourse as a frame, scenarios, models of subject-reference situations [15. P. 6]. As system forming signs the author names institutionality, ritualization, personality, asymmetry, intellectuality and psychology. From the point of view of the structure the author underlines two components, namely common gnostic and operational in a discourse competence.

Professional speech situations in the doctor's activity are numerous and that is why there exists the genre-stylistic variety of medical discourse. Every genre of a professional speech for medical specialists has its own aim and depends on the communicative-pragmatic situations oriented on a person of communicative integration, namely "a doctor — a patient", "a doctor — a nurse", "a doctor — colleagues", etc.

The problems of mastering professional speech for foreign medical students refer to all levels and aspects of speech culture and the least methodically worked out in genre-style aspect.

The main task of methodological support creation for professional preparation of medical students at higher establishments is the acquaintance of the students with typical situations of professional interaction and with a number of genres which are used in these situations. In our view point the model of forming professional speech of the medical students should be based on the system forming and genre characteristics of a medical discourse.

Modern linguistic publications devoted to a medical discourse contain the information about a genre content of professional medical speech and it allows to raise the problem of selecting the genres of medical discourse in methodical aspect. At the same time the realization of genre approach to the professional speech teaching of medical students is rather difficult because the genres of oral medical discourse have been studied insufficiently and there is no a unified view point on the given genres.

We have carried out the questionnaire of therapists of some medical institutions in Ivanovo aiming at defining speech genres which are frequently used in the sphere of medical activity. We have found out that medical specialists use regularly such genres as "Consultation", "Convincement", "Consolation". They characterize not only professional speech of medical specialists but they are used for the communication of a doctor and a patient. In the opinion of respondents such genres as "A patient distance consulting", "Doctors distance internet-consulting", "Consilium", "Questioning patients", "Written consent of a patient", "Thematical talk of a doctor with a patient" refer only to the medical sphere.

We are confident that teaching genres of medical discourse must include the knowledge about thematical structure of doctor's discourse, the models of speech situations, speech forms, lingual and extra lingual means, strategies and tactics as well as the knowledge about scenarios of professional medical communication and the development of skills to

understand and construct speech utterance taking into consideration significant features which define the peculiarity of a selected genre.

Taking into account the content and characteristic features of doctor's discourse competence we have worked out a system of exercises and tasks which can help a form oral professional speech of medical foreign students who know Russian language in the volume of the second certification level.

Teaching special subjects and mastering professional speech have to be carried out as interconnected and interdependent processes.

On the lessons of Russian as a foreign language special attention is paid to the genre of thematical talk, which is obligatory in the process of forming the skills of professional speech and which allows to form professionally important skills for foreign medical students: 1) the skills to ask questions, to understand the answers, to react adequately aiming at getting the information about general state, possible reactions of illness, the conditions which are possible reasons of illness, character of displaying the symptoms of the illness, localization, irradiation, duration and repetition of the symptoms; 2) the skills to have a talk with a doctor about patient's state, about etiology of illness, about possible analyses, the results of the investigations, about the treatment scheme, the dynamics of a patient's state.

The solution of the communicative tasks and fulfilling the exercises based on authentic material, role games which envisage the readiness for producing the monologues and dialogs of various types, the analysis of cases, presentations on a given theme, prepared discussions are organizational forms of mastering speech in a professional sphere.

We give the students for learning oral forms of professional speech as these genres of medical discourse are more complicated for foreign students as compared with written genres.

Mastering the genres of professional speech is for foreign students a very important condition of successful learning special subjects, passing a clinical practice in hospitals and confident speech behavior in the situations of speech communication.

REFERENCES

- [1] Azimov E.G., Shukin A.N. *Novyj slovar metodicheskikh terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [A new dictionary of methodical terms and concepts (theory and practice of language teaching)]. M.: Ikar, 2009.
- [2] Akayeva E.V. *Kommunikativnyie strategii professionalnogo medizinskogo diskursa* [Communicative strategies of professional medical discourse]: diss. ... kand. filol. nauk. Omsk, 2007.
- [3] Barsukova M.I. *Medizinskiy diskurs: strategii i taktiki rechevogo povedeniya vracha* [Medical discourse: strategy and tactics of verbal conduct of a physician]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2007.
- [4] Beilinson L.S. *Harakteristiki medico-pedagogicheskogo diskursa (na materiale logopedicheskikh rekomendazij)* [Characteristics of medico-pedagogical discourse (on the basis of speech therapy recommendations)]: diss. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2001.
- [5] Chistyakova O.A. *Metodika organizatsii kommunikativnogo praktikuma v kursovom obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu* [Methods of organizing communication workshop course in teaching Russian as a foreign language]: diss. ... kand. ped. nauk. Yaroslavl, 2006.
- [6] Demytyev V.V. *Nepryamaya kommunikatsiya i yeye zhanry* [Indirect communication and its genres]. Saratov: Saratovskij universitet, 2000.

- [7] Garbovskij N.K. Sopotavitelnaya stilistika professionalnoi rechi (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazukov) [Comparative stylistics of professional speech (in French and Russian languages)]. M.: MGU, 1988.
- [8] Goncharenko N.V. Suggestivnuie harakteristiki medizinskogo diskursa [Suggestive characteristics of medical discourse]: diss. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2007.
- [9] Graudina L.K., Shiryaev E.N. Kultura russkoi rechi [Culture of Russian speech]. M.: Norma, 2009.
- [10] Hechtel A.S. Lingvometodicheskie osnovy obucheniya kulture professionalnogo obshheniya studentov medicinskih specialnostej [Linguistic and methodological foundations of learning the culture of professional communication skills of medical students]: Dis. ... kand. ped. nauk. M., 2008.
- [11] Kurilenko V.B., Makarova M.A., Loginova L.D. Lingvoterapevticheskaya napravlennost kak bazovaya kategoriya medizinskogo diskursa [Lingvo therapy orientation as a basic category of medical discourse]. Sovremennyye naychnyye issledovaniya i innovazii [Modern scientific research and innovation]. 2012. № 1. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2012/01/6431> (accessed 25.05.2016).
- [12] Makusheva J.N., Kovaleva M.B. Spesifika medizinskogo diskursa na materiale autentichnyh tekstov po spetsialnosti [Specifics of medical discourse by the material of authentic texts on speciality]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2014. 5-1 (35). pp. 108—111.
- [13] Hrestomatiya po metodike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo [Reader on the methodology of teaching Russian as a foreign language] / Sost. L.V. Moskovkin, A.N. Shukin. M.: Russkij yazyk. Kursy, 2010.
- [14] Vinogradova E.V., Bandurist I.S. Osobennosti diskursivnoi semantiki v kommunikatsii «vrach-patsient» [Features of discourse semantics in communication “Doctor-patient”]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2015. 3 (45). V. 2. pp. 51—54.
- [15] Zhura V.V. Diskursivnaya kompetenziya vracha v ustnom medizinskom obshenii [Discourse doctor competence in oral medicine communication]: diss. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2008.

ОБУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РУССКОЙ РЕЧИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА НА ОСНОВЕ ЖАНРОВОГО ПОДХОДА

И.А. Сотова¹, Н.Н. Колесова²

¹ Ивановский государственный университет
ул. Ермака, 39, Иваново, Россия, 153025

² Ивановская государственная медицинская академия
Шереметевский пр., 8, Иваново, Россия, 153012

В статье исследуется понятие медицинской профессиональной речи как особого вида коммуникации, овладение которой рассматривается как необходимый компонент содержания обучения русскому языку иностранных студентов медицинского вуза. Сделан вывод, что в процессе обучения профессиональной русской речи необходимо опираться на типологические описание жанров устного медицинского дискурса, использовать специальную систему заданий и упражнений.

Ключевые слова: профессиональная речь медицинского работника, речевой жанр, медицинский дискурс, жанрово ориентированный подход к обучению профессиональной русской речи, иностранные студенты медицинского вуза

LANGUAGE OF SCIENTIFIC COMMUNICATION (Problems in Semantic Variation in Terminology)

Yu.N. Slozhenikina

Samara State Technical University
Molodogvardeyskay str., 244, Samara, Russia, 443100

The problem of scientific communication is the subject of study. The language of science can be varied. The study offers a definition of the term “Variation”. Variation is separated from other semantic phenomena. A peculiarity of scientific speech lies in the fact that the meaning of the term highly depends on the language context, possibility of its change, personalizing of the speech, usage of different methods of lexical diversity. The object of study are Russian scientists’ lectures published in the book “Modern Russian Oral Scientific Speech”.

Key words: term, terminology, variability of the term, the language of science, semantics

Gvishiani N.B. states that metalinguistics is a system which is not closed, but it consists of a variety of dialects, as there are different approaches, and methodology conceptually opposed opinions (on the basis of oppositions by method of componential analysis) [1. P. 7]. Numerous cases of semantic variation within terms definitions exaggerate the problem in the frame of cross cultural scientific communication.

Ideas of component analysis of a word meaning of its hierarchy organization, of its central and peripheral semes are based upon a hypothesis of semantic transformation in science language. We tend to understand under semantic variation of a term a change of semes; presence or lack of meaning components within the term sense; explicit or implicit formulation of some semes; variations in semes’ structure (if it’s in speech or in a dictionary). In this article we examine different semantic modifications of term senses. The modifications are neither to go beyond definite scientific approach not to be connected with polysemy. The language investigation is based on materials of different lectures and public reports of well-known Russian scientists. The texts were not changed, they are published in a multi-authored monograph under the editorship of O.A. Lapteva “The modern Russian scientific speech” Vol. IV. Texts” [3]. We refer to them in order to characterize terms-variants in vivid scientific speech.

A peculiarity of scientific speech lies in the fact that the meaning of the term highly depends on the language context, possibility of its change, personalizing of the speech, usage of different methods of lexical diversity.

The variation of oral scientific speech is determined by extra- and intratextual factors. The extralinguistic factors are considered to be some peculiarities of a conversation (shared knowledge, speech intentions, the aim of their communication, social and personal relationships, communication role, location of the communicative act, its duration, Formal / Informal style of Communication, and others). Internal factors can depend both on the subject of scientific communication and speech organization. The choice of terms can be due to the genre, the type of speech (monologue or polylogue). These factors have a complex impact on the variation of the terms.

We deduce the so-called metaterms. These terms include a large variety of meanings, they generalize. They are used for defining denotative groups. They get the exact meaning only in context or by narrowing of meaning. For example in the lecture on botanic we have got: “Our work in medical plant production will depend on the *assortment* of plants, i.e. types of medical plants, more narrow — *production quantity of drug raw materials*, given by one or another type” [3. P. 95—96].

The metaterm *assortment* has got (represents) the particular meaning “a group of medical plant that vary in type”. The word of wider semantic “production” is used to denote narrower meaning.

Words in wide meaning play a role of hyperonyms. Hyperonym unite the variety of terms. The hyperonym’s meaning can vary, differentiate. Marked and unmarked elements of hyperonym groups can replace the notions. In professional sphere broad terms appear as semantic variants of a more narrow meaning. It is widely used in a scientific sphere. We can consider species and kinds as semantic variants. They belong to the same categorical concepts. Moreover the meaning of a kind includes an additional differential seme.

In some cases hyperonyms and hyponyms can be regarded as antonyms, as their meanings have got related semes. A hyponym obtains a specifier For instance”: Specialists and economists were engaged in the plant’s activity” [3. P. 214].

A specialist is someone who has a lot of experience, knowledge, or skills in a particular subject. Here the term specialist is opposed to the term economist. The specialist gets the meaning of someone specialized in technology (engineering). This way the opposition specialist-economist becomes equal to the opposition technician-economist. We examine here semantic variation when a hyperonym narrows its meaning to a hyponym.

The variation of definitions of a term can be varied depending on the speaker’s attitude towards it. For example colloquial speech (spoken language, formal speech) E.A. Zemskaya describes as unprepared speech of literary language. It can be found in a spontaneous conversation between people who have informal relationships. At the same time Sirotnina O.B. characterizes the same phenomenon as a variation of literary speech in informal situations. The both of the researches mark its informal character and regard it as a main point.

Semantic variation is more common for new spheres of science at the stage of their development and the evolution of their terminology. We may find in lectures on biology the following: What is a species? The greatest botanic of our days, the father of the term, Komarov described it “as a complex of generations having the same origins... Species is a specific step into evolution”. The lecturer meets some difficulties in defining the term “species” and he tries to give a definition in a pragmatic sense; “All is relative and coordinative. What is a species? Let us give it a working definition. Species is a sum of identical things. Semantic variability is reached by adding the seme “identity”. Then the lecture used the aphoristic version of Komarov’s definition. “Species is a morphological stability multiplied to the geographical constant” [3. P. 98—100]. This results in a variable role of definitions of the term “species”. Such terminological variability is connected with complexity of the problem and under discussion and multiplication of scientific explanation of this phenomenon.

Examples of semantic term variability allow following the evolution of a scientific thoughts, the stages of creation search. As the new knowledge appears the old term gets outdated and stops corresponding to modern understanding.

This conclusion of results may receive positive or negative evaluation, e.g. “Taxonomic linguistics” in Akhmanova’s opinion gets offensive sense, but indeed there is nothing abusive in this term as in the term classification or in the periodical system of Mendeleev. Simply the modern interest to text and discourse linguistics diminished the importance of taxonomic research. Thus, the neutral term obtains the negative characteristics. Such labels are quite subjective. And negative connotation in the semantic structure of the term “taxonomic” should be considered occasional.

A scientist has a right to characterize scientific discoveries with the use of ideological semes. For example, “*Conception (by Skinner) was a mechanistic conception... Skinner created a behavioristic psychological conception. He developed anti-utopia or Utopia... This a ideal fascist scheme.... It is a social fascism*” [3. P. 143]. In the lecture’s speech we may see such variants of Conception (by Skinner) as *mechanistic conception — behavioristic psychological conception — ideal fascist scheme — social fascism*. (About the role of cognitive linguistic and decoding emotions and intentions and speaker’s verbal behaviour) [4. P. 46].

Sometimes one of the term variants acts as a euphemism, uncertainty or indented concealing the proper meaning. As in case when doctors, due to medical ethics may not call a patient *stupid* they should say instead *partial silly* [3. P. 128]. The doctor used this diagnose in a formal speech with a layman, though he could express the same with the use of words such *a bit stupid, slightly stupid*. But even in informal situations within professional communication doctor may not do without special medical terms.

Peripheral semes sometimes come to the fore, take the centre stage. Therefore semantic peculiarities (details) are replacing (shifting). That way we may witness term rearranging. Compare: In the Russian Explanatory Dictionary the word *scholar* is defined as *Scholar* 1. Trained in smth. 2. An intelligent person with comprehensive knowledge. 3. Smth related to science. 4. Someone who work or is trained in science [2. P. 753].

In all the meanings the main seme is related with science and knowledge. However we meet occasional meaning “a big community of scholars, if do not explain the exact meaning, but just talk about scientist, like people with a degree or will obtain it” [3. P. 213]. In this context a characteristic of the central seme was completed by a formal peculiarity (a scientific degree). In The Russian Explanatory Dictionary it was not set.

Oral scientific speech combine both extra- and intratextual factors. Targeting (weather it is oriented to humanists or engineers), speech style, character of the target audience, time and place factors, individual peculiarities, methodological disposition, and other circumstances effect on the usage of term variants. The speaker knows a lot of methods to vary the meaning weather it is a regularly of occasional substitutions. The serve to achieve a good comprehension of a scientific text, quickly and firm, because such factors as time and the quality of receiving information are key.

REFERENCES

- [1] Gvishiani N.B. *Jazyk nauchnogo obshhenija: voprosy metodologii* [Scientific language: methodological questions]. 3-e izd. M.: LKI, 2013. 280 s.
- [2] Lopatin V.V., Lopatina L.E. *Russkij tolkovyj slovar* [The Russian explanatory dictionary]. M.: Russkij jazyk, 1997. 832 s.
- [3] Skorikova T., Kraevskaja N. *Sovremennaja russkaja ustnaja nauchnaja rech* [Modern Russian scientific oral speech]. T. IV. *Teksty / Pod obshhej redakciej O.A. Laptevoj*. M.: URSS, 1999. 376 s.

- [4] Shaklein V.M., Muzychuk T.L. K voprosu opredelenija ponjatija neverbal'nogo diskursa [On the question of the definition of non-verbal discourse]. *Russkij jazyk za rubezhom*. 2009. № 2. S. 45—50.

ЯЗЫК НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ (проблема семантического варьирования термина)

Ю.В. Сложеникина

Самарский государственный технический университет
ул. Молодогвардейская, д. 244, Самара Россия, 443100

Темой статьи являются проблемы устной научной коммуникации. Автор доказывает, что язык науки так же, как литературный язык, имеет возможности варьирования. В статье предлагается дефиниция термина «вариантность», описываются отличия вариантности от других семантических явлений, различные случаи вариантности устной научной речи. Устанавливается, что устная научная речь характеризуется высокой степенью зависимости значения термина от языкового контекста, возможностью его изменения, ситуативностью, индивидуализацией речи, использованием различных способов лексического разнообразия речи. Материалом для статьи послужили записи лекций российских ученых, расшифрованные и опубликованные в книге «*Современная русская устная научная речь*».

Ключевые слова: термин, терминология, вариантность термина, язык науки, семантика

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гвишиани Н.Б.* Язык научного общения: вопросы методологии. 3-е изд. М.: ЛКИ, 2013. 280 с.
- [2] *Лопатин В.В., Лопатина Л.Е.* Русский толковый словарь. М.: Русский язык, 1997. 832 с.
- [3] *Скорикова Т., Краевская Н.* Современная русская устная научная речь. Т. IV. Тексты / под общ. ред. О.А. Лаптевой. М.: УРСС, 1999. 376 с.
- [4] *Шаклеин В.М., Музычук Т.Л.* К вопросу определения понятия невербального дискурса // *Русский язык за рубежом*. 2009. № 2. С. 45—50.

ВЕРБАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТОГЕНЕЗ ИНТЕРНЕТ-ЗАПРОСОВ

П.Н. Хроменков, О.И. Максименко

Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10а, Россия, Москва, 105005

Поисковые системы Интернета как неограниченной гипертекстовой системы дают возможность проведения исследования вербального компонента поисковых запросов на разных языках мира методом количественного контент-анализа с последующей интерпретацией полученных числовых результатов. В статье предлагаются результаты проведенного исследования, показывающие, что уровень конфронтационности в Интернете оказывается существенно выше, чем в иных средствах массовой коммуникации. Выявлено, что повышение конфликтосодержащей лексики в запросах либо напрямую связано с уже произошедшим конфликтом, либо прогнозировало конфликт. Через Интернет реализуются приемы манипулирования массовым сознанием, фактическое конструирование и катализация конфликтных ситуаций. Интернет предоставляет новые, отсутствовавшие ранее возможности мониторинга существующих конфликтов. При наличии соответствующей методологии и методики наблюдения за «языком вражды» появляются перспективы превентивной профилактики конфронтационных угроз.

Ключевые слова: Интернет, запрос, конфликтогенная лексика, язык вражды, прогноз

Возможности количественного контент-анализа принципиально расширились с появлением системы Интернет. Сама сфера интернет-коммуникаций стала важнейшим источником для проведения лингвистического мониторинга. Этот мониторинг проводится в рамках двух направлений. В рамках первого направления можно наблюдать за генерацией контента. Объектом мониторинга в данном случае выступают тексты, циркулирующие и воспроизводимые в глобальной сети. Второе направление мониторинга ведется по запросам пользователей Интернета. Оно позволяет выявить умонастроения, ценности, интересы не создателей текста, а его потребителей. Развитие Интернета открывает в этом отношении принципиально новую перспективу для количественного контент-анализа. Проведенное исследование осуществлялось в рамках второго направления.

Развитие Интернета привело к распространению новых форм конфликта. Участники конфликта выступают опосредованно, скрываясь под никами. Многие форумы становятся средоточием языка вражды. Интернет стал особым концентратом речевой агрессии. Поражающее воздействие на человека оказывает сверхконцентрация конфликтной, зачастую неидеоматической риторики.

Контент-анализ различных вербальных секторов интернета позволяет зафиксировать переход к новым формам вербальной агрессии. Уровень конфронтационности в Интернете оказывается существенно выше, чем в иных средствах массовой коммуникации. Определенные интернет-ресурсы и компьютерные программы направлены на повышение градуса конфликта в обществе. Через Интернет реализуются приемы манипулирования массовым сознанием, фактическое конструирование и катализация конфликтных ситуаций.

Вместе с тем Интернет предоставляет новые, отсутствовавшие ранее возможности мониторинга существующих конфликтов. При наличии соответствующей методологии и методики наблюдения за «языком вражды» появляются перспективы превентивной профилактики конфронтационных угроз.

Для проведения анализа были взяты слова, обладающие прямой связью с конфликтной тематикой: «война», «борьба», «революция», «враг», «убийство», «воровство», «терроризм», «смерть», «кровь», «против» [1]. Расчет шел по количественным запросам соответствующих слов в поисковой системе Google. Проводилось сопоставление по запросам на наиболее распространенных языках мира — английском, арабском, испанском, китайском, немецком, персидском (фарси), португальском, русском, французском, японском.

Расчет абсолютных показателей в данном случае не вполне информативен. Интернет развивается, и, соответственно, неуклонно растет число пользователей. Графики изменения популярности запросов указывают на изменение не абсолютных показателей, а долевого значения запрашиваемых слов.

По запросу на слово «война» динамика роста обнаруживается в русском, арабском и персидском языках. Во всех указанных случаях это соотносится с реальной военной эскалацией. Иран живет под «дамокловым мечом» войны ряд последних лет. Экспертами назывались конкретные даты американского удара по Ирану. И ожидание войны среди ираноязычного населения мира только возрастает [2].

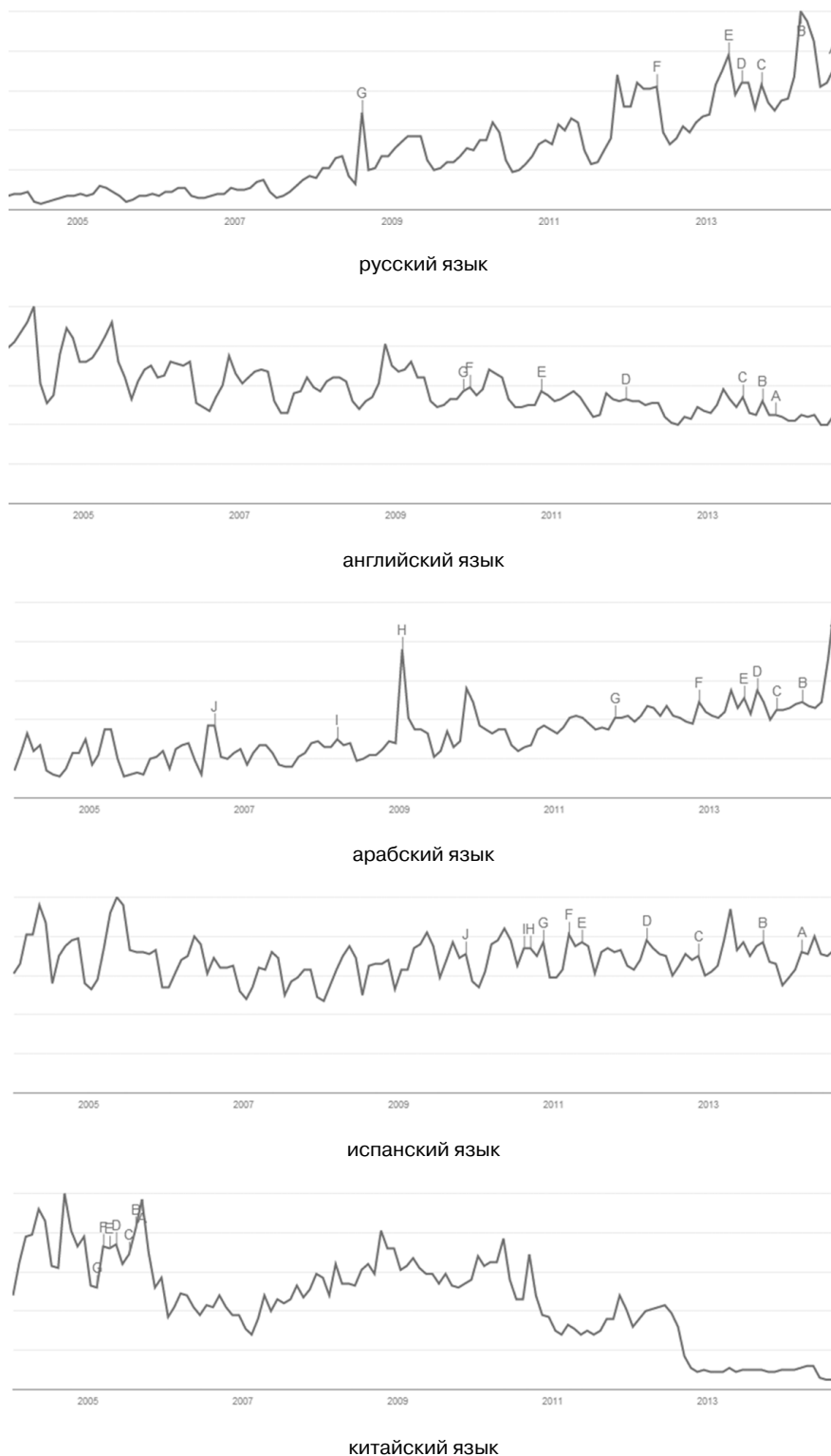
Рост запросов на слово «война» среди арабоязычных пользователей Интернета коррелирует с фактическими военными действиями. Однако показательно, что резкий взлет запросов на слово «война» фиксируется еще до начала войн в Ливии и Сирии. Это означает, что ожидание военных потрясений среди арабов имело место до начала «арабской весны».

Устойчивый рост запросов на слово «война» среди русскоязычных пользователей Интернета начался с 2008 г. Как известно, в 2008 г. велись военные действия в Южной Осетии. После этого ожидание войны усиливается, соотносясь с ростом напряженности в отношениях Россия — Запад. Апогей в запросах приходится на 2014 г., что объяснимо известными событиями на Украине.

Из других языков тенденция роста запросов, начиная с 2012 г., обнаруживается по японскому языку. И в данном случае политическая ситуация корреспондируется с языковой. Обострились отношения Японии со своими соседями, прежде всего с Китаем. Военная риторика в Стране восходящего солнца резко усилилась. Ставится вопрос об отмене установленной японской конституцией по итогам Второй мировой войны демилитаризации Японии [3].

По всем другим языкам популярность запросов на слово «война» либо падает, либо находится примерно на одном уровне. Показательно снижение запросов на слово «война» среди англоязычных пользователей Интернета, это показывает, что население стран Запада к большим военным потрясениям на настоящий момент не готово. И если западные политические круги пойдут все-таки по пути «запуска» больших войн, то поддержки со стороны населения, по-видимому, не получат. Этот вывод подтверждают и материалы соответствующих социологических опросов [4].

Динамика популярности запросов на слово «война» показана на рис. 1.

Рис. 1. Динамика популярности запросов на слово «война»

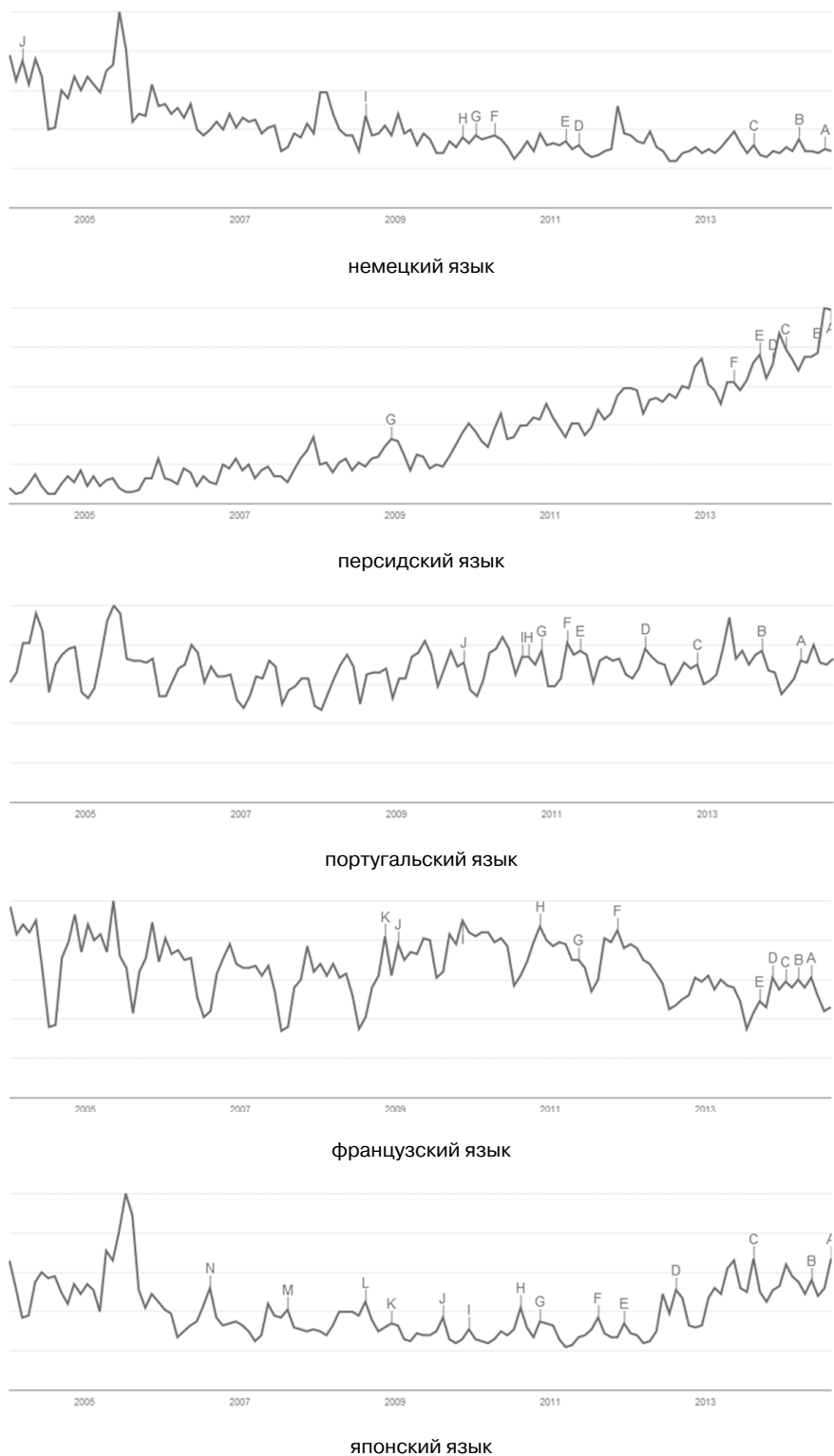

Рис. 1. (Окончание)

«Борьба» — более универсальное, чем «война», слово, отражающее ситуацию конфликта. Война — одно из возможных проявлений борьбы. В отношении запросов по слову «борьба» рост фиксируется уже по большему числу языков — русскому, английскому, арабскому, персидскому, португальскому, японскому. Среди англоязычных пользователей удельный вес запросов на слово «борьба», увеличиваясь на интервале 2005—2009 гг., в последующее время находится примерно на одном уровне. В целом, как и в случае со словом «война», тенденция использования конфликтосодержащей лексики вытесняется в определенные регионы мира. Обнаруживается, что в мировой геополитике формируются зоны конфликта и зоны относительного спокойствия. Очевидной зоной конфликта оказывается зона распространения русского языка. Другие конфликтные зоны — персидская и арабская.

Современная эпоха восстановила интерес к феномену революций. Данный интерес обуславливается современными революционными волнами. «Цветные революции» на постсоветском пространстве, «арабская весна» не могли не отразиться по числу соответствующих запросов в Интернете. Показательно, что в 2011 г., в год «арабской весны», резкий подъем запросов по слову «революция» происходит одновременно по всем языкам. Особенно резким был подъем 2011 г. именно среди арабоязычных пользователей Интернета. После 2011 г. популярность запросов слова «революция» почти по всем языкам пошла на убыль. Исключение составляют персидский и русский. Среди русскоязычных пользователей максимальный уровень был достигнут в 2014 г., указывая на опасную для русскоязычного пространства перспективу. Очевидно, показатель 2014 г. обуславливался соответствующими запросами в связи с «Евромайданом».

Удельный вес запросов на слово «враг» русскоязычными пользователями Интернета сравнительно невелик. Тем не менее фиксируется его рост. Необъяснимый резкий подъем запросов приходится на 2006 г. Такие же всплески фиксируются и в отношении других языков, например, китайского и персидского в 2012 г. Иран, следует напомнить, готовился тогда к возможному удару со стороны США, и под врагом среди ираноязычных пользователей понимались Соединенные Штаты Америки и Израиль.

Очевидный рост на всем рассматриваемом интервале 2005—2014 гг. обнаруживается, помимо русского, по арабскому, испанскому, персидскому, португальскому языкам. Соответствующий рост по испанскому и португальскому языкам обеспечивается не столько жителями Иберийского полуострова, сколько странами Латинской Америки. По французскому языку рост фиксируется на интервале 2005—2008 гг., после чего следует спад. По японскому подъем начинается с 2012 г. и продолжается до настоящего времени. Остановился спад, и обнаруживаются определенные симптомы роста по английскому языку.

Конфликты, связанные с криминальными угрозами, не менее значимы в глазах населения, чем конфликты с внешним противником. Особенно показательно в этом отношении слово «убийство». Рост по нему прослеживается по большинству языков. Такой рост может означать усиливающуюся тенденцию криминализации мира. Стремительное увеличение удельного веса запросов по слову «убий-

ство» обнаруживается в русском, арабском, испанском, персидском, португальском языках. В японском языке этот рост приходится на два последних года. Повторяется, таким образом, ситуация по росту запросов на слово «война». Конфликтогенное восприятие внешнего мира соотносится, таким образом, с высокой конфликтогенностью восприятия внутри страны. Менее заметный рост запросов фиксируется по английскому, немецкому и французскому языкам. Этот рост среди англоязычных запросов идет, пусть с крайне незначительным увеличением, после длительного времени одноуровневых показателей.

Динамика популярности запросов по слову «воровство» фактически совпадает с динамикой запросов по слову «убийство». Соответствующий рост фиксируется по русскому, арабскому, испанскому, персидскому, португальскому и за два последних года по японскому сектору Интернета. Корреляция частотности запросов по разным терминам, отражающим криминальную тему, подтверждает правильность самой применяемой методологии.

По большинству языков к 2014 г. снизилась динамика запросов на термин «терроризм». Такого рода динамика позволяет предполагать наличие определенного политического заказа в ее проведении. Исключений два — персидский и русский секторы Интернета. Среди персидских пользователей количество запросов резко выросло в 2009 г. и с тех пор поддерживается примерно на одном уровне. Среди русскоязычных пользователей прослеживается даже некоторый рост, свидетельствующий, что для российского населения террористические угрозы являются значимым фактором общественной обеспокоенности.

Как показывает анализ, в частности, художественных текстов особо аккумулятивным образом конфликта и борьбы выступает символ крови. Безусловно, запросы на слово «кровь» далеко не всегда подразумевают конфликтную тему. Запрашиваться могут, в частности, донорские услуги. Но и конфликтная компонента со словом «кровь» также имеет определенную коннотацию. И показательно, что рост запросов по слову кровь фиксируется по тем языковым секторам, по которым и в отношении других лексем наблюдается усиление конфронтационных тем, — русский, арабский, испанский, персидский, португальский, французский. Только французский язык в этом ряду составляет исключение, не подтверждая рост конфронтационности по другим лексемам.

Динамика популярности запросов на слово «кровь» показана на рис. 2.

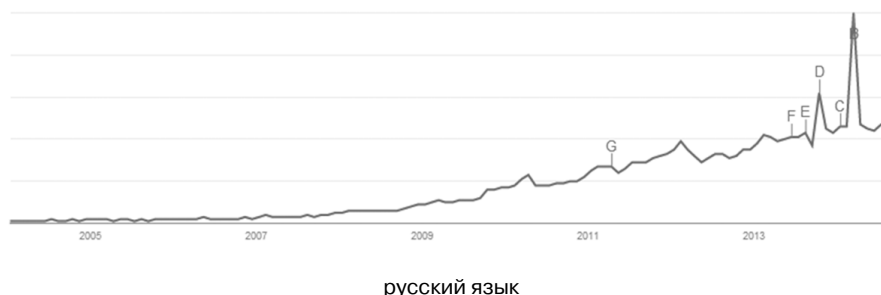
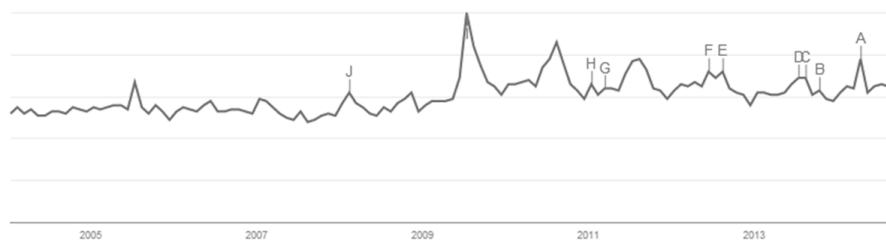
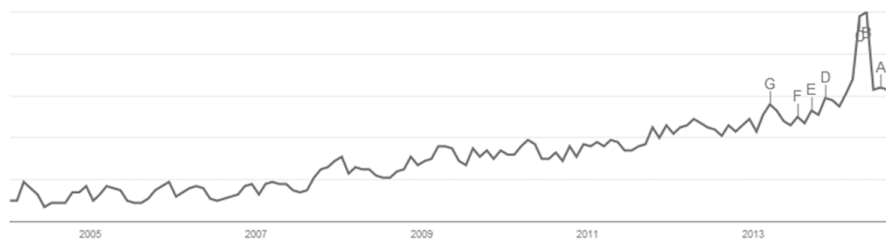

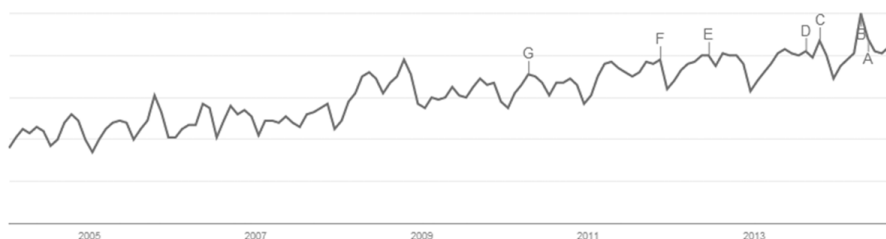
Рис. 2. Динамика популярности запросов на слово «кровь»

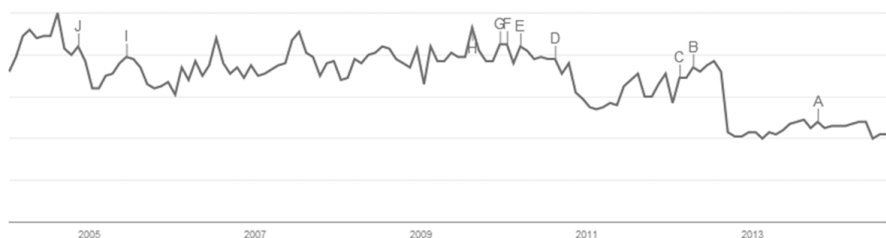
английский язык

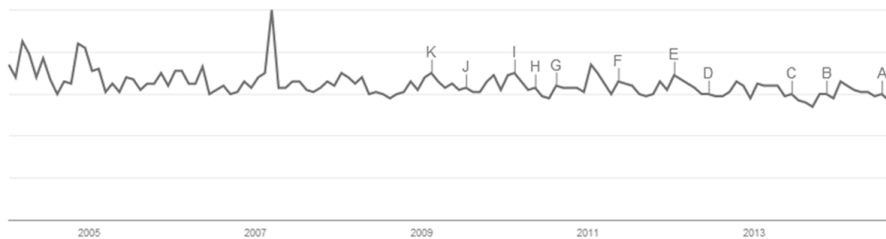
арабский язык

испанский язык

китайский язык

немецкий язык

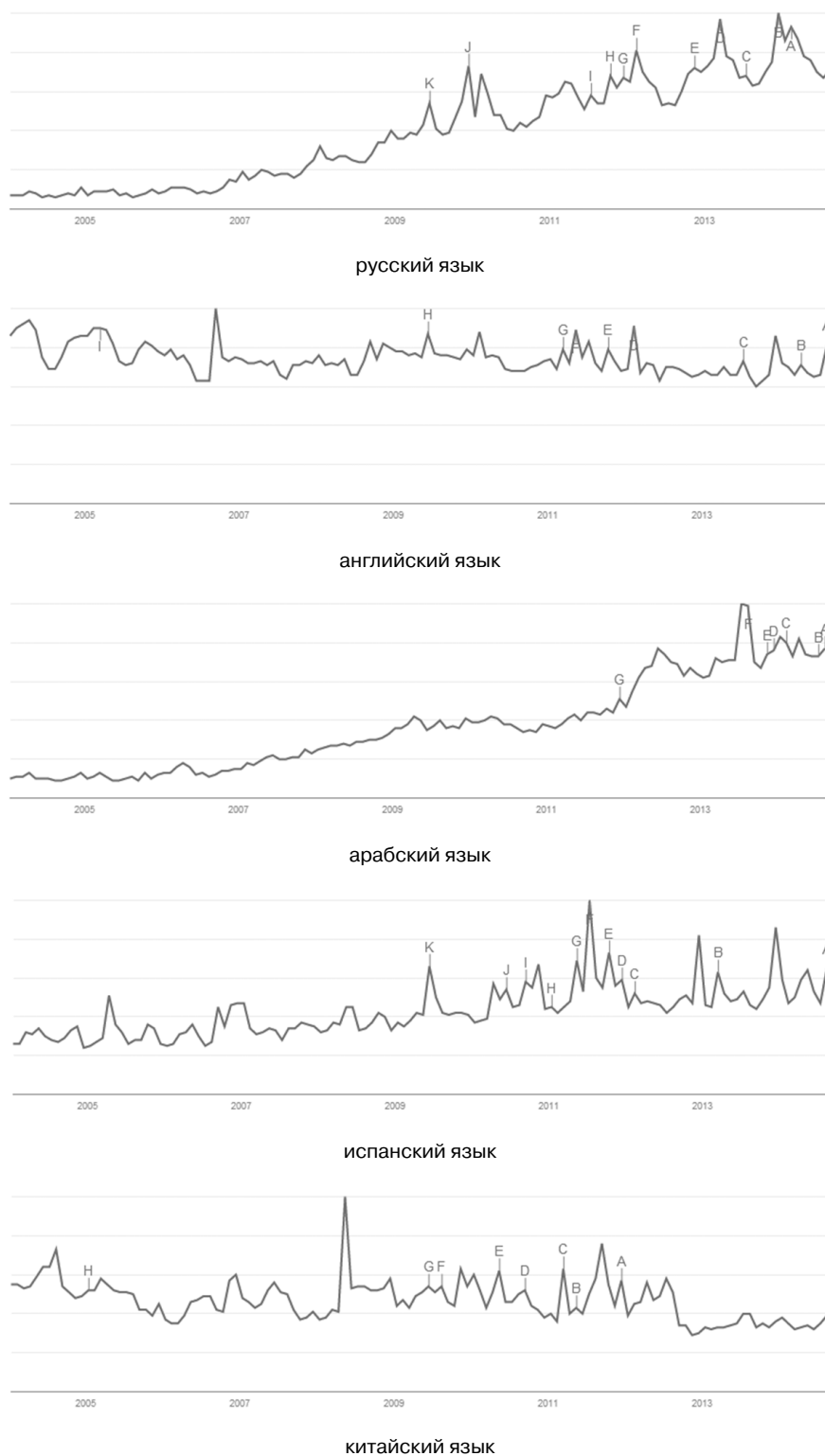
Рис. 2. (Продолжение)

Рис. 2. (Окончание)

Обозначенные тенденции фактически калькируются по количеству запросов на слово «смерть». Увеличение запросов фиксируется по русскому, арабскому, испанскому, персидскому, испанскому, персидскому, португальскому и французскому языку. Динамика снижения наблюдается в отношении английского, китайского, немецкого и японского языка. Рост запросов на слово «смерть» среди русскоязычных пользователей — один из наиболее акцентированных.

Динамика популярности запросов на слово «смерть» показана на рис. 3.

Рис. 3. Динамика популярности запросов на слово «смерть»

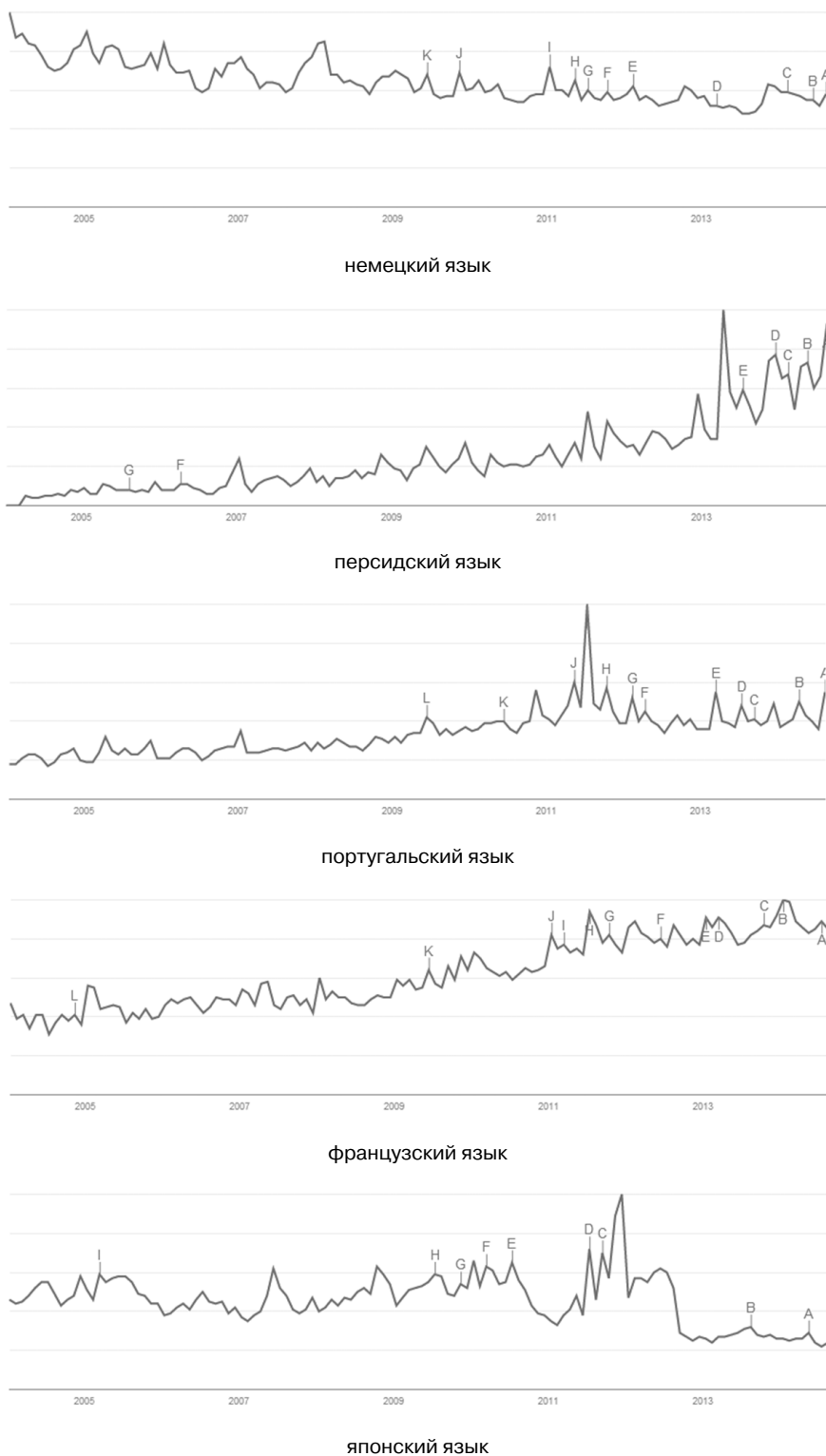
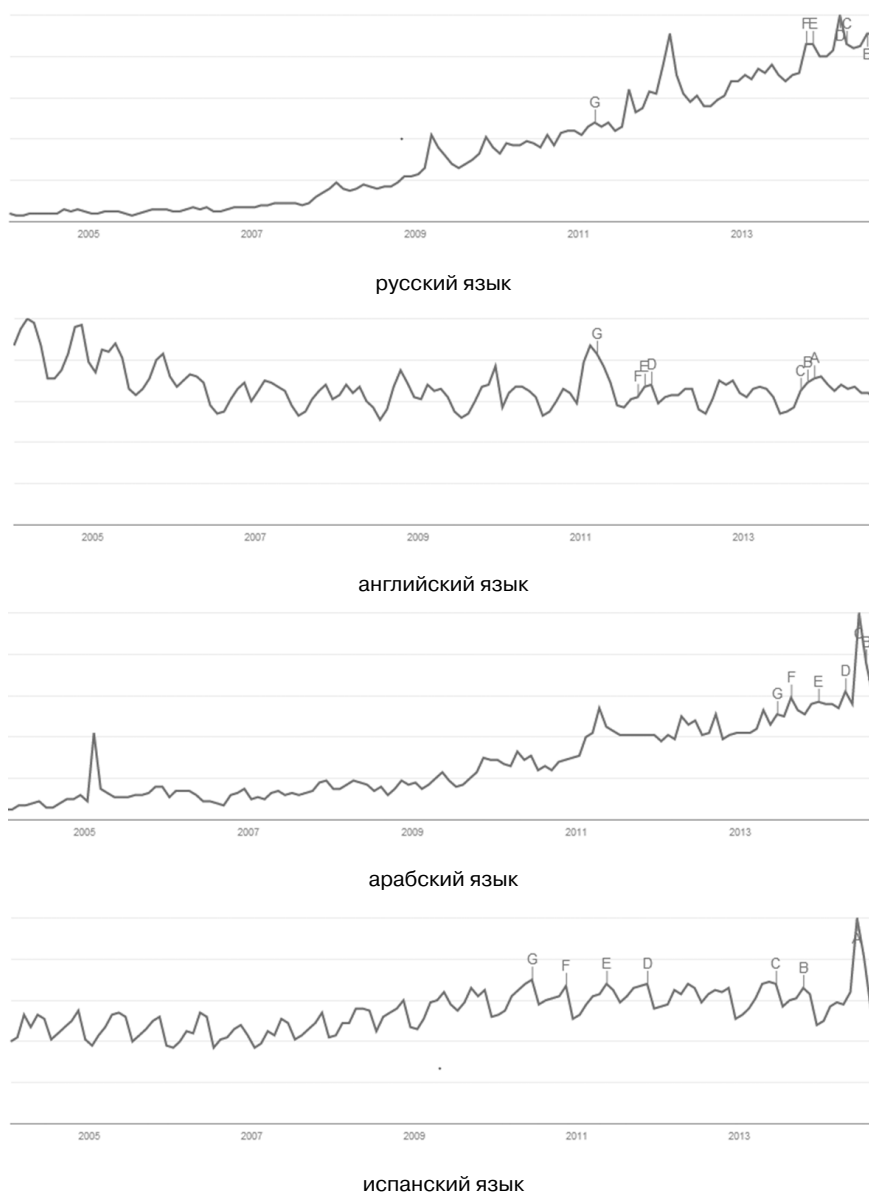

Рис. 3. (Окончание)

Косвенным индикатором степени конфронтационности может быть рассмотрено слово «против». Оно предполагает наличие антагонистических отношений и обладает конфликтной коннотацией. Характерно, что по шести из десяти рассматриваемых языковых секторов количество запросов на слово «против» поддерживается примерно на одном уровне. Снижение идет только по китайскому языку. Рост фиксируется по трем языковым секторам — русскому, персидскому и арабскому. Принципиально важно, что именно регионы, связанные с данными языковыми секторами, находятся в настоящее время в зонах военных эскалаций (украинский военный конфликт, ближневосточные военные конфликты).

Динамика популярности запросов на слово «против» показана на рис. 4.

Рис. 4. Динамика популярности запросов на слово «против»

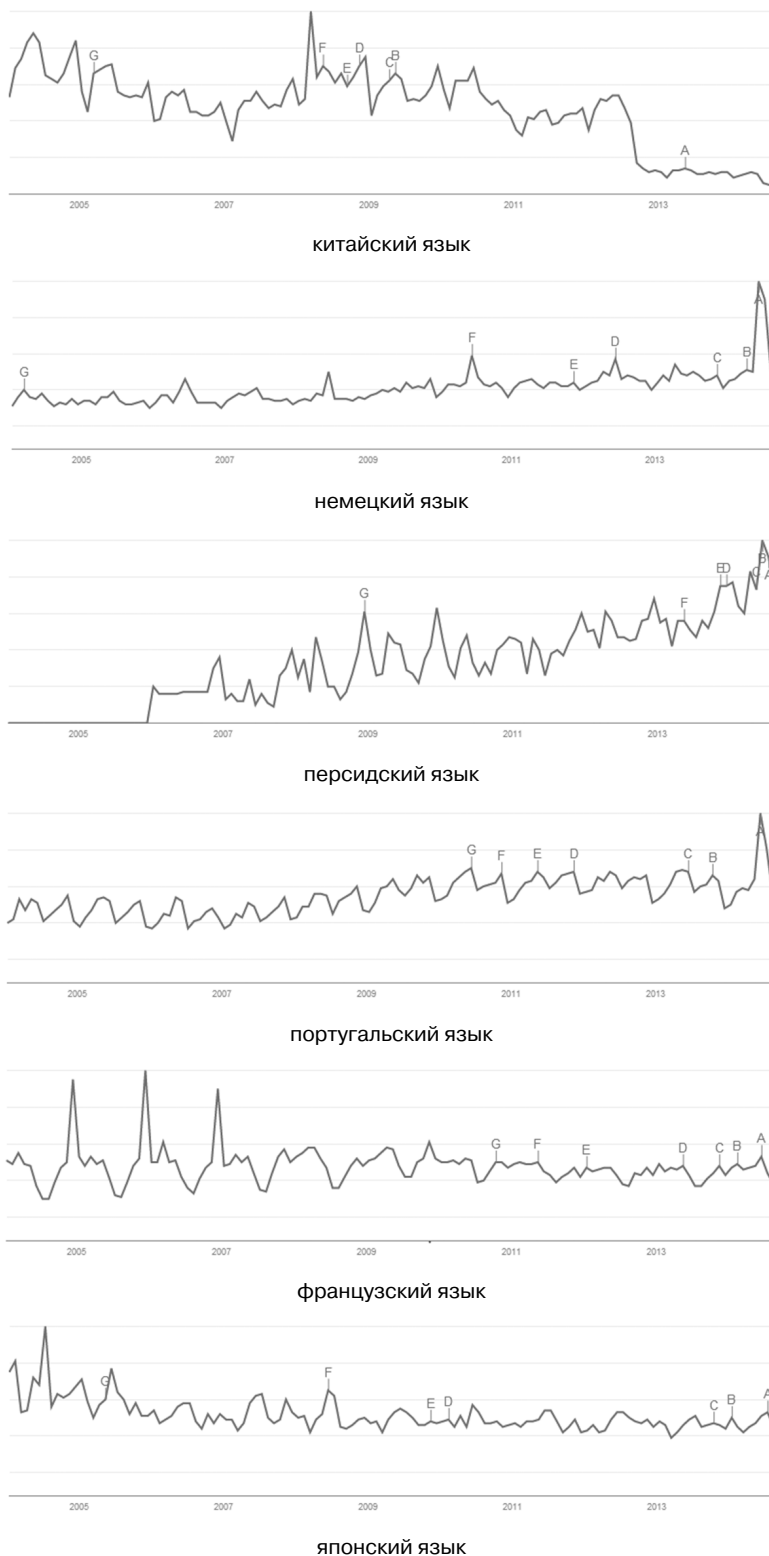

Рис. 4. (Окончание)

Проведенное сравнение продемонстрировало широкие возможности использования данных по количеству запросов конфликтодержащих лексем в качестве мониторинга и прогнозирования реальных конфликтов. Динамика понижения / повышения такого рода запросов четко соотносится с фактическими тенденциями конфронтации.

Определенные выводы проведенный анализ дает и для определения геополитических зон конфронтационности в современном мире. Обнаруживается достаточно жесткое разграничение языковых пространств с понижаемой и повышаемой динамикой конфронтационности. Перспективы конфликтов по этим показателям определенно понижаются для зон английского, немецкого, китайского и японского языка. Такое положение соотносится с новыми геополитическими и геоэкономическими реалиями — страны «золотого миллиарда» плюс новый претендент на лидерство, бурно развивающийся Китай. Амбивалентная ситуация фиксируется по зонам распространения французского, испанского и португальского языков. Угрожающее положение выявлено по трем языковым зонам — арабской, персидской и русской. Применительно к России фиксируется, таким образом, высокая вероятность конфронтационного взрыва — трансформации вербальной конфликтной лексики в реальные конфликты прямого действия.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Анциупов А.Я., Шипилов А.И.* Словарь конфликтолога. СПб., 2006. 526 с.
- [2] *Мамедова Н.М.* Возможные сценарии развития Ирана до 2050 года // Восточная аналитика. 2014. № 4. С. 24.
- [3] Cabinet Decision on Development of Seamless Security Legislation to Ensure Japan's Survival and Protect its People July 1, 2014 // http://japan.kantei.go.jp/96_abe/decisions/2014/___icsFiles/afiedfile/2014/07/03/anpohosei_eng.pdf
- [4] <http://m.golos-ameriki.ru/a/us-army/1639571.html>

THE VERBAL CONFLICTOGENESIS OF INTERNET INQUIRY

P.N. Khromenkov, O.I. Maksimenko

Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10а, Россия, Москва, 105005

Retrieval systems of Internet as unlimited hypertext system, enable the research of verbal component of retrieval request in different world languages by the quantitative content-analysis with the subsequent interpretation of the received quantitative results. In the article the results of the carried out research are offered showing the Internet confrontation level is higher in other that in other media. It is revealed, that increase of conflict lexicon in requests is either directly connected to already occurring conflict, or predicted the conflict. Through the Internet there are realized techniques of mass consciousness

manipulation, actual designing and catalyzation of conflict situations. The Internet gives new opportunities of existing conflicts monitoring. Involving the corresponding methodology and a technique of the hate speech monitoring there are prospects of preventive maintenance of confrontational threats.

Key words: the Internet, request, conflict lexicon, hate speech, the forecast

REFERENCES

- [1] Ancupov A.Ja., Shipilov A.I. Slovar' konfliktologa [The Dictionary of Conflictology]. SPb., 2006. 526 s.
- [2] Mamedova N.M. Vozmozhnye scenarii razvitija Irana do 2050 goda [Possible Directions of Iran Development before 2050]. Vostochnaja analitika. 2014. № 4. P. 24.
- [3] Cabinet Decision on Development of Seamless Security Legislation to Ensure Japan's Survival and Protect its People July 1, 2014 // http://japan.kantei.go.jp/96_abe/decisions/2014/___icsFiles/afieldfile/2014/07/03/anpohosei_eng.pdf
- [4] <http://m.golos-ameriki.ru/a/us-army/1639571.html>

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

IMPLICIT POTENTIAL OF LINGUISTIC SIGN

I.A. Gerasimenko

Humanities and Education Academy (Academic Branch)
of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta
Sevastopolskaya str., 2-A, Yalta, Crimea, index

The article deals with the investigation of “colour” semantics as an implicit potential of linguistic sign. The meaning structure of the analyzed lexemes is studied with the help of contextual method; the conclusions are supported by the association dictionaries data. The studied semantics of the lexemes, which are not referred to the traditional colour terms, allowed us to conclude that colour terms implicit potential, being a non-marked part of a semantic content of the word, is inferred from and defined by context, revealing itself as latent, mediating factor.

Key words: implicit, context, linguistic sign, semantics, colour term

Implicitness, as a way of knowledge existence, is present in the semantic text space, to be more exact, in the semantic structure of its components (behind-text — before-text — subtext — context). Different stylistic devices and figures of speech (including, for example, metaphor, epithet, metonymy, comparison (see: [8]) are referred to signal signs of implicit information which actualize the hidden meaning. But if to take into account the fact that text category of implicitness (along with informativity, intentionality, etc.) contains all sorts of implicit information, it can be implemented in a wide range of linguistic signs. I.V. Arnold, who understood textual interpretation as additional meaning, implied by correlation of appositional text units, pointed out that text implicitness can be based on paradigmatic or syntagmatic relationships of a word [1. Pp. 85–86]. Within the framework of this approach the category of implicitness is interpreted by F. Rast’e who supposes that the interpretant can be any semiotic unit, whether it is a unit of content plane or expression plane [11].

To the linguistic signs, which contain implicit semantics arising from the explicitly expressed elements, we refer adjectives which implicitly convey the guessed colour information. The purpose of the article is, on the material of different genre systems, to

describe the semantics of some linguistic signs, which, in addition to direct ‘non-colour’ meanings are able to convey in the context some additional spectral meanings. Despite the interest to the given topic (see, e.g., V.K. Kharchenko), the semantics of the words such as *буйный, пышный, нарядный, унылый*, etc. has not been considered from this point of view.

It is well known that colour terms are referred to a separate lexico-semantic group containing the reference to colour properly. The material of the investigation and association dictionaries data [12; 17] show that not only colour terms contain the colour seme: it is contained in the structure of meaning of adjectives which are not traditionally referred to colour terms.

If we consider that the word meaning is revealed in the context, then it is the context that reveals the implicit potential of the linguistic sign, and respectively foregrounds “colour” semes of a number of lexemes, including adjectives *буйный, пышный, глухой, холодный, спелый, свежий* etc. In particular, the word *буйный* in the meaning ‘exuberant’, ‘magnificent’, ‘thick’ [15 (1). P. 122] is able to realize the meaning of ‘multi-colored’ in the examples such as

Являлись перед ним напудренные маркизы... усатые лица недавних героев, с буйным огнем в глазах... (I. Goncharov); *Ночи тогда синие, синие, холодновато-розовые, обильные, буйные...* (B. Pilnyak); *С первого же шага буйные травы охватили нас со всех сторон. Они были так высоки и так густы, что человек в них казался утонувшим* (V. Arsenyev).

In fact, the basic meanings of the lexeme under analysis turn into semantic derivatives which have developed “colour” semantics of the given language sign.

Colour term feature, as it is proved by data based on contextual method of investigation, is acquired by such lexemes as *угрюмый, унылый*. In addition to the fixed meanings ‘grim’ and ‘unattractive’ [15 (4). P. 462; 499] respectively, the lexemes *угрюмый* and *унылый* in the context stand for the devices of “guessed” colour meanings close to ‘grey’ and ‘black’, cf.:

... надвигаясь, громадными клубами вздымался *угрюмый мрак* (I. Turgenev); *Унылая пора! Очей очарованье! / Приятна мне твоя прощальная краса* (A. Pushkin) — lines which have become set expressions: *Унылая пора! Очей очарованье!* [3. P. 514]).

Certainly, the context allows us to “revive” the implicit semantics of words, which is out of syntagmatics is in a latent state, and as a result, is not fixed by lexicographical sources.

The meaning structure of the adjective *густой* ‘low permeable’, ‘thick’ [15 (1). P. 358] can also be completed by spectral meanings. For example:

Поднялся густой черный столб дыма... [10. P. 34]; *Высокий русский парень с лихо зачесанным, серым от пыли чубом, с густым румянцем на смуглых щеках... нехотя ответил* (M. Sholokhov); *... густые сумерки выпадают, как стена черного снегопада...* (A. Pichevskiy).

In fact, the implicit meanings result from the interrelation of text appositional units, on the basis of background knowledge and context environment.

In its turn, the semantic structure of the lexeme *глухой* ‘muted’ [15 (1). P. 318] in some particular environment can correlate with the colour meaning ‘black’ (not

coincidentally some lexicographic sources fix the word *глухой* with the meaning ‘rich in colour, concentration’, ‘dark’, ‘low permeable’; see: [4. P. 210]), cf.:

Для ликования все ушли из дома, / оставив мне два фонаря во мгле / по сторонам *глухого водоема* (В. Akhmadulina).

Certainly, in any syntagm (including *глухой водоем*) the meanings “show agreement with each other moving from the union of substance to the “unity of substance”, “synthetical judgments”” (said by A.A. Potebnaya)» [6. P. 116]. Therefore, the description of water sources with the help of the word *глухой* could be determined by their semantic similarity, ascending to the finite connection of the lexeme to the primitive “*ву* ‘вода’: *ву* > *вz[h]a* > *уха* (*в* > *у*; ~ *вуха* [insert *y*] > *вуха* (prosthesis) > *глуха* (usage of a stop to strengthen *в* in *л*)” [7. P. 264]. The presence of a spectral meaning component, to the point of view of modern etymologists, is encouraged by the semantic development of adjective *глухой*: “‘quiet’ > ‘not clear’ > ‘dark’ > ‘vague’» [7. C. 264], and as a result, the lexeme *глухой* has become synonymic to the colour term *черный* within similar contexts, cf.:

... когда-то и он, Григорий, пахал зябрь в *глухой* осенней степи, смотрел по ночам на мерцающее звездами черное небо [...] (М. Sholokhov); *Над черной степью* жила и властвовала одна старая, пережившая века песня (М. Sholokhov).

“Colour” meaning, in some particular context environment, can be observed in the adjective *холодный*:

Мы бродим по перелеску, кругом желтое золото, алость сентябрьская, *ручей* журчит во мхах, и такой — даже на вид *холодный*, хоть и солнце в нем отражается (Z. Gippius).

It should be admitted that the notion of “cold” for the reason of finite closeness to archetypical implication ‘darkness’ is understood through the prism of colour and hue features ‘black’, ‘dark’. Cf. in this regard the usage of speech actualisator *холод* combined with adjectives *темный* and *черный*:

А я иду (сначала боком), — / о, поскорей бы, поскорей! — / *Над темным холодом*, над бойким / озябшим холодом пескарей (В. Akhmadulina); Калужниц больше *черный* *холод*, / Иди, позвал тебя Роголод (V. Khlebnikov).

In fact, the notions “cold” and “darkness” are merged, the sense ‘cold’ means ‘gloom’ on the finite level, it could be determined by the factor of ‘darkness’ and is its analog (‘darkness’ ~ ‘cold’), that was pointed by, for example, N.Y. Marr [9. P. 219] and N.A. Lutsenko [7. P. 9].

The adjective *голый* with basic meaning ‘unvegetated’ [15 (1). P. 329] can also acquire colour semantics. The concept of black colour being on the periphery of semantic content of the word *голый*, is realized, for example, in:

А зимою *лес* и вовсе стоит пустой, *голый*, скованный мертвой тишиной (М. Sholokhov).

It is significant that the implicitness of the word *голый* is revealed as a latent mediating factor which determines the connections within the associative field of words. Thus, according to the data of associative dictionaries Russian linguoculture native speakers to the word-stimulus *лес* give the responses-reactions *темный*, *голый*; see, for example [17].

Cf. metaphorical *голые вершины*, which colour semantics is derived from the following context:

... устремленные ввысь *голые вершины* пирамидальных *тополей*, покрытые попонами лошади у коновязи — все это было освещено призрачным голубым светом полуночи (М. Sholokhov).

Concerning the lexemes *горячий* and *спелый*, having the meanings ‘hot’, ‘scotching’ [15 (1). P. 337] and ‘ripen’ [15 (4). P. 220] respectively, they can in the context implicitly convey some additional spectral semantics close to ‘yellow’. The given implicit potential as a probable part of the mentioned meaning is implemented, for example:

Не успел я отойти двух верст, как уже полились... сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого *горячего света*... (I. Turgenev); Вижу я, будто стою я в поле, а кругом *рожь*, такая высокая, *спелая*, как золотая (I. Turgenev)

the same about the adjectives *свежий*, *робкий* and *нежный*, which basic meanings (‘which has not lost its natural healthy colour’ for the word *свежий* [15 (4). P. 39], ‘timid’ for the lexeme *робкий* [15 (3). P. 720] and ‘with pleasant colouring’ for adjective *нежный* [15 (2). P. 443]) in some particular contexts can be completed by a probable sense ‘pale-pink’ For example:

Лицо его румяное, *свежее*, нахальное, принадлежало к числу лиц, которые... часто нравятся женщинам (I. Turgenev); Занимавшийся *день* был так слаб, неумел, неказист. / *Цвет* — был меньше, чем розовый: родом из *робких*, не резких (В. Akhmadulina); ... она ему очень нравилась: ее белое, *нежное лицо*, черные брови, карие глаза, темно-русые волосы вились по плечам [14. P. 537].

Certainly, colour implicit potential of the given adjectives is derived from explicit meanings of language elements, by means of the existing associate connections between them, acting as semantic content periphery of the mentioned lexemes.

In the area of light colour significance there is also the adjective *легкий*, which having the meanings ‘minor’, ‘not big’, ‘weak’ (according to the size, power, intensity) [15 (2). P. 169] in this or that context can acquire the semantics of a blue colour, cf.:

Цвет небосклона, *легкий*, бледно-лиловый, не изменяется во весь день... (I. Turgenev).

Meanwhile, the adjective *радостный*, without any fixed colour sense in defining dictionaries (see, for example: [15 (3). P. 581]), in some definite lexeme environment is able to be comprehended as ‘light’, ‘yellow’, cf.:

Покойся, милый прах, *до радостного утра* [3. P. 382]; Григорий переводил взгляд... на убегающую куда-то вперед светло-желтую, *радостную полосу света* (М. Sholokhov).

The same is about the word *нарядный*, which except the meanings ‘beautiful’, ‘festive’ [15 (2). P. 392], in the context conveys some non-specific spectral semantics ‘multicolored’; for example:

... на окраине неба голубой *нарядной бабочкой* трепещет в недвижимом потоке Полярная звезда (М. Sholokhov).

“Colour” semantics of the mentioned words is “hidden” in their meaning content and is implemented in some specific lexeme environment. V. V. Vinogradov wrote that “regardless of its current use the word is present in the conscious with all its meanings, hidden and probable, ready to come to the surface on the first occasion” [5. P. 21]. In various contexts even a monosemantic word will have a bit different shade of meaning, i. e. the word will cover with its meaning the notional sphere which borders cannot be strictly defined.

Taking into account the above mentioned information, to the words that can be considered as colour terms with implicit contextual meaning should be also referred some other lexical units, contextually acquiring the spectral meanings. Such adjectives in their basic meaning do not have any color information, but it is hidden and is realized in a specific context. We mean here the adjectives *дневной*, *утренний*, *солнечный*, *лунный*, *закатный*, *осенний*, *безоблачный*, *беззвездный*, *хмурый*, *пасмурный*, *туманный*, *тенистый*, *полярный*, *мертвецкий*, etc. The adjectives *дневной*, *утренний*, *солнечный*, *лунный* in word-combinations such as *дневной свет*, *утренняя тень*, *солнечный свет*, *лунный свет* are comprehended as contextual synonyms of colour terms *белый* and *желтый*, cf.:

В хате изжелта-синий, почти *дневной свет* (М. Sholokhov); От сарая падала на землю рыхлая *утренняя тень* (М. Sholokhov); Наталья... глядела на залитую *солнечным светом* меловую гору, на выгоревшие бурые отроги (М. Sholokhov); Каждый вечер в *лунном свете* / торжествует мощь моя (В. Okudzhava)

(in the minds of Russian ethnic culture speakers the term “light” correlates with the colour and, as a consequence, evokes associations-reactions *белый*, *светлый*, *дневной*, *солнечный*, *лунный*; see, for example: [17]).

In their turn the adjectives *закатный* and *осенний* have implicit meanings close to ‘red’, ‘yellow’, and create a non-marked part of their semantics:

Голубоватый иней... отливает радугой под лучами *закатного солнца* (М. Sholokhov); Лапы их розовели в воде, оранжево-красные, похожие на зажженные морозом *осенние листья* (М. Sholokhov).

As for the lexeme *безоблачный*, the given adjective, having the direct meanings ‘not covered by clouds’, ‘clear’, has a “hidden” semantics ‘blue’. For example:

... день, подсиненный *безоблачным небом*, тоже весел и хорош... (М. Sholokhov).

In Russian linguoculture the words *беззвездный*, *хмурый*, *пасмурный*, *туманный*, *тенистый*, *полярный*, *мертвецкий* contain a probable semantic part ‘black’, ‘grey’, ‘slate-grey’, ‘blue’, cf.:

... в серой *беззвездной ночи* замыачили всадники... (М. Sholokhov); В разрыв трагической культуры, / Где бездна гибельна (без дна!), — / Я, ахнув, рухнул в *сумрак хмурый* (А. Bely); Не расцвел — и отцвел / в утре *пасмурных дней* (поет.) [3. P. 318]; ...Григорий увидел... *пасмурный просвет* уходящей к Дону *степи* — за ним... (М. Sholokhov); В синю *далюшку туманну* погляжу [13. P. 122]; Хороши также летние *туманные дни*, хотя охотники их не любят (I. Turgenev); Твоя *тенистая чащоба* / всегда темна, но пред жарой /

зачем потупилися смущенно / влюбленный зонтик кружевной (В. Akhmadulina); *Воды* (стальная полоса / *Мертвецкого оттенка*) / Держусь, как ногного листка — / Певица, края стенки (М. Tsvetaeva).

Certainly, these words with implicit spectral semantics give the realities depicted some figurativeness and poetry. However, they are not referred to occasional meanings that are conditioned by “the author’s own experiences, his perception of the world”, as some linguists suppose [2]. The meaning structure of these lexemes has implicit colour component that native speakers use in narration. Moreover, the mentioned adjectives as the components of certain word-combinations quite regularly convey some spectral meanings, regardless of genre, trend and author’s idiostyle.

All things considered, colour terms implicitness reveals itself as a latent and potential feature of the linguistic sign and is defined by context. “Colour” semantics of such lexemes acts as a non-marked part and is on the periphery of their content structure. Meanwhile, the analyzed lexemes are not the only words with such characteristics. There are also other words which implicit potential that will be studied in our future articles.

LITERATURE

- [1] *Арнольд И.В.* Импликация как прием построения текста и предмет для изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 83—91.
- [2] *Бабій І.* Семантична характеристика назв кольорів у сучасній українській мові // Рідна мова. № 5. URL: <http://ridnamova/prv.pl>
- [3] *Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4000 единиц. М.: Русские словари: Изд-во АСТ, 2000.
- [4] Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
- [5] *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие [для вузов]; отв. ред. Г.А. Золотова. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1986.
- [6] *Луценко Н.А.* Введение в лингвистику слова. Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2003.
- [7] *Луценко Н.А.* Истории наших слов: диахронно-лексикологические этюды; Донецкий национальный университет. Донецк: Вебер (Донецкое отделение), 2009.
- [8] *Малова Н.Е.* Лингвокогнитивные категории «имплицитность» и «подтекст» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 2. С. 211—214.
- [9] *Март Н.Я.* Избранные работы. Т. 2. Л., 1936.
- [10] Народная проза / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М.: Русская книга, 1992.
- [11] *Растье Ф.* Интерпретирующая семантика. Н.-Новгород, 2001.
- [12] Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. М.: АСТ-Астрель, 2002.
- [13] Русский фольклор / сост. и примеч. В. Аникина. М.: Худож. лит., 1986.
- [14] Сказки: в 3 кн. / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ю.Н. Круглова. М.: Сов. Россия. Кн. 2. 1989.
- [15] Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1984.
- [16] Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров. М.: АСТ, 2001.
- [17] *Черкасова Г.А.* Русский сопоставительный ассоциативный словарь. М.: ИЯз РАН, 2008. URL: <http://philippovich.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm>

ИМПЛИЦИТНОСТЬ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

И.А. Герасименко

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
ул. Севастопольская, 2-А, Ялта, Республика Крым, 298635

В статье исследуется цветовая семантика как имплицитный потенциал языкового знака. Структура значения исследуемых лексем выявляется посредством метода контекстуального анализа; сделанные выводы подтверждаются данными ассоциативного словаря. Семантика лексем, не связанная с традиционными цветообозначениями, позволяет прийти к выводу, что имплицитный потенциал лексем-цветообозначений возникает в контексте и определяется контекстом, выступая в качестве скрытого, опосредованного фактора.

Ключевые слова: имплицитный, контекст, языковой знак, семантика, цветообозначение

DEVELOPING SOCIAL AND CULTURAL AWARENESS IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

I. Salamatina, Zh. Strebkova

State University of Humanities and Social Studies
Zelenaya str., 30, Kolomna, Russia, 140410

Nowadays we are witnessing global changes in the political life as well as in the economy. These changes have one more time underlined the utter importance of foreign language teaching (here and further — FLT) for the development of an all-round personality. V.A. Grebennikova has very rightly put it that “foreign languages and foreign language teaching channel humanitarian knowledge and, broader, humanity; FLT acts as a kind of filter against both Western and Eastern mass-culture, leaving what matches the target culture intact, thus underlining and emphasizing its merits”. This important aspect added a new dimension to FLT in modern Russia, making foreign languages not just an ordinary subject but a tool for efficient cross-cultural and international communication (V.V. Safonova).

The sociocultural approach which now dominates the educational environment has among its strategic values the formation of cultural awareness, i.e. the idea worldview specific to the speaker of the foreign language. So FLT cannot be any longer be limited to teaching language structures and the rules of their usage.

The essence of sociocultural approach is in teaching foreign languages as a means of cross-cultural communication and a way to understand foreign cultures and subcultures. “Sociocultural approach makes it possible to make the learner aware of the world history, the learner’s own country and nation, and to make him understand that all the people in the world are interconnected, and only their joint effort can make the solution of global problems possible...” (V.V. Safonova).

The efficiency of sociocultural education via FLT can only be guaranteed when the dialogue between cultures and civilizations is balanced.

Key words: foreign language education, teaching, foreign languages, sociocultural approach, culture, civilization, cross-cultural communication

“The most important means of human communication is a natural human language, as it is the language, the most complex and enigmatic system that made us the species we are — homo sapience. Language, being both an eternal and infinite subject of scientific inquiry has recently began to attract attention of scientists working in cognitive studies, communication and anthropocentric research, i.e. focusing on such systems as ‘human — language — culture — communication’. Being by definition interdisciplinary, such approaches require a sound knowledge of psychology, philosophy, pedagogy, history and culture studies, thus allowing to observe new aspects of intra- and cross-cultural communication, with the latter being the most challenging of all” [7. P. 10].

The ongoing change of global political and economic landscape, as well as switches of education philosophies have once again highlighted the importance of foreign languages as a means of holistic cultural education. As V.A. Grebenshchikova rightly puts it “foreign languages and foreign language teaching are a second source of genuine universal humanistic culture; it is a sort of mesh which filters out elements of mass and consumerculture of the West and East, leaving only those elements which seamlessly integrate with the national culture, enhancing it and highlighting its best features “ [1. P. 108]. They have made a significant impact on the whole system of foreign language

teaching and, quote, “set new goals for FLT in this country, giving it a new status of subjects which should be taught in accordance with the best international practices of FLT and with consideration of current Russian cultural context” [4. P. 3].

A new strategic task of the FLT in Russia is to “develop cross-cultural awareness and thus focus on teaching communicative, social and cultural competences”. This implies that in the current FLT climate we have to go beyond teaching just the verbal code and developing the skills of using it. We have to create in our FLT students the mind scope similar to that of the native speaker of the foreign language in question.

“The essence of socio-cultural approach to FLT is in viewing the foreign language as a means international communication, way to understand the world and national culture, as well as the social subcultures of the speakers of the language studied. Socio-cultural education which is driven by FLT is aimed at the development of a special type of world perception in the student. It aims at creating an individual who is receptive to the history of humanity and his own nation, building in him cultural and moral awareness on the global scale. Apart from that it also focuses on the development of communication skills and unraveling the students spiritual potential, teaching about ethically acceptable and legally justifiable forms of social self-expression and discussion, especially when the opponent has ideas or religious belief that differ from that of the student, as well as on the need for self-study” [4. Pp. 11–12].

FLT-driven socio-cultural education can produce good results if it is congruent with the principles of cultural dialogue in the educational context.

Exposure to the traditions and values of other nations and cultures contributes to the enrichment of cultural identity. Thus teaching foreign languages in the context of dialogue of cultures and civilizations requires from educators to take serious steps towards the analysis of culture-related authentic materials which can be used to simulate the cultural space mentioned in the classroom environment, with the student being constantly and continuously introduced to these foreign cultures [3. P. 222].

The hierarchical system of problem-oriented cultural knowledge is the methodological focus of socio-cultural education. This type of education is aimed at retrieval, analysis, aggregation, systematization and interpretation of cultural information. This results in the development of “polycultural communicative competence of the linguistic persona”.

Teaching which is based on the principle of cultural dialogue breeds respect towards other cultures, linguistic, ethnical and racial tolerance, communication cadence as well as readiness for understanding of other cultures and their heritage. “Dialogue of cultures is in its essence a peer-to-peer interaction of cultures, based on mutual understanding the representatives of such cultures. The main purpose of cultural dialogue is to achieve mutual understanding on all levels — linguistic, socio-cultural and axiological (understanding the values of the partner)” [7. P. 18].

Lipetzki methodological school of Professor Efim Passov has developed the theory of individuality development, with the principle of cultural dialogue lying at the core thereof. Communicative approach to FLT, being the cornerstone of this theory, focuses at the learner’s personality, experience, worldview, interests and feeling, which in their turn are considered at the organizational stage of the FLT lesson where both the learner and the teacher are equal communicative partners. E. Passov takes a two-fold approach to communicativeness, i.e. “as both a generic methodological category which proves the necessity to model FLT as a type of communication and a technology, i.e. a strategy in

the process of which the following parameters of communication are observed: motivation, purposefulness, individual meaning, verbal and cognitive activities, individualized approach, rapport (emotional, cognitive and personal), cooperation, contextuality, connection between speech and other activities, functionality (modeling of all speech functions), heuristic learning as opposed to pattern learning, content-richness as an objective characteristic of study materials and information-richness as the subjective one, problem-based organization and presentation of study materials, originality which implies permanent variation of all components of the teaching process, expressiveness and integration of verbal and non-verbal means of communication” [2. Pp. 81–82]. Communication-oriented FLT contributes to the expansion of the learner’s linguistic horizons: “For a learner, mastering a new means of communication means acquiring access to the values of the country which is new to him. Every new batch of study material to be learned is introduced as a phenomenon of the other nation’s culture” [2. P. 31]. Taking a two-fold approach towards ensuring the communicative nature of learning is ensured by the dialogue of the two cultures: the foreign and the native...

Orientation towards communication is the fundamental rule which lies behind the intensive approach to FLT is at the core of the theory put forward by Galina Kitaygorodskaya, who states that, “the leading role of student-centered communication is most evident in the implementation of the objectives of education. Since efficient foreign language communication teaching means ensuring the development of the student’s speech skills and communicative competence of the student, as the primary concern is the ability of the student to engage in real communication at the level of personal meanings, revealing and realizing their personal potential. Communicative context establishes a link between all the communicative tasks, ensures continuous and informal contacts of the teacher with the student group, allowing a comprehensive verbal and nonverbal impact on the individual learner, (mostly via other students)” [5. P. 84].

With the dynamic development of intercultural contacts substantially changes the model the international community as well as the principles of its existence. Humanity moves towards cultural pluralism, dialogue and a balance between cultures which allows them to develop harmoniously. The process of cross-cultural communication requires from the participant a communicative competence which is of vital importance in a multicultural society and is “designed to prevent the development of xenophobia, spread of intolerance and bar the development of intolerance” [6. P. 8].

As cultural communication is achieved by means of language that pervades the entire theoretical and practical activities of people, it’s resulting in the growth of motivation for learning the languages of other cultures.

REFERENCES

- [1] Grebennikova V.A. Jazyki: svjazujushhee zveno mezhdu ljud’mi [Languages: A Link Between People] / V.A. Grebennikova // Jazyk, poznanie, kul’tura na sovremennom jetape razvitija obshhestva. Saratov: SGAP, 2001. P. 108–111.
- [2] Passov E.I. Kommunikativnoe inozazychnoe obrazovanie. Koncepcija razvitija individual’nosti v dialoge kul’tur [Communication-Oriented Foreign Language Teaching. Developing Individuality in the Cultural Dialogue] / E.I. Passov. Lipetsk: Lipetskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet [Lipetsk State Pedagogical University], 1998. 159 p.
- [3] Salamatina I.I. Sovremennoe inozazychnoe obrazovanie cherez prizmu sociokul’turnogo podhoda [Sociocultural Approach To Modern Foreign Language Teaching] / I.I. Salamatina // Jazyki i

- kul'tury v sovremennom mire: Materialy XI mezhdunarodnoj konferencii [Languages and Cultures in the Modern World: Proceedings of the XI International Conference]. Moscow, NOPriL, 2014. 342 p.
- [4] Safonova V.V. Kniga dlja uchitelja k uchebnomu posobiju po anglijskomu jazyku dlja X—XI klassov shkol s uglublennym izucheniem anglijskogo jazyka [Advanced Curriculum English for Schools. Grades 10-11. Teacher's Book] / V.V. Safonova. Moscow, Prosveshhenie, 1995. 64 p.
- [5] Slastenin V.A. Lingvogumanitarnaja kul'tura uchitelja inostrannogo jazyka: Monografija [Linguo-Humanitarian Culture of Foreign Language Teacher: Monograph] / V.A. Slastenin, V.N. Kartashova. M.: Mezhdunarodnaja akademija nauk pedagogicheskogo obrazovanija, Elets: EGU im. I.A. Bunina [International Academy of Pedagogical Sciences, Elets: Elets State University named after I.A. Bunin], 2003. 232 p.
- [6] Solovova E.N. Podgotovka uchitelja inostrannogo jazyka s uchetom sovremennyh tendencij obnovenija soderzhanija obrazovanija [Training A Foreign Language Teacher In The Changing Educational Environment] / E.N. Solovova // Inostrannye jazyki v shkole [Foreign Languages in School]. 2001. № 4. P. 8—11.
- [7] Ter-Minasova S.G. Vojna i mir jazykov i kul'tur: ucheb. posobie [Languages and Cultures: War and Peace (Textbook)] / S.G. Ter-Minasova. Moscow, SLOVO/SLOVO, 2008. 344 p.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

И.И. Саламатина, Ж.В. Стребкова

Государственный социально-гуманитарный университет
ул. Зеленая, д. 30, Коломна, Московская обл., Россия, 140410

В настоящее время происходят глобальные изменения в политике и экономике. Эти изменения обуславливают значимость изучения иностранных языков для развития личности. В.А. Гребенникова справедливо утверждает, что иностранные языки и их преподавание развивают гуманитарное знание и — шире — человечность; преподавание иностранных языков выступает как своего рода фильтр против как западной, так и восточной массовой культуры, оставляя то, что соответствует целевой культуре нетронутым, таким образом подчеркивая ее достоинства». Этот важный аспект предопределил новое направление в преподавании иностранных языков в России, сделав иностранные языки не обычным предметом, а средством для эффективной межкультурной и межнациональной коммуникации (В.В. Сафонова).

Социокультурный подход, который сейчас доминирует в образовательной среде, предполагает формирование культурной компетентности, т.е. представлении об особенностях картины мира носителя иностранного языка. Поэтому преподавание иностранного языка более не может ограничиваться обучением языковым конструкциям и правилам их использования.

Суть социокультурного подхода заключается в преподавании иностранных языков как средства межкультурной коммуникации и способа понимания иностранных культур и субкультур.

Эффективность социокультурного подхода обеспечивается эффективностью диалога между культурами и цивилизациями.

Ключевые слова: преподавание иностранного языка, иностранный язык, социокультурный подход, культура, цивилизация, межкультурная коммуникация

НАШИ АВТОРЫ

Герасименко Ирина Анатольевна — доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской и украинской филологии с методикой преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

E-mail: iragerasimenko@mail.ru

Колесова Надежда Николаевна — старший преподаватель кафедры русского языка (как иностранного) ГБОУ ВПО «Ивановская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения РФ, аспирант кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

E-mail: nn.kolesova@yandex.ru

Лопухина Раиса Васильевна — доцент, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого

E-mail: rvlopukhina@rambler.ru

Лунькова Лариса Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Государственного социально-гуманитарного университета (г. Коломна)

E-mail: loralu@list.ru

Максименко Ольга Ивановна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета

E-mail: maxbel7@yandex.ru

Мамонтов Александр Степанович — доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

E-mail: as-mamontov2@yandex

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

E-mail: mvavit@tut.by

Морослин Петр Васильевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

E-mail: mpv_1950@mail.ru

Новикова Марина Львовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка юридического института Российского университета дружбы народов, координатор интенсивных программ по русскому языку для астронавтов
E-mail: novikovamarinalvovna@yandex.ru

Саламатина Ирина Ивановна — доктор педагогических наук, профессор, декан факультета иностранных языков Государственного социально-гуманитарного университета», профессор кафедры иностранных языков
E-mail: salir@mail.ru

Сложеникина Юлия Владимировна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики Самарского государственного технического университета
E-mail: goldword@mail.ru

Скнарев Дмитрий Сергеевич — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры «Маркетинговые коммуникации» Южно-Уральского государственного университета
E-mail: sknar@list.ru

Сотова Ирина Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики преподавания филологического факультета ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»
E-mail: irina_sota@mail.ru

Стребкова Жанна Викторовна — кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Государственного социально-гуманитарного университета, доцент кафедры иностранных языков
E-mail: jstrebkova@mail.ru

Хроменков Павел Николаевич — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, ректор Московского государственного областного университета
E-mail: geleiter@mail.com

Научный журнал

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Серия:
РУССКИЙ И ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ
И МЕТОДИКА ИХ ПРЕПОДАВАНИЯ

2016, № 3

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61213 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198)

Редактор *И.В. Успенская*
Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Адрес редакционной коллегии
серии «Русский и иностранный языки
и методика их преподавания»:
Кафедра русского языка и методики его преподавания
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 434-07-45
E-mail: rusforeignlanguagejournalrudn@pfur.ru

Подписано в печать 07.09.2016. Выход в свет 21.09.2016. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».
Усл. печ. л. 7,74. Тираж 500 экз. Заказ № 835

Цена свободная

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419, тел. (495) 952-04-41

Scientific journal

BULLETIN
of Peoples' Friendship
University of Russia

Series:
RUSSIAN AND FOREIGN LANGUAGES.
METHODS OF ITS TEACHING

2016, № 3

Editor *I.V. Uspenskaya*
Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:
Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Address of the editorial board
Series «Russian and foreign languages.
Methods of its teaching»:
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198
Tel. +7 (495) 434-07-45
E-mail: rusforeignlangjournalrudn@pfur.ru

Printing run 500 copies

Open price.

Address of PFUR publishing house
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 952 0441